

**ИСТОРИЯ
РЕПРЕССИЙ НА УРАЛЕ
В ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

**Тезисы научной конференции
25—26 октября 1994 г.**

Екатеринбург

1994

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию

Уральский государственный университет

**ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ НА УРАЛЕ В ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Тезисы докладов научной конференции
25-26 октября 1994 г.

Екатеринбург
1994

Печатается по постановлению редакционно-издательского
совета Уральского государственного университета

История репрессий на Урале в годы советской власти: Тез.
докл. науч. конф.; 25-26 октября 1994 г. Екатеринбург:
Изд-во УрГУ, 1994. 140 с.

Редакционная коллегия: доктора исторических
наук, профессора Т.И.Славко (отв. редактор),
В.Д.Камыкин, Н.Н.Попов.

© Уральский государственный университет,
1994

СУДЬБЫ ТЕАТРАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ СВЕРДЛОВСКА 30-х гг. (ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ)

История художественной интеллигенции Урала 30-х гг. представлена в советской научной литературе достаточно скромно, а ретроспективный анализ опыта с репрессиях еще ждет своих исследователей. Это десятилетие оказалось для театральных деятелей Свердловска весьма трагическим. Ибо в условиях тоталитарного режима, установившегося в стране, искусство должно было занять подчиненное место в новых государственных структурах или погибнуть. Идея "пролетарской диктатуры" в искусстве все больше овладевала умами руководителей разных административных уровней. Поиски истины во всем, что не отвечало официально принятой точке зрения в области искусства, стали определять их деятельность. Случалось, что отсутствие компетентных людей в органах управления культурой приводило к тому, что совершенно необоснованно ставилась под сомнение та или иная работа театра, и иные сигналы номенклатурных работников служили поводом для отрицательных выводов. Так, по воле начальника Свердловского отдела искусства на репертуар театра музыкальной комедии воцарились классические оперетты "Цыганский барон" И. Штрауса, "Перикла" К. Оффенбаха, "Продавец птиц" К. Целлера.

Гонения, запреты, невежественное вмешательство в творческую жизнь, как правило, не поощряли художественный поиск, но ограничивали его. Со временем сформировалась личность художника особого типа, терпящая процесс революции сознания, без которой невозможно создание новой жизни. Диктат исторических обстоятельств, экстремальность переживаемой тогда ситуации оказывали возможности работников искусства. Вследствие морального, идейного террора не только физически, но и духовно уничтожались кадры. Одних убивали, другие убивали в себе талант.

Авторитарный режим и авторитарная идеология с ее культом вождя привели к удручающей узурпации мышления. Стремление любым путем "выбиться в люди" привело к тому, что доносы становились естественной функцией "благородной" деятельности. Их

авторам необходимо было изображать своих коллег "врагами народа", и для этого все средства, включая прямое искажение истины, были приемлемы. Элементарная зависть толкала на подлость. Шло разрушение личности, ее нравственных начал.

История деятелей театров Свердловска - это и уничтоженные имена, стертые из памяти судьбы. Отвергнутые таланты, угасшие художественные озарения - проявления наиболее уродливых черт тоталитарного режима. Справедливость требует от нас вернуть правду о людях, на долю которых выпало пройти страшный путь репрессий, правду, попиравшуюся в трагические годы.

В перекрест хрущевской "оттепели" анализ репрессий среди художественной интеллигенции исследователи сводили к простой констатации факта. Естественно, что такие публикации вызывают ощущение недосказанности. В то же время они успели стать чем-то вроде символов обретения нравственных позиций, гражданственности.

Волна возвращений поднимает на поверхность жизни имена не только мастеров искусства, но и рядовых представителей художественной интеллигенции. Среди них народный артист РСФСР, главный режиссер Свердловского театра музыкальной комедии Г.И.Кугушев; директор этого же театра А.Б.Субботовский; его директор А.В.Васильев; артистки балета Т.П.Малиновская, Т.П. и А.П.Меньшиковы; солистки балета Свердловского театра оперы и балета Л.И. и В.И. Андросовы; артисты его оркестра Г.Козловицкий, В.Волак, И.Петкевич; театральный художник, заслуженный деятель искусств РСФСР В.А.Людмилин и др.

В чем обвиняли театральных деятелей? Да ни в чем ином, как в шпионаже. Свидетельством тому протоколы допросов, документы, хранящиеся в следственных делах УКГБ по Свердловской области. Особый интерес представляют личные архивы репрессированных и их близких, воспоминания этих людей с пережитом, без которых практически невозможен полный портрет режиссера, актера, художника.

Репрессия, догматизм, командный метод руководства чрезвычайно обеднили нашу культуру, изломали многие человеческие судьбы, загубили немало талантов. Нынче происходит как открытие, так и "переоткрытие" многих имен театральных деятелей Свердлов-

ска. Их возмещение — запоздавшая попытка возместить одну из невозможных потерь отечественной культуры на региональном уровне.

И. И. Алексеевко
Краснодар

О КАТЕГОРИИ "КУЛАК" И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ

Термин "кулак" толковался и понимался по-разному и преимущественно раслитературно: партийный и советский аппарат и работники ЦУ в разряд кулаков часто относили категорию крестьян не по экономическим признакам, главными из которых считались размер налогообложения и другие официальные признаки (наем рабочей силы, ростовщичество и др.), а по политической неблагонадежности, политической позиции, поведению, отношению к советской власти, коллективизации.

В значительной мере юридическим обоснованием репрессий, в том числе и против кулаков, стало высказывание Л. М. Кагановича в докладе 4 ноября 1929 г. в Институте советского строительства и права, где он объявил понятие правового государства буржуазным и неприемлемым для советского государства: "Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве, и тем более применяет понятие "правового государства" к Советскому государству, то это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве".

Стремление всяких правовых норм ускорило превращение Советского государства в тоталитарное, усилив неизбежность грядущих массовых репрессий, ставших уже трагической реальностью, вылилось в произвольное толкование революционной законности.

В документах можно найти указание на то, что тот или иной хлебороб до 1927 или 1928 нанимал работника, имел молотилку или трактор, сдаваемые соседям в аренду. Если даже этот хлебороб позже и утрачивал перечисленные признаки (в результате конфискации, раскулачивания или продажи мавна), все равно за ним сохранялось звание "кулака", что давало повод для репрессий за прошлое. На Кубани, например, основанием для ареста и депорта-

ции была служба казака в белой армии в годы гражданской войны, хотя рядовые казаки получили амнистию. Грани между соблюдением законности и ее нарушением были условными, трудно различимыми. Часто революционная законность подменялась революционной целесообразностью, а последняя практически зависела от субъективного фактора, исполнителей, пользовавшихся "революционным чутьем".

Даже тогда, когда официально кулацкие хозяйства были ликвидированы и выселены, термин "кулак" длительное время широко распространялся на тех хлеборобов, которые не выполняли заданий по хлебозаготовкам. Особенно это характерно для осени 1932 - зимы 1933 г. и для такого региона, как Кубань. В постановлении Северо-Кавказского крайкома партии с участием председателя комиссии Кагановича от 4 ноября 1932 г. "О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани" невыполнение плана хлебозаготовок означало объявлялось кулацким контрреволюционным саботажем. По мнению Кагановича, кулацкий саботаж проявляли те, кто саботировался заготовкам или был не в состоянии выполнить план, люди, зараженные кулацкими настроениями. И они были подвергнуты арестам и репрессиям. Численность "врагов", таким образом, увеличивалась. В разряд кулаков зачислялись не относившиеся к этой категории, в том числе и активисты. В конечном итоге в число саботажников в упомянутом постановлении были отнесены и "кулаки с партбилетами в карманах", т.е. местные коммунисты, которые выселялись в северные районы, на Урал и в Сибирь.

"Раскрытие" классового врага было сложной задачей и часто ее решение было произвольным, так как "враг" не был точно определен. Как врагов квалифицировали не только бывших кулаков, но и тех, кто был зачислен в эту категорию в 1932 - 1933 гг., а также бывших оппозиционеров, "кулаков с партбилетом в кармане". Перечень таких врагов возрастал. Только за два месяца и двадцать дней 1932 г. в Северо-Кавказском крае были арестованы 100 тыс. человек, из них 26 тыс. были выселены, а 70 тыс. находились в тюрьмах. Эти цифры позволяют судить о масштабах сопротивления и размерах примененного насилия.

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА

Диктатура пролетариата, провозглашенная в октябре 1917 г. в России, где рабочий класс составлял незначительное (2%) и политически ничтожное меньшинство, неизбежно вела к угнетению огромного большинства. Массовые репрессии были запрограммированы в отсутствие зрелых социально-экономических условий для перехода к новому строю. Они явились фактором сохранения незаконной власти узурпаторов, стали главной характерной чертой формирувшегося советского тоталитаризма. Репрессии, направленные против всего народа, осуществлялись на всех этапах коммунистического режима: становления (1917-1928), господства (1929-1953), стагнации и крушения (1954-1991).

На первом этапе можно выделить период "неофициального" террора с октября 1917 г. до осени 1918 г., когда активно применялся он против представителей свергнутой власти, офицеров старой армии, владельцев национализированных предприятий, рабочих демонстраций и крестьянских выступлений.

Следующий период связан с развязанной большевиками полномасштабной гражданской войной (лето, 1918-1922), когда "красный террор" приобрел, по указанию В.И. Ленина, "массовидный" характер. Он широко применялся против буржуазии, офицеров, рабочих, крестьян, красноармейцев (дезертиров), духовенства и интеллигенции. Екатеринбургская чрезвычайная комиссия только в 1919 г. репрессировала свыше 6 тыс. человек, а по всему Уралу эта цифра составила около 50 тыс. Апогея террор достиг после поражения армии Врангеля в Крыму в 1920 г., где были расстреляны свыше 150 тыс. офицеров, солдат, представителей интеллигенции, служащих, предпринимателей.

В 1921-1922 гг. репрессии направляются против массовых выступлений рабочих и крестьян. После разгрома кроунштадтского выступления были расстреляны свыше 2 тыс. матросов и рабочих, более 6 тыс. отправлены на Соловки. В результате ликвидации отрядов Махно на Украине около 200 тыс. крестьян сослали в Сибирь, поражение крестьянских выступлений в Тамбовской области, Западной Сибири обернулось репрессиями против сотен тысяч их участ-

ников. В эти годы были разгромлены партии эсеров, меньшевиков, анархистов. В 1920-1921 гг. советская власть провела депортацию больших групп населения: 70 тыс. казаков с Северного Кавказа и 200 тыс. азербайджанцев из Армении.

На этапе становления тоталитарного режима можно выделить период с 1923 до конца 20-х гг., когда на основе решения о реорганизации ВЧК, принятия уголовного и гражданского кодексов РСФСР советская власть перешла к внешним формам правового государства. В эти годы масштабы политических репрессий сначала уменьшались, затем вновь усилились во второй половине 20-х гг., в частности по отношению к бывшим офицерам, служившим в Красной Армии (1925), "оппортунистам" в правящей партии (1927), к зажиточным крестьянам (1928), ученым Академии наук (1929), "буржуазным" специалистам (1928, 1930) и др.

На втором этапе (30-40-е гг.) репрессии и террор становятся массовыми и охватывают миллионы советских людей. Если на этапе формирования большевистского режима политические репрессии прикрывались лозунгами "классовой борьбы", то теперь они оправдывались лживой теорией обострения этой борьбы "в период развернутого строительства социализма". На данном этапе выделяется период 1930-1935 гг., когда было разгромлено российское крестьянство, а на его развалинах сформирован "новый класс" колхозников. Общее число раскулаченных и высланных в 1929-1931 гг. составило 391 026 семей общей численностью 1 803 392 человека, из них на Урал было направлено 32,6%. Террор, тюрьмы, сыщик, голод и болезни привели к гибели 5-6 млн крестьян. В эти же годы, особенно после убийства С.М.Кирова в 1934 г., разворачиваются репрессии против интеллигенции, в том числе в правящей партии. Организовались показательные судебные процессы.

Воссозданная, укомплектованная и оборудованная сталинская репрессивная машина, набирая обороты, достигла апогея в 1936-38 гг. Были расстреляны, погибли от истязаний и пыток в тюрьмах и лагерях многие руководители партийные, советские, армейские, хозяйственные, профсоюзные, комсомольские кадры, а также представители рабочего класса и колхозного крестьянства, выступавшие против насилия и в целом политики сталинского руководства. Общее число репрессированных в 30-е гг. составляло примерно 20 млн человек, или около 10% населения страны.

Конец 30-х - начало 50-х гг. - третий период сталинских репрессий, для которого ставится характерной депортация народов.

В этот период режим продолжал политику выжужки новых "врагов народа", в результате которой были расстреляны видные военачальники, фабриковались такие "дела", как "Ленинградское Барейское антифашистского комитета", "Минеральской националистической организации", "Дело врачей". По официальным данным, в 1930-1953 гг. по обвинению в контрреволюционных, государственных преступлениях судебными и внесудебными органами были вынесены приговоры и постановления в отношении 3 778 234 человек, из них 786 098 расстреляны.

На третьем этапе советского тоталитаризма (с середины 50-х гг.) наступила хрущевская "оттепель", при которой был нанесен удар по сталинской репрессивной машине, ряд руководителей НКВД-МВД был арестован, началась реабилитация миллионов советских граждан, пострадавших от беззакония и террора.

С.Л. Букетев
Ижевск

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НАД ЭСЕРАМИ-МАКСИМАЛИСТАМИ КАК МЕТОД РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Одним из объектов репрессивной политики Коммунистической партии стал Союз социал-революционеров-максималистов (СОРМ), в том числе и его организации, действовавшие на территории Удмуртия. Система репрессий включала такие методы, как разгром коммунедов местных организаций СОРМ, расстрелы без суда и следствия, вмешательство во внутреннюю жизнь организаций, запрещение их легальной деятельности, произвольная кассация нежелательных для коммунистов результатов выборов в местные советские и профсоюзные органы, снятие с ответственных постов по мотивам партийной принадлежности, административное удаление с производства и, наконец, политическое преследование.

Политические процессы проводились над членами и сотрудниками Ижевской организации СОРМ в 1919 - 1926 гг. Всего

было организовано шесть процессов: три в Ижевске, два в Москве и один в Казани; привлечены к ответственности более 326 человек (некоторые заочно), осуждены более 57 человек, из них 32 были амнистированы.

Первый процесс проводился в Ижевске в конце апреля 1918 г. под председательством делегата Казанской советской республики И. Е. Борлина в открытом заседании Революционно-полювого штаба — чрезвычайного органа, созданного коммунистами из-за вооруженного конфликта между местными организациями ССРМ и РКП(б) в связи с решением Ижевского Совета о разоружении отряда Красной гвардии, где максималисты имели преобладающее влияние. В несдаче оружия, проведении незаконных обысков и арестов обвинялись до 200 человек. Многие были оправданы, некоторым были вынесены условные меры наказания и общественное порицание, 24 человека приговорены к небольшим срокам заключения. В июле 1918 г. в результате политического компромисса между коммунистами и максималистами они были освобождены.

Процессы начала 20-х гг. были поиском средств выхода из политического кризиса советской власти, достигшего апогея во время Кронштадтского мятежа весной 1921 г. Наиболее важными процессами этого периода стали Казанский, Ижевские и Московский.

Казанский процесс над эсерми-максималистами, обвинявшимися в агитации против правительственной политики предразверстки в сентябре 1919 г., проводился 24 марта — 26 ноября 1920 г. в закрытых заседаниях губернской ЧК и Временной комиссии при СНК ТАССР по применению амнистии ВЦИК от 7 ноября 1920 г. Под стражу был взят 51 человек, двое из них — Б. Ильин и Д. В. Михайлов умерли до начала процесса. 24 марта ввиду подачи заявления о выходе из ССРМ и о вступлении в РКП(б) освобождены 12 человек, 23 апреля — 12 мая освобождены еще 30 человек под подписку об отказе от антисоветской деятельности. 7 человек были приговорены к лишению свободы сроком на 3 года с заключением в концлагерь, а 26 ноября 1920 г. освобождены по амнистии.

В 1922 г. в Ижевске в открытых заседаниях Военного отдела Революционного трибунала Вотской автономной области (ВАО) проводились два взаимосвязанных процесса. Наиболее крупный из них — над 43 гражданами, обвинявшимися в бандитизме, террористических актах над

членами РКП(б), незаконном хранении оружия, устройстве нелегальных собраний, антисоветской агитации, досскачества банда-там, состоялся 2 - 4 апреля. Трое подсудимых осуждались к лишению свободы сроком на 5 лет, 3 - на 3 года, 2 - на 2, 7 - на год, 3 - на 6 мес., 4 - на год условно без зачета предварительного заключения. Амнистией ЦИК от 7 июля 1921 г. В.Д.Семеновичев и А.А.Потопаева со наказания освобождались.

В августа 1924 г. в Москве в закрытом заседании Особого Соездания при Коллегии ОГПУ слушалось дело по обвинению бывших руководителее Ижевской организации ССРМ по §2 ст. УК РСФСР в оказании в Ижевско группы с целью активной борьбы с советской властью. Ф.Ф.Кокоулин был приговорен к заключению в Соловецкий лагерь особого назначения сроком на 3 года, П.И.Городилов и Н.А.Анисимов - к административной высылке из пределов ВАО сроком на 3 года, остальные (В.П.Давустин, Е.Д.Семеновичева, Д.Ф.Кунгуров и П.М.Тихонов) - оправданы. Двое осужденных отказались от антисоветской деятельности, а П.И.Городилов, застрелился.

Таким образом, процесс над эсерами-максималистами проходил не только как процессы против оппозиционных политических течений, но и как репрессии против представителей практически всех социальных групп общества, ибо в ССРМ большинство составляли рабочие и низшие служанно городов и заводских поселков Удмуртии.

Р.С.Бикметов
Кемарово

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА
В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУЗБАССА В 1941 - 1945 гг.

В период Великой Отечественной войны Кузбасс давал каждую пятую тонну угля, который добывался в стране. Повышение угледобычи осуществлялось преимущественно акостежовыми методами - за счет роста мощностей шахт и увеличения числа работающих на них.

В условиях дефицита трудоспособного мужского населения во время войны в составе рабочих возрос удельный вес лиц, направленных на шахты принудительным путем. Это заключенные Сиблага, лица, досрочно освобожденные из заключения, спецпереселенцы и члены их семей, мобилизованные в трудовое лицо немецкой национальности, жители Средней Азии и Казахстана. В 1944-1945 гг. электоконтингент шахт и трестов стал пополняться за счет спецпереселенцев из Крыма, с Кавказа, Украины и Прибалтики, иностранных военнопленных и интернированных граждан, "окруженцев" и русских военнопленных, власовцев и бендеровцев.

Сведения об использовании подневольного труда на шахтах Кузбасса разбросаны по многочисленным источникам, отложившимся в деятельности партийных, административных, правоохранительных и контролируемых угольной промышленностью органов, а также в документах производственного угольных комбинатов, трестов, шахт. Существенным дополнением могут служить и воспоминания ветеранов горняцкого труда.

В нормативную группу источников входят приказы, указания, инструкции Наркомата угольной промышленности СССР. Некоторые из них разработаны совместно с органами НКВД и изданы под грифом "секретно" или "абсолютно секретно". К ним относятся приказы по комбинатам и трестам по производственным вопросам. Они освещают условия содержания людей, направленных работать на шахты Кузбасса, характер использования их труда, скрупулезно регламентируют деятельность и внутренний распорядок рабочих колонн и батальонов.

Конкретные условия использования спецконтингента определялись договорами и соглашениями между комбинатом, отдельными шахтами и Сиблагом. Так, соглашение от 18 июля 1941 г., подписанное Управлением ИТЛ НКВД по Новосибирской области и шахтой "Северная", предусматривало передачу на шахту в качестве рабочей силы 500 заключенных Сиблага вместе с конвоем, который содержался за счет шахты.

Несомненный интерес для исследователей представляет приказ Наркомата угольной промышленности, устанавливавший ежемессечную отчетность о движении и трудоустройстве мобилизованных лиц немецкой национальности. Отчет должен был содержать

сведения о количестве прибывших, их распределении по трестам и шахтам, условиях работы (подземные и поверхностные) и профессиях, о выполнении норм выработки, размещении по зонам и барнякам, обеспечении бельем, питанием.

Вторая группа источников представлена статистическими отчетами трестов. Они ежемесячно направлялись в Наркомат угля и содержали информацию о численности рабочих колонн, степени их трудоспособности (указывались больные, травмированные, престарелые, утратившие работоспособность), о режиме труда и внепроизводственном содержании мобилизованного гражданского немалого населения, а также отрывочные сведения об иностранных военнопленных.

Большая группа источников представлена документацией угольных комбинатов, трестов и шахт. Она содержит внешне переписку (с партийными, хозяйственными, репрессивными органами) и внутреннюю по вопросам текущей отчетности, комплектования состава спецотрядов. По количеству запрашиваемых комплектов мужской и женской одежды, обуви, спальных принадлежностей можно косвенно судить о численности состава спецконтингента рабочих. По документам хозяйственной деятельности открывается широкая картина дислокации рабочих колонн и батальонов, а также сети спецпоселков и лагерных отделений, в которых содержался спецконтингент.

Интересные сведения об условиях труда и быта мобилизованных имеются в многочисленных актах проверки состояния зон, их размещений, справках и докладных записках об использовании мобилизованных на шахтах. Анализ актов о смерти вольнонаемных граждан и заключенных позволяет говорить о высоком уровне смертности заключенных-шахтеров и лиц, мобилизованных на добычу угля, не только от производственного травматизма, но и от истощения и сердечных болезней, что может служить одним из показателей условий труда и быта шахтеров спецконтингента.

О. И. Васильева
Ижевск

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ УДУМУРТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В 20-е гг. XX в. видными деятелями удмуртского просвещения была поставлена задача организации системы национального прос-

вещения. Ее цель они видели в "пробуждении инстинкта любознательности, духовной жизни, в сознательном отношении к своему настоящему и будущему ... для сохранения малых народностей от вымирания и гибели". Создаются национальные школы, начинается изучение и преподавание удмуртского языка.

В 30-е гг., казалось бы, национальное просвещение получает дальнейшее развитие. Решения по этому вопросу принимаются на местном и центральном уровнях. Провозглашенный курс на коренизацию образования предполагал начать немедленный перевод на родной язык преподавание всех дисциплин в национальных вузах, техникумах и школах. Однако содержание национального просвещения меняется. Оно стало рассматриваться лишь как количественная проблема, как увеличение числа "националов" в вузах и техникумах.

Формальный подход к коренизации образования наглядно проявился в деятельности первых вузов Удмуртии. В 1931 г. в Ижевске был открыт Удмуртский педагогический институт, в 1933 г. — медицинский. Особое значение они приобретают потому, что организовывались как национальные, призванные готовить удмуртские кадры. Но недостаток квалифицированных преподавателей—удмуртов, отсутствие учебной литературы на родном языке, отсутствие учебных программ по национальным дисциплинам делали их национальными лишь номинально.

К выхолащиванию смысла и значения национального просвещения веда начатая во второй половине 20-х гг. кампания против "идеологов кулачества" и "буржуазных националистов". Критике подверглись органы народного образования, удмуртское книжное издательство. В 1932—1933 гг. большая группа удмуртской интеллигенции была арестована по делу "СФФИН". Поэзия К. Герда (педагог, поэт, ученый, общественный деятель), который считал, что истинное и правильное образование всяка не должно порывать связей его со своим народом, целью образования должно быть внушение любви к судьбам своего народа, была объявлена националистической.

В 1933 г. половина членов писательской организации Удмуртии была исключена из нее за национализм и кулацкое происхождение. Дальнейшее разоблачение "врагов народа" привело к тому, что 36 удмуртских писателей были репрессированы, их творчество

запрещенс. К концу 1937 г. в Союзе писателей Удмуртии остались только 3 члена.

Во второй половине 30-х гг. были "раскрыты" "контрреволюционные организации" в Удмуртском пединституте и Ижевском медицинском институте, разоблачены "враги народа" в Нарксмпрозе УАССР, в Удмуртском научно-исследовательском институте среди историков и краеведов.

Активная разоблачительная работа на ниве удмуртского просвещения и удмуртской литературы привела к тому, что снизилась подготовка удмуртов в вузах и техникумах, сокращались изучение и преподавание удмуртского языка и литературы, истории, затруднилось преподавание в удмуртских школах, так как большинство учебников были написаны "врагами народа". Так, в 1937-1938 гг. были изъяты из обращения все изданные ранее труды по истории удмуртского народа, по удмуртской литературе и фольклору, по удмуртскому языку, музыкально-песенному фольклору и народному изобразительному искусству. В отчете Удмуртского научно-исследовательского института за 1937 и 1938 гг. отмечалось, что возобновление всего комплекса организационной, оперативной-производственной и научной работы потребует несколько лет.

Несмотря на определенные успехи в области подготовки квалифицированных кадров (в 1939 г. в Удмуртии было 6 вузов и 31 техникум), коренизация органов народного образования полностью не была осуществляема. Преподавание в вузах и техникумах велось на русском языке, среди учащихся и даже преподавателей сохранилась национальная рознь.

Массовое обвинение удмуртской интеллигенции в подрывной деятельности, в буржуазном национализме не могло не отразиться на ее положении в республике. Оно поддерживало и питало настроения великодержавного шовинизма, препятствовало развитию национального просвещения, вело к уменьшению влияния удмуртской интеллигенции. О снижении роли удмуртской интеллигенции в жизни Удмуртии говорит, например, тот факт, что с 1926 г. не созывались съезды работников удмуртского просвещения, которые регулярно проводились в начале 20-х гг. Удмуртская интеллигенция в результате репрессий надолго потеряла и желание, и возможность быть выразителем интересов своего народа.

В конце 30-х гг. партийные органы и органы народного образования снижают интерес к проблемам национального просвещения даже в том формальном и урезанном виде, в котором оно осуществлялось. Из статистических сводок и отчетов постепенно исчезают данные о национальном составе учащихся, педагогов, отдельных отрядов специалистов. Национальный вопрос в стране был "решен".

О. П. Винниченко
Курган

НОМЕНКЛАТУРА И РЕПРЕССИИ 30-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ УРАЛА)

В отечественной литературе утвердилось мнение о том, что массовые репрессии номенклатурных работников органов власти происходили преимущественно в 1937-1938 гг. Однако представляется необходимым расширить хронологические рамки этого явления. На протяжении всех 30-х гг. в стране действовала система директивных целеуказаний для выполнения плановых заданий. Планировка, опущенный "сверху" в нижние эшелоны власти, исполнялся под страхом наказаний, репрессий. Рассмотрим этот вопрос на материалах местных Советов Урала. Они, особенно в начале 30-х гг. при острой нехватке коммунистов в деревне и малой сфере влияния МТС, несли на себе большую часть обязанностей по осуществлению диктатуры пролетариата в крестьянской среде.

За годы чрезвычайных мер в деревне (1933-1934) серьезно пострадали импровизированные советские руководители. Постановление Уралоблсполкома от 14 апреля 1933 г. обязывало райисполкомы в десятидневный срок (с 12 по 25 апреля) проверить председателей сельсоветов и их заместителей. А также "...обеспечить замену тех председателей сельсоветов, которые оказались неспособными четко проводить на практике директивы партии и правительства". В результате такой политики, а также осуществляемой на Урале в 1933 г. чистки партийных ячеек в Советах, были сняты председатели почти всех крупнейших горсоветов (Свердловск, Лысьва, Магнитогорск, Челябинск, Пермь, Молотово, Надеждинск и др.). Только за этот год по 2364 сельсоветам Уральской области сняты и выведены 1789 председателей, что составляло 75,7%. Основными при-

чинами снятия, указанными в официальных документах, являлись "искривление классово-линей", "сращивание с классово-чуждыми элементами", "нарушение революционной законности", дискредитация и т.п. Увольнение с такими формулировками, как правило, влекло за собой привлечение к суду, уголовное или административное наказание. Самые жестокие по последствиям было являемо классового врага, которое требовало от чиновника любого ранга максимально возможного воздействия. В противном случае он сам подлежал наказанию.

Несмотря на то, что политический и экономический кризис в деревне к 1935 г. сменился относительной стабилизацией, а затем и некоторым подъемом производства, председатели сельских Советов по-прежнему работали под страхом наказания, увольнения. Только за 6 месяцев 1934 г. в Шадринском районе Челябинской области были сняты с работы 18 председателей из 52, 10 заместителей, 9 секретарей, 3 счетовода. Многие из них отдали под суд с формулировками "как несправившийся с работой", "как классово-чуждый элемент". С аналогичными определениями за 7 месяцев 1936 г. уволили 91% председателей сельсоветов в Гладышевском районе. В некоторых сельсоветах сменилось по 3 и более председателей. Руководящие работники низового звена (председатели сельсоветов, колхозов) привлекались к ответственности даже за не санкционированный выходящими органами выезд за пределы Совета в период массовых кампаний (уборочная, посевная). В Свердловской области положение с кадрами было ничем не лучше. За полтора года (январь, 1935 - июль, 1936) здесь сменилось 63,5% председателей райисполкомов, 64,3% председателей сельсоветов, 67,1% секретарей. В отдельных районах эти показатели значительно превосходили средниеобластные.

Очередной толчок репрессиям против советских работников на Урале был дан увольнением с последующим судебным разбирательством в конце 1936 г. председателя Свердловского облисполкома В.Г.Головина и весной 1937 г. председателя Челябинского облисполкома М.А.Советникова. По уральским областям, районам, как и по всей стране, прокатилась волна судебных процессов. Репрессиями были охвачены не только нижние эшелоны власти, как это практиковалось прежде, но и средние, высшие. В Кургане четыре дня (сентябрь - 1937) длился суд над "контрреволюционис-

террористической вредительской бандой правых". На скамье подсудимых оказались секретарь райкома ВКП(б) В.В. Реутов, председатель райисполкома Г.П. Фоминих, работники райзо, председатели сельсоветов И.И. Серков, А.А. Рязанов и др. Им в вину вменялись организация голода в колхозах, произвол и издевательства над колхозниками, попытка совершения террористических актов. 20 сентября 1937 г. они все были приговорены к расстрелу с конфискацией имущества. После этого процесса в Кургане сменилось практически все районное руководство, руководители промышленных предприятий, пострадали частью и работники низового звена. По аналогичной схеме проходили судебные процессы во многих районных, во всех областных центрах Урала.

Таким образом, архивные материалы свидетельствуют, что массовые репрессии среди советских работников низового звена (райисполкомы, сельские Советы) активно проходили в течение 1933-1937 гг. Но это трудно расценивать как проявление чрезвычайщины, это скорее всего можно назвать "стилем работы" 30-х гг. по руководству страной и уральской деревней в частности. Таким образом, события 1937-1938 гг. вполне "вливаются" в историю местных органов власти не как чрезвычайное явление, но как закономерный, обычный этап в развитии политической системы.

Г.А. Воронина
Магнитогорск —

НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ БЫВШЕГО УЗНИКА ГУЛАГА

С каждым годом все меньше и меньше остается бывших узников ГУЛАГА. Эта специфическая социальная группа стремительно уменьшается, а ведь она почти не изучена. Тоталитарный режим скрывал свои преступления. До сих пор не известны точные цифры арестованных и погибших в лагерях. Это относится и к Магнитогорску. Работа по реабилитации идет медленно и неизвестно, когда мы получим точную статистику сталинских преступлений.

В Магнитогорске, как и в целом по стране, основная волна арестов пришлась на 1937-1938 гг. Было репрессировано несколько тысяч человек. Известно, что из-за арестов специалистов

к осени 1937 г. металлургический комбинат находился на грани оставки. Были расстреляны все крупные хозяйственно, партийные, комсомольские руководители. Большинство вновь назначенных руководителей вскоре тоже были арестованы. В городе работали иностранные специалисты, помогавшие строить комбинат, а также политэмигранты из Германии, Польши, Эстонии, Латвии, Финляндии и других стран. Мало кто из них избежал ареста. Много было обвинений в террористической и диверсионной деятельности, контрреволюционной агитации. Женщин арестовывали за недоносительство на членов семьи.

Из арестованных в 30-е гг. немногие вернулись домой. Существовала сейчас в Магнитогорске "Ассоциация жертв политических репрессий" в 1993 г. объединяла 57 человек. Только 10 человек были арестованы в Магнитогорске в Челябинской области, причем 6 из них - в 40-е гг. В "Ассоциации" сейчас входят люди в основном 1910-1920 гг. рождения. Наши беседы с ними и работа с партийными архивами 30-х гг. позволяют сделать вывод, что арестовывались в основном молодые люди, 20-40-летние мужчины и женщины. Брали и людей старшего возраста, были случаи арестов подростков. Из 57 членов "Ассоциации" 19 были осуждены сроком на 5 лет, 35 - на сроки от 5 до 10 лет, три человека провели в заключении 15 и более лет. Почти все ставили семью. Большинство к моменту ареста имели семью. Около 1/3 из оставшихся в живых - выходцы из крестьян. Специалистов в основном нет, за исключением трех человек, арестованных в 40-е гг. Национальный состав разный, но большинство - русские. Образование невысокое - начальная и неполная семилетняя школа. В "Ассоциации" 15 женщин, трое из них были арестованы как иностранные перебежчицы, чтобы за недоносительство на мужа.

Известно, что вернувшимся из заключения запрещалось проживать в крупных городах, в том числе в Магнитогорске, занимать многими видами работ. Вот почему почти 80% членов "Ассоциации" ушли на пенсию с рабочих должностей.

Какова сейчас их жизнь, ценности ориентации, отношение к новой экономической ситуации?

В ходе Всероссийского социологического исследования "Семья в России" нами была обследована часть семей репрессан-

рованных (20%). Большинство из них имеет отдельные благоустроенные квартиры, как правило, дети живут отдельно. Интересно, что почти во всех семьях родители сумели дать детям хорошее образование. Правда, это не относится к тем, чьи дети к моменту ареста одного из родителей были уже подростками: двери учебных заведений были перед ними закрыты.

Инфляция свела на нет все государственные компенсации, выплаченные государством в последние два года. Все опрошенные семьи отнесли себя к разряду бедных. Получаемые сейчас пенсии не покрывают многих насущных потребностей. Государство в большом долгу перед ними и поэтому, считают эти люди, оно должно усилить помощь всем пострадавшим от репрессий. Итоги опроса показали, что все они болезненно реагируют на рост цен, увеличение преступности, беспомощность властей, обострение национальных отношений. Стремительное обнищание этой социальной группы приводит к переориентации их политических установок. Respondенты отмечали, что трудности и неурядицы сегодняшней жизни вызывают у них не только тревогу и беспокойство, но и растерянность по отношению к проводимым реформам. Правда, ни одна из этих семей не выбрала вариант ответа "активное противодействие ошибочной политике реформ". А в целом эти люди в последние годы активно участвуют в политике, говоря при этом, что вся их предыдущая жизнь сделала из них демократов.

Г. В. Гассельблат
Екатеринбург

УРАЛЬСКАЯ "ПРОМПАРТИИ"

С первых дней Октябрьского переворота 1917 г. большевики методично и неотступно проводили политику по уничтожению в России носителей некоммунистической идеологии. Однако необходимость восстановления промышленности, ее развития вынудила их пойти на временное использование оставшихся в стране немногочисленных ученых и инженеров, поскольку основной состав назначенных руководителей предприятий - активные участники гражданской войны, в подавляющем большинстве недавние крестьяне, вступившие в РКП(б) после октября 1917 г., - имели низшее образова-

ние. В конце 20-х гг., по мнению большевиков, миновала необходимость использования специалистов на руководящих должностях в промышленности, науке, в высшей и средней школе, и по всей стране, в том числе и на Урале, была проведена жесточайшая акция геноцида в отношении этой группы населения.

В середине 1920-х гг. подрыв авторитета и высокого имиджа инженеров и ученых на Урале проводился внешне демократическим способом – показательными уголовными процессами, широко и тенденциозно освещаемыми средствами массовой информации, по обвинению в халатности или в шпионаже. При определении меры наказания пролетарские суды исходили из классового принципа. Рабочим выносились выговоры, инженеры лишались свободы, хотя и условно.

1928 г. По стране гремит Шахтинский процесс. Средства массовой информации призывают видеть в каждом инженере и технике потенциального вредителя и шпиона. Насамздается "спецецество". На Урале начинаются первые аресты. Еще идет следствие по "делу Промпартия", но в стране уже раскручивается маховик репрессивной машины, идут массовые аресты беспартийных инженеров и техников. При острой нехватке инженерно-технических кадров в период коренной реконструкции уральской промышленности было арестовано практически все инженерное руководство, ведущие уральские ученые. Все они получили блестящее образование в вузах России и Европы, владели несколькими языками, внесли значительный вклад в отечественную науку и культуру, имели большой опыт организации рентабельного производства, глубочайшие специальные познания. В последующие годы аресты инженеров и техников продолжались, но уже значительно реже. Все они обвинялись в причастности к "Промпартии". Под угрозой расправ над их женами, детьми, родителями умнейшие люди Урала в следственных кабинетах ОГПУ сочиняли ложные показания, отговаривали себя и своих коллег в совершении несовершенных преступлений.

Учитывая опыт Шахтинского процесса и процесса "Промпартии", Уральским ВКП(б) и Полномочное представительство (ПП) на Урале не рискнула провести открытый процесс над арестованными инженерами и учеными. Все арестованные были разбиты на группы обвиняемых по сфальсифицированным ОГПУ уголовным делам. Эти дела были рассмотрены заочно Коллегией ОГПУ: 30 июля 1929 г. – на 9

инженеров Надеждинского и Магнитогорского заводов; 23 июля 1931 г. - на 31 инженера и ученого предприятий черной металлургии; 8 августа 1931 г. - на 18 инженеров так называемого Уральского инженерного центра и 24 инженера Уралутля, 7 инженеров Уралгипростема, 8 инженеров Уралсальмана; 21 января 1932 г. - на 3 инженеров Надеждинского завода; 2 ноября 1932 г. - на 4 работников Уралштагни, на 4 инженеров Ураллеспрома и ряд других дел.

В этот же период были арестованы, а 8 августа 1931 г. той же Коллегией осуждены 17 ведущих работников Уралпотребсоюза в целях лишения частных производителей сельхозпродукции экономической взаимопомощи и вовлечения их в колхозы.

Вопрос об уничтожении уральских специалистов, способных подвергать сомнению директивные указания партийных органов, был решен. Никто из осужденных в то время расстрелян не был (расстрелы начались с 1937 г.). Некоторые из них не вынесли надругательства и сами ушли из жизни, у некоторых не выдержало сердце во время "следствия". Основную часть надломленных, постаревших на десятки лет за месяцы, проведенные в застенках, государство решило использовать на объектах социалистической индустриализации, объявив в приговорах: "... лет концлагерей с заменой высылкой в ...". На предприятия Урала были высланы 56 человек, Сибири - 14, Украины - 13, Карелии, Кольмы и Коми АССР - по 4, в Азербайджан - 2 и т.д. Место высылки 107 инженеров неизвестно. На смену им пришли молодые энергичные инженеры, недавние рабфаковцы, пронизанные большевистской идеологией, наскоро подготовленные в вузах Урала и всей страны.

Р.Н. Гизатуллин
Троицк

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ НА УРАЛЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ТРОИЦКОГО ВЕТЕРИНАРНОГО ИНСТИТУТА)

Особенностью публикаций конца 80-х гг. было их акцентирование на репрессиях, направленных против определенных социальных страт (в том числе интеллектуальной элиты). Объективизация общей картины детерминация и реализации механизма репрессий,

выявление последствий и проверка положения с их массовости не-
возможны без изучения всех слоев населения, пострадавших от
сталинского террора.

Выбор Троицкого ветеринарного института в качестве объекта
исследования определяется тем, что в нем не проявлялась специ-
фика репрессивной политики, характерная для национальных окра-
ин или для центральных вузов, где мог сказаться и такой субъек-
тивный фактор, как личные пристрастия гексака. К тому же мо-
лодые вузы Урала не имели преподавательских кадров с дореволю-
ционными прошлым. В том же Троицком ветеринарном институте 70%
научных сотрудников имели к 1934 г. научно-педагогический стаж
до 5 лет, остальные - немногим более. Рабоче-крестьянское ядро
научных работников составляло 58%, партийно-комсомольское - 37%.

Институт был организован в 1929 г. как факультет при Перм-
ском государственном университете. В 1930 г. он был преобразо-
ван в самостоятельный вуз и переведен в Троицк. С этого момента
и начали откладываться документы архива.

Наиболее интересной для нас является "Книга приказов и рас-
поряжений по институту". В период 30-40-х гг. не было еще деле-
ния на книги приказов общих, по личному составу и студенчеству,
это позволяло документу синхронно отразить все многообразие
жизни учебного заведения. Но главная ценность книги приказов
заключается в ее цельности и сохранности, отсутствия каких бы то
было изъятов и подчисток. В частности, информативно насыще-
ны формулировки приказов об увольнении (исключении) сотрудников
и студентов.

Важно отметить, что при работе с книгами приказов за раз-
личные годы необходимо не только иметь определенные навыки, но
и знать особенности репрессивной политики государства в соот-
ветствующий период, а также правовую базу, подводимую под по-
литику террора.

Так, при увольнении с работы лиц немецкой национальности
(1941-1942) администрация ТВИ прямо не указывала его причину.
К примеру, сотрудник института Т.И. Плетнер был уволен 1 июля
1941 г. под предлогом перехода на инвалидность (известное пос-
тановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2060-935с появилось только
12 июля 1941 г.). Видимо, даже в таком вопросе инициатива с
мес" возмущалась, ибо через несколько дней Плетнер был вос-

станвлен на работе и уволен уже с 1 сентября опять-таки с формулировкой "в связи с уменьшением объема работы в вузе..." И только личное дело, вернувшегося в 1946 г. на прежнюю работу в институт Плетнера, позволило узнать, что четыре года он провел в трудовом лагере, строя печально известный ЧМЗ, в районе "Соцгородка" Челябинска. Что касается профессора Ф.Ф.Моллера (вернувшегося из тюрьмы благодаря падению Ежова), он был уволен в связи с предложением выехать на местожительство в сельскохозяйственный район Челябинской области.

Материалы архива позволяют проследить судьбу не только так называемых местных немцев, но и "немецкоподданных" коммунистов и специалистов, высланных в Троицк и состоявших на учете в спецкомендатуре.

Только зная Директиву МВД СССР от 30 марта 1947 г. (о депортированных корейцах), можно понять, что скрывалось за приказом ректората ТВИ от 10 сентября 1952 г. об отчислении первокурсников Цой и Когай "в связи с отказом органов МГБ в прописке". К числу дискриминируемых по превентивным признакам относились и попавшие в оккупацию во время войны, хотя, насколько известно, публично этот вопрос никак не регламентировался. Об этом говорит приказ от 11 марта 1953 г.: "За сокрытие... нахождения на территории, временно оккупированной немцами в период Великой Отечественной войны... Франковского В.В. из числа студентов I курса вет.факультета отчислить".

Таким образом, видно, что без знания личностных характеристик (этноконфессиональная принадлежность, социальное и географическое происхождение, биографические особенности) невозможно иногда понять причины лишения таких основополагающих прав, как право на свободу передвижения, на образование, выбор профессии и местожительства и т.д. Но личные дела студентов уничтожаются через 15 лет, а у репрессированных, как правило, изымались органами госбезопасности (лишь в некоторых персональных делах сохранились копии производственных характеристик, выданных администрацией следственным органам). Поэтому для восполнения биографических данных могут быть использованы личные карточки учета (заводившиеся наряду с личными делами), личные счета бухгалтерии, штатные формуляры и списки студентов, сохранившиеся копии ежегодных и пятилетних отчетов о работе вуза.

составленных для директивных органов. Так, в документе "Показатели института за 1948-1952 гг.", подписанном ректором, в разделе I.6.1 читаем: "Ст. преподавателя английского языка Сухаревскую О.В. отчислить как бывшую в оккупации с заменой квалифицированным преподавателем английского языка; преподавателя немецкого языка Адам Э.С. отчислять как жившего судимостью по 58 статье с заменой ..." и т.д.

Конечно, сохранившиеся в архиве документы не могут полностью восстановить картину репрессий, которым подвергались студенты и работники института. Однако даже их достаточно для того, чтобы представить, как начинала работать эта система: ст. выговоров преподавателям в 1931 г. за "протаскивание" в преподаваемых курсах антипартийных, антиколхозных, кондратьевско-чапановских установок и лишения студентки стипендии до представления документов, подтверждающих ее рабоче-крестьянское происхождение, через "большой террор", когда за 2 года институт потерял 20% заведующих кафедрами и самого директора (героя гражданской войны), до начала 50-х гг., когда волна репрессий спала, зато личные дела заполнились памятками: "осыльный", "спецпосаденец", "высланный", "осыльно поселевец", "осужден по статье...", "находился в ИТУ" или "сактирован по болезни". Перед нами весь спектр наказаний человека: за происхождение, политические убеждения, научные взгляды, женские прищипки, реальные или вымышленные слова и поступки.

И. В. Гвоздецкий
Екатеринбург

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. Е. ГРУМ-ГРИЖИНА

До последнего времени образ жизни и судьба знаменитого металлурга В. Е. Грум-Гржимайло освещались в литературе очень слабо. Исследователи не могли писать о его знаменитой, а также о его правозащитной деятельности.

В настоящем сообщении предпринята попытка раскрыть вкратце из этих страниц биографии В. Е. Грум-Гржимайло в период его работы в Томске, Екатеринбургe и Москве.

В Томске В.Е.Грум-Гржимайло оказался вместе с группой ученых и специалистов после того, как армия Колчака оставила Урал. Он объединил ученых, стремясь реализовать идеи дореволюционной поры, в частности проект Северных путей. Одновременно велась разработка и другого проекта комплексного освоения природных богатств Урала и Сибири. Их завершение происходило уже при новой власти, после освобождения Томска от колчаковских войск. В марте 1920 г. создается Комиссия по согласованию проектов Урало-Кузнецкого и Северных путей во главе с коллегией из трех человек: А.А.Наумова (председатель), профессор В.Е.Грум-Гржимайло и инженера И.Федоровича (члены). Работу намечалось закончить к лету 1920 г., однако не все сотрудники смогли представить свои разработки. Отчасти это было связано с арестами ученых и инженеров. В.Е.Грум-Гржимайло не оставлял в беде своих коллег. К председателю Томской ЧК, в Комиссию по амнистии при Томской ЧК, к председателю Сибуралокониссии А.В.Шотману им совместно с А.А.Наумовым был направлен ряд ходатайств. Они касались освобождения таких специалистов, как И.В.Орлов, В.Ф.Мартин, Ф.Ф.Штейнберг, А.Е.Ширяев. "Орлов лично известен нам", "барем на поруки", "усиленно просим освобождение под наше поручительство" - звали в письмах и телеграммах А.А.Наумов и В.Е.Грум-Гржимайло. Когда и это не помогало, они писали или звонили председателю Сибревкома И.Н.Смирнову, обращались в ВСНХ.

Окончательная доработка проекта проходила уже без В.Е. Грум-Гржимайло, так как он был переведен в Екатеринбург. Здесь он стал профессором Уральского университета, одновременно работал консультантом в хозяйственных организациях. Несмотря на крайнюю занятость, ученый не отказывал в помощи обращающимся к нему.

После ареста в мае 1923 г. профессора-геолога Уральского университета М.О.Клера, которому было предъявлено обвинение в экономическом шпионаже в пользу Франции, ученый изъявил желание выступить в суде в качестве свидетеля защиты. "Не поверю, пока мне этого не докажут", - заявил он. Возможно, яркие и убедительные выступления Грум-Гржимайло в суде повлияли на приговор М.О.Клеру. Он был приговорен к 10 годам заключения, а не к расстрелу, как требовал прокурор.

В.Е.Грум-Гржимайло интересовался судьбой осужденного геолога и в дальнейшем, после переезда (1924) в Москву. Когда он узнал, что М.О.Клер содержится в общей камере с 35 заключенными и поговаривает о самоубийстве, он обратился в апреле 1925 г. с ходатайством к Ф.Э.Дзержинскому. "За Клера я ручаюсь и готов взять его на поруки" - писал он. Вскоре профессор М.О.Клер был амнистирован (реабилитация геолога состоялась лишь в 1993 г.).

Известно, что в конце 20-х гг. было сфабриковано Шахтинское дело. Хотя к суду было привлечено сравнительно небольшое число специалистов, волна инженерофобии захлестнула страну. Газеты публикуют резолюции с одобрением сурового приговора, вынесенного специальным присутствием Верховного Суда Союза ССР под председательством А.Я.Вышинского. Диссонансом прозвучал в июле 1928 г. открытый протест В.Е.Грум-Гржимайло. формой выступления ученых, о котором говорили - "гордость русской металлургии", "металлург России № 1", "патриарх металлургии", - избрал прошение об отставке с поста председателя Научно-технического совета ВСНХ. Документ вскоре стал произведением самодата, вызвал широкий резонанс, ибо ученый вскрыл истинную подоплеку сфабрикованного "дела" (большевики ухватились за Шахтинский процесс как за возможное оправдание своих неудач в промышленности). Вот как ученый в письме к президенту АН СССР А.П.Карпинскому объяснил причины отставки: "Это единственный способ с моей стороны помочь моим товарищам и друзьям в русской промышленности ..."

Отметим еще один примечательный факт. В конце августа 1928 г., за несколько дней до того, как его свалила тяжелая болезнь, от которой он уже не оправился, ученому, по его словам, "пришлось выручать двух инженеров-стекляшников, сидевших одна 7,5 месяцев, а другой 3,5 месяца большей частью в одиночке, благодаря вздорному обвинению, поддержанному экспертной группой двух профессоров-угольщиков властям. Пришлось посидеть в суде двое суток и в качестве эксперта со стороны обвиняемых опровергать экспертизу своих слабых товарищей. Инженеров обвинили, конечно, но оставили на свободе".

Итак, будучи в 20-е гг. оппонентом большевиков, В.Е.Грум-Гржимайло имел мужество открыто проявлять свободомыслие. Он предстает перед нами интеллигентом в самом высоком смысле этого

слова, человеком, приверженным неизменным нравственным ценностям; способным проявлять мужество в поиске и отстаивании истины, критически воспринимать действительность.

С. А. Грановский
Екатеринбург

ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ РЕПРЕССИЙ 30-х гг. ИХ СОВРЕМЕННОКОМ

Наверное, не так много осталось в нашей исторической науке ее служителей, которые были современниками большого сталинского террора 30-х гг. Я отношусь к их числу. Мое пионерское детство, протекавшее в небольшом украинском городке, пришлось как раз на эти страшные годы.

Я помню, как уважительно мы, школьники, чтли пламенных революционеров, ленинских соратников и в их числе легендарного борца с самодержавием: руководителя думской фракции депутатов-большевиков Г. И. Петровского, в честь которого наша область была переименована в Днепропетровскую. Мы знали, что в 1919 г. он бесменно являлся председателем ВУЦИК и что с его именем связано много добрых дел на Украине и в их числе закладка и открытие Днепрогэса.

И вот мне выпадает радость быть в числе тех, кто пионерским съездом весной 1935 г. встречал приезд Г. И. Петровского - "всеукраинского старосты" - в наш город. Это время, как теперь известно, уже было началом больших сталинских репрессий, последовавших за убийством С. М. Кирова.

Мне запомнились уроки нашего учителя истории А. П. Сыжко, проводимые в школьной фотогалерее, называвшейся "Горцы за народное дело". Одним из условий приема в пионеры было знание их биографий. И вот мы на школьных уроках стали "исправлять историю", снимать со стены портреты, заклеивать почтагие в школьные учебники фотографии "врагов народа". Учителя предлагали нам забыть наркома просвещения республики Н. А. Скрипника, члена ВУЦИК академика Э. И. Квиринга, председателя Союзаркома Украины П. П. Любченко, секретаря ЦК КП(б)У М. М. Хатаевича. В 1937-1938 гг. были сняты портреты председателя СНК республику В. Я. Чубаря, генерального секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора, а

затем и украинского "вождя" П.П.Постышева. Снят портрет героя гражданской войны, командующего войсками Киевского округа И.Э. Якира. Запрещена к исполнению наша отрядная песня, в которой запомнились слова: "про Якира червонарма пісню заспіваймо..." Отъезжает с Украины наш кумир Г.И.Петровский, сына-которого "разоблачили как врага народа".

Самое гнетущее воспоминание оставили общешкольные политинформации 1936-1938 гг. Нередко на них зачитывались официальные постановления или самые хлесткие извлечения из выступлений Сталина, в которых назывались имена еще недавно известных руководителей, ставших "вражескими разведчиками, шпионами, диверсантами, вредителями". На них списывались все многочисленные проблемы, существовавшие на Украине и в стране. нас убеждали, что вредители орудуют в промышленности, в колхозах, на транспорте, в торговле - везде! Нагнетался психоз "осажденной крепости", на каждом шагу встречались призывы быть бдительными. Наши школьные сборы пионеротрядов заканчивались ритуальным призывом: "К борьбе за дело партии Ленина-Сталина будьте готовы!" "Всегда готовы!" - отвечали хором мы. Неизменно в наше сознание вколачивалась "бесспорная" мысль: все хорошее - от партии, Советской власти и вождя; все плохое - от врагов и вредителей.

Нелегко было нашим учителям, тем более нам, школьникам, разобраться в нагнетаемой сложностями и страхами обстановке. Мы все ждали новых разоблачений. Действительно, как теперь вспоминают многие современники тех событий, возникал своеобразный "эффект привыкания" и произволу.

Через годы, через суровые испытания войной, через новые и новые факты прозревает мое искаженное поколение. Все больше и больше мы убеждаемся в том, как умело осуществлялась в стране манипуляция общественным мнением, как при помощи нагнетания страха и массового террора сплочивники Сталина старались формировать веру народа в верховного спасителя и укреплять его единоличную диктатуру.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И СУДЬБА СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В БАШКИРСКОЙ АССР

В марте 1930 г. бюро Башкирского обкома ВКП(б) поручило полномочному представителю ОГПУ по БАССР М.С. Погребинскому составить план и смету на организацию лагерей для выселяемых кулацких семей, отнесенных к 3-й категории. Весной главы этих семей под конвоем были отправлены в отдаленные лесные районы республики, где они построили 17 небольших спецпоселков с поэтическими названиями Красная поляна, Березовый Лог и т.д. К концу 1931 г. в эти поселки прибыла 5850 семей спецпереселенцев (29,3 тыс. человек). Среди них детей в возрасте 3 - 11 лет было 6554.

Спецпоселок представлял собой небольшой концентрационный лагерь во главе с комендантом. Никто из жителей без его разрешения не имел права покидать поселок. Нарушителей режима сажали в карцер. Трудоспособные спецпоселенцы работали на заготовке леса. Однако их труд был организован плохо. Лесосеки находились далеко от поселков (4 - 5 км), куда нужно было идти пешком. Инструменты (топоры, пилы) зачастую выдавались непригодными для работы.

Снабжение жителей поселков продуктами было организовано плохо. Медицинское обслуживание отсутствовало. Зарплата свое временно не выдавалась. Особенно трудно было им в зиму 1932/33 г. Тяжелый труд, голод, морозы вызывали массовую смертность. За это время умерли 2156 человек.

Тяжелые условия труда и быта вызывали массовые побег из спецпоселков. В 1932 г. бежали 3140 спецпоселенцев, а в следующем году - 6578 человек.

Во второй половине 30-х гг. некоторые спецпоселки ликвидировались, а их жители переводились в другие. В середине 1940 г. в БАССР было 12 спецпоселков, в которых проживали 3110 семей (12 690 человек). Вскоре эти населенные пункты стали называться трудпоселками, а их жители - трудпоселенцами. Условия жизни и труда оставались плохими. Многие жили по 2 семьи в одной комнате, в бараках, малоприспособленных для жилья. Зарплата, как и раньше, своевременно не выдавалась. Так, трудпоселенцам пос.

Березовый Лог (Карандольский район) Магинский лесопункт на 1 июля 1940 г. задолжал 89,7 тыс.р. Частыми были перебои в обеспечении продуктами, не было самых необходимых товаров. Не соблюдались дни отдыха. Поэтому побег из трудпоселков продолжался.

Снятие ограничений и восстановление в гражданских правах выселенных крестьян начались еще в 1932 г. Однако коснулись эти меры немногих. С принятием ЦИК постановления "О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков" (27 мая, 1934) практика предоставления гражданских прав спецпоселенцам расширилась. По Конституции СССР 1936 г. все бывшие кулаки получили избирательные права, но некоторые ограничения остались. В годы войны бывшие кулаки и их дети призывались в Красную Армию. Многие из них были удостоены орденов и медалей за проявленные мужество и героизм. К концу войны комендатуры в трудпоселках были ликвидированы, и их жители получили относительную свободу передвижения, а после смерти И.В.Сталина - полную свободу.

Р.С. Дуленова
Екатеринбург

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ НА УРАЛЕ В 20-30-е гг.

24 августа 1991 г. Указом президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина документы, содержащиеся в архивах КГБ, были переданы на госхранение.

Не секрет, что во второй половине 40-х гг., во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы Главное архивное управление (ГАУ) страны подчинялось НКВД, а затем - МВД СССР. Все наиболее интересные и ценные документы были скрыты от исследователей, а история создавалась по заказу правящей верхушки. И когда ГАУ было отделено от МВД, документы, не подлежащие огласке, так и остались недоступными для исследователей.

В государственном архиве административных органов Свердловской области находятся три фонда. Два из них переданы из бывшего Управления КГБ по Свердловской области. Наиболее интересен

для исследователей фонд архивно-следственных дел. Документы этого фонда четко отражают репрессии относительно различных социальных групп населения. Изучая их, можно выделить основные этапы репрессий. Их направленность, по-видимому, изменялась в соответствии с политикой партии.

В конце 20-х - начале 30-х гг., судя по документам, находящимся в архиве, репрессиям подвергались в основном крестьяне. Вероятно, это следствие политики НЭПа, проводимой государством, а затем - насильственной коллективизации. Эти крестьяне, так называемые раскулаченные, были высланы в различные области страны, в том числе и на Урал. Большая часть этой категории людей, а также местное население Урала впоследствии подверглись репрессиям уже "как враги народа".

Примерно с 1933 по 1936 гг. в стране (судя по хронологии дел, находящихся в архиве) практически не было массовых политических репрессий. В этот период начинает проводиться политика индустриализации. Одновременно проходили политические процессы. Постепенно, чтобы оправдать неудачи в экономике, их стали связывать с вредительством на предприятиях страны, в связи с чем с конца 1936 г. началась очередная и самая большая волна репрессий. Что касается социального статуса подвергавшихся репрессиям, то теперь основную их массу составляла интеллигенция, занятая в управлении различными промышленными предприятиями.

Следствием политических процессов стало уничтожение преподавательского состава вузов. Репрессировали преподавателей как точных, так и гуманитарных наук, а также свободомыслящих студентов. В первую очередь подвергалась репрессиям интеллигенция, воспитанная еще до революции, либо имеющая отношение в первые годы революции к какой-либо другой партии, кроме партии большевиков, за ней - интеллигенция, выросшая за годы советской власти.

ПРОВЕДЕНИЕ КАМПАНИИ РАСКУЛАЧИВАНИЯ В ИРБИТСКОМ ОКРУГЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (ЗИМА - ВЕСНА, 1930)

Кампания раскулачивания в Ирбитском округе Уральской области развернулась в начале января 1930 г., еще до поступления разъясняющих ее проведение директив, и в начале следующего месяца была в основном завершена. В ходе нее всего по округу было раскулачено 3409 хозяйств, из них по первой категории - 226, второй - 778 и третьей - 2405 семей.

Из-за спешности проведения кампании, отсутствия предварительной серьезной организационной подготовки получился временной разрыв между собственно раскулачиванием и высылкой раскулаченных. Отмечая последствия этого факта, заместитель председателя Ирбитского окружного суда А. Бобылев, бывший в это время уполномоченным в Таборинском районе, писал: "... Немного эпизодами с выселением. Дали им (раскулаченным) - А.Е.) долго жить вместе со своими соседями. Дали им в одних местах превратиться в мучеников в глазах масс, а в других местах - в грозную местному населению силу".

В начале февраля 1930 г. поступили первые распоряжения о порядке проведения выселения. Раскулаченные из Ирбитского округа подлежали высылке в Кондинский район Тобольского округа. Выселение происходило в марте-апреле. При его проведении в ряде мест было оказано сопротивление.

Из высылаемых крестьян в районах округа были сформированы партии, которые под охраной местных активистов своим ходом добирались до с.Нахрачи Тобольского округа, где их принимали представители ОГПУ. Из-за наступления весенней распутицы особенно трудным был путь последних партий. Прибывшие таким образом в Кондинский район Тобольского округа ирбитские раскулаченные были там фактически брошены на произвол судьбы: дали в землянках, терпели нужду и издевательства; уже в первый год многие из них умерли от голода.

С конца марта 1930 г. началась практическая работа по проведению выселения раскулаченных третьей категории. Критерии отбора кандидатов на выселение были те же, что и при оценке вто-

рой категории — требовались "безусловно здоровые и трудоспособные семьи". Однако приближающаяся весенняя посевная кампания не позволила полностью осуществить это мероприятие, и в начале апреля окружные власти распорядились прекратить расселение раскулаченных третьей категории. Тем не менее на местах была проделана определенная работа: высланных из районов Ирбитского округа разместили в Таборинском районе. В конце апреля расселение раскулаченных третьей категории было завершено.

Особенностью Ирбитского округа было то, что он стал местом ссылки для раскулаченных из западных и южных районов СССР. 28 января 1930 г. президиум Свердловского областного исполкома постановил расселить в нем 1000 раскулаченных семей, трудоспособные члены которых должны были использоваться на лесозаготовительных работах. Весной этого года в Ирбитский округ прибыли 1594 семьи раскулаченных из Белоруссии и с Кубани, которые были размещены в Тавдинском и Таборинском районах.

События марта-апреля 1930 г., связанные с исправлением так называемых перегибов, знаменовали конец первой волны раскулачивания. Однако, несмотря на массовую чистку крестьянства, по мнению местных руководящих работников, ликвидировать кулачество подчистую все же не удалось, что оправдывало необходимость дополнительного раскулачивания, которое вскоре и началось.

К. А. Заболотская
Кемерово

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СОЗДАНИИ УРАЛО-КУЗБАССА (ПО МАТЕРИАЛАМ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУЗБАССА)

Создание Урало-Кузнецкого комбината явилось первым опытом функционирования межрегионального промышленного комплекса. В его истории в годы индустриализации есть явления, о которых десятилетиями молчала историческая наука, в частности использование в угольной и других областях промышленности труда спецпереселенцев.

За 1930-1932 гг. на территорию Кузбасса из других районов страны было направлено 23 630 семей спецпереселенцев, включавших 61 000 человек. Возможно, эти данные, содержащиеся в до-

кладной записке Кемеровского обкома КПСС и облисполкома, составленной спустя два с лишним десятилетия после описанных событий (май, 1953), оказались записаны. Из спецдонесений ОГПУ известно, что только в течение июля-августа 1931 г. в промышленность Западно-Сибирского края из Башкирии и Московской области были направлены 9 923 семьи спецпереселенцев в составе 50 300 человек. Все они оказались в Кузбассе и были распределены на Анжерские, Прокопьевские и Кольчугинские угольные копи и на строительство Кузнецкого металлургического комбината. В сентябре 1931 г. на территории Кузбасса находились 60 014 спецпереселенцев. В связи с сохранявшейся в Кузбассе нехваткой рабочих рук летом 1932 г. в бассейн были переселены еще 2 000 семей из Нарымского края. В результате к концу 1932 г., несмотря на высокую смертность среди спецпереселенцев (особенно детское), на территории современной Кемеровской области проливали почти 66 000 переселенцев.

Труд спецпереселенцев носил ярко выраженный принудительный характер. Распределение их по отведенным районам проживания и отраслям осуществлялся органами НКВД-ОГПУ волевым методом, исходя в основном из задач индустриального или аграрного освоения новых территорий. Спецпереселенцы размещались в отдельных поселках без права свободного перемещения. Перевод из одного поселка в другой даже в случае производственной необходимости осуществлялся только после согласования с репрессивными органами.

Согласно типовому договору органов ОГПУ с хозяйственными организациями размер, оплата, условия труда спецпереселенцев, их продовольственное, жилищное обеспечение, медицинское обслуживание не должны были отличаться от условий обычных рабочих. Но заработную плату спецпереселенцы получали не в полном объеме: первоначально - 25%, а с августа 1931 г. - 15% ее поступало в полномочие представительства ОГПУ на покрытие организационно-административных расходов. Спецпереселенцы, таким образом, сами оплачивали опекавшие их карательные органы. На практике процент отчисления часто произвольно завышался. Не выполнялись и другие положения об уравнении в правах спецпереселенцев и вольнонаемных рабочих, в условиях охраны труда, снабжения и т.д. Формально спецпереселенцы не относились к категории ва-

ключенных, но режим в местах их проживания приближался к лагерному, а правовая дискриминация неизбежно порождала дискриминацию в условиях труда и быта.

Увеличение числа спецпереселенцев на шахтах Кузбасса ухудшало и без того тяжелые жилищные условия. Промышленные предприятия были заинтересованы в бесперебойном обеспечении рабочей силой, но не были готовы к приему такого большого количества людей. Поселенцы жили в непригодных для зимних условий землянках, палатках, бараках и даже под открытым небом. Не лучше были условия их проживания на Кузнецкстрое и угольных предприятиях Урала.

В угольной промышленности Кузбасса труд этой категории интенсивно использовался вплоть до начала 50-х гг. Накануне Великой Отечественной войны по договору комбината "Кузбассуголь" с УИТЛК НКВД Новосибирской области на комбинат направлялись II 750 семей трудопоселенцев (так с 1934 г. стали называть спецпереселенцев) — 49 459 человек. Если исходить из опыта начала 30-х гг., когда от общей численности спецпереселенцев, направленных в угольные районы, непосредственно в шахтах работало менее 1/2, если учесть, что в 1940 г. общая численность трудящихся по эксплуатации в угольной промышленности Кузбасса составляла 47 439 человек, очевидна доля спецпереселенцев в создании и функционировании второй угольно-металлургической базы страны.

В начале 50-х гг. общая численность трудоспособных спецпереселенцев в Кемеровской области сократилась и составила всего II. 487 человек. Все они были сосредоточены в основном в угольной и металлургической промышленности.

Н. И. Загороднюк
Тобольск

ПРИЕМ И РАЗМЕЩЕНИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ОБСКОМ СЕВЕРЕ (1929 — 1932)

Возобновившееся после 1917 г. стихийное движение переселенцев из европейской части России в Сибирь к середине 20-х гг. достигло значительных размеров. С целью упорядочения этого процесса в 1925 г. Госпланом СССР, ЦК ВКП(б) и Всесоюзным пересе-

ленческим комитетом при ВЦИКе были намечены на десятилетие (1925—1934) перспективы переселенческого вопроса в общесоюзном масштабе. Заселение Уральской области, обладавшей обширным свободным земельным фондом, богатейшими запасами природных ресурсов, предполагалось в два этапа. В первое пятилетие (1925—1930) предусматривалось заселение степного, лесостепного и подтаежного фондов как расположенных вблизи обжитых мест и не требующих особенно сложных и дорогих мелиоративных и дорожно-строительных работ. Что касается Tobольского округа, то заселение его считалось возможным только при выполнении ряда важных условий: детального научного обследования и изучения, строительства грунтовых и железной дорог, проведения мелиоративных работ и строительства жилья.

Экономические и политические процессы, развернувшиеся в советской деревне в конце 20-х гг., внесли значительные коррективы в данную программу. Сотни тысяч крестьянских семей стали жертвами государственной политики спецколонизации, т.е. были насильственно переселены в необжитые и малеобжитые районы страны в качестве дешевой рабочей силы. Согласно постановлению СНК СССР от 18 августа 1930 г. "О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области" рабочую силу спецпереселенцев предписывалось максимально использовать на лесозаготовках, в рыбных и иных промыслах и в исключительных случаях — в сельском хозяйстве.

К этому времени ссылка крестьянских хозяйств в район Обского Севера продолжалась более года. С января по октябрь 1930 г. в Tobольский округ было вывезено 45 тыс. раскулаченных и членов их семей. Они были распределены следующим образом: в леспромхозы — 35%, в распоряжение рыбтреста — 38%, 27% — в сельское хозяйство. Расселение проводилось в имеющихся населенных пунктах, на лесоучастках, рыбных промыслах, а также в необжитых местах тайги и тундры.

В последующие годы численность кулацкой ссылки на Обском Севере возросла до 55 тыс. человек. Для содержания спецпоселенцев ОПТУ в Tobольском округе было создано 6 новых участковых комендатур. В 1930 г. число населенных мест, где были размещены спецпереселенцы, превышало 100. С 1931 г. наметилась тенден-

ния к уменьшению числа спецпоселков за счет их укрупнения. В округе было открыто 10 междунктов, каждый из которых обслуживал от 150 до 2713 человек, построены бани, магазины, школы, клубы.

Первый опыт показал экономическую выгоду от использования дешевого труда спецпереселенцев - в 1931 г. доходы превысили расходы по содержанию спецпереселенцев в Уральской области на 2 млн р. Ими были построены окружной центр Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийск), производственные мощности Обдорского и Самаровского рыбокомбинатов, десятки поселков, созданы новые лесхозы и сельскохозяйственные и промышленные артели.

Однако суровый климат, медленные темпы строительства жилья, полуголодный паек, перебои в снабжении продовольствием, предметами первой необходимости, низкая заработная плата, из которой 25% отчислений (позднее - 10%) шло ОПУ на содержание спецпоселенцев, неудовлетворительное состояние медицинской помощи привели к высокому уровню заболеваемости и смертности среди спецпереселенцев.

М. Н. Зотева, Л. Г. Сорочкина
Екатеринбург

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ФОНДЫ

Государственный архив административных органов Свердловской области был образован 1 июля 1992 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 24 августа 1991 г. "Об архивах Комитета государственной безопасности СССР".

В настоящее время в архиве имеются три фонда:

1. Фонд фильтрационно-трофейных материалов (ФТМ), принятый от Управления Министерства безопасности (УМБ), на граждан, призванных в армию из Свердловской области, которые в период Великой Отечественной войны были взяты в плен и находились в фашистских концлагерях за пределами нашей страны. По возвращении на Родину все они проходили госпроверку, так называемую фильтрацию, в различных городах СССР.

Фильтрационные дела, состоящие из учетных карточек, протоколов допросов, материалов проверки на наличие компрометирующих материалов, хранятся по месту призыва или рождения бывших военнопленных.

В этом же фонде имеются дела и на гражданских лиц, родившихся и проживавших в Свердловской области, которые, оказавшись на оккупированной врагом территории, были угнаны в Германию, а также дела на так называемых репатриантов, приехавших в область из Харбина, Шанхая, Финляндии, Польши в 30-40-е гг.

Всего в первом фонде 25 924 дела.

2. Фонд архивно-следственных дел, также принятый от УМБ, на лиц, несобоснованно репрессированных по политическим мотивам в 20-е - 60-е гг. и впоследствии реабилитированных в установленном порядке.

Большая часть дел относится к 1937 - 1939 гг. Здесь представлены все социальные слои общества того времени: от неграмотных крестьян, кустарей, рабочих до профессоров и ученых.

По этому фонду в 1993 г. было принято на хранение 39 326 дел, а в 1994 г. - еще более тысячи. Он будет пополняться по мере реабилитации репрессированных и передачи их дел в архив.

Ввиду того, что в фонде хранится большое количество многотомных групповых дел, численность репрессированных лиц значительно превышает количество дел.

3. На госхранение в архив принят фонд "Спецторг НКВД-УВД", содержащий документы по личному составу и документы, отражающие производственную и торговую деятельность этого предприятия в 30 - 40-е гг. В 1947 г. Спецторг был ликвидирован. Документы данного фонда, помимо сведений о работе, перемещениях сотрудников, раскрывают специфику деятельности этой организации: особенность, строжайшую дисциплину и меры наказания за ее нарушение, наличие льгот для определенных сотрудников НКВД.

В фонде имеется 2711 дел.

Архив административных органов активно проводит работу по организации использования и пропаганде своих документов. Исполнено более полутора тысяч запросов пострадавших от политических репрессий и их родственников; более трехсот человек ознакомлены с делами в полном объеме; проводились выставки, радио- и телепередачи.

Архив приглашает всех желающих сдать на постоянное хранение документы или их копии, воспоминания, семейные архивы своих репрессированных отцов и матерей, чтобы увековечить их память для потомков. Из этих документов будут созданы личные фонды репрессированных и фонды устной истории.

Ознакомление с документами разрешается в соответствии с Инструкцией по упорядочению доступа исследователей к материалам прекращенных фильтрационно-трофейных и архивно-следственных дел.

Т.В.Ивкина, Л.А.Колышкина
Магнитогорск

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

С самого начала процесса раскулачивания на Урале появились спецпереселенцы. К 1932 г. их численность составила около 500 тыс. человек, из них приблизительно 40% было занято на производстве. К концу первой пятилетки спецпереселенцы составляли около 15% всей рабочей силы региона. Лишенные всех прав, пережившие нечеловеческие условия переселения, они оказались в тяжелейшем социальном положении в спецпоселениях на Урале, который стал одним из основных "потребителей" труда раскулаченных.

Голод, болезни, а также крайне тяжелый труд приводили к преждевременному износу человеческого организма и гибели людей являлись одной из основных причин неэффективности принудительного труда. Этот труд не был необходим и не был выгоден государству. Внешнее принуждение всегда вызывает психологическое противодействие, которое снижает производительность труда и делает людей неспособными к решению задач, требующих ума, инициативы, ответственности. Попытки же вызвать принудительными средствами (ответственность за невыполнение нормы, выпуск плохой продукции, порчу, несоблюдение стандартов и пр.) творческое отношение к принудительному труду вообще являются ярчайшим свидетельством полного пренебрежения тоталитарной системы всеми законами психологии. Не учитывалось прежде всего то, что принуждая к рабскому, подневольному труду, система угрожала

самого существования человека, и, следовательно, могла рассчитывать только на вполне нормальную реакцию человеческого существа в подобных условиях — на враждебность, а также на отказ от любого производственного решения, связанного с риском.

Этот труд был невыгоден не только с психологической, но и с экономической точки зрения. Свыше 60 % спецпереселенцев составляли люди, не участвовавшие в производстве, так называемые иждивенцы (старика, женщины, дети, больные). В любом случае, даже по самому минимуму, они должны были быть обеспечены продуктами питания и жильем (в Магнитогорске, например, обеспеченность жильем составляла 0,61 м² на человека). Расходы по выселению, перемещению, обустройству, охране раскулаченных были достаточно значительными. Они ни в коей мере не покрывались стоимостью того имущества, которое было конфисковано у них.

Начиная с 1933 г., раскулаченные постепенно восстанавливались в правах. Конституция 1936 г. формально вернула бывшим спецпереселенцам гражданские права. В лексикону политическую и бытовую вошел термин "трудоселенцы". Большинство из них продолжали подвергаться явной или завуалированной дискриминации, одним из проявлений которой было ограничение в выборе профессии. Десятки тысяч трудоселенцев вливались в коллективы крупных промышленных предприятий. В 1938 г. на Магнитогорском металлургическом комбинате работали 8304 трудоселенца. Насильственное вовлечение в ряды рабочих спецпереселенцев, не имевших навыков индустриального труда, и трудоселенцев, не имевших возможности получить рабочую профессию, снижало квалификацию рабочего класса в целом.

В.Д.Камынин Екатеринбург
Е.Б.Заболотский Тюмень

ТЕМА РЕПРЕССИЙ 20-х — НАЧАЛА 50-х гг. В УРАЛЬСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Изучение проблемы репрессий на Урале началось после XX съезда КПСС, когда были опубликованы бютграфические очерки деятелей большевистской партии, пострадавших в период сталинских репрессий. Среди них были участники революционных событий 1917

М.А.Наговицын, М.Н.Уфимцева, гражданской войны-В.К.Блехер, руководитель Уральского и Свердловского обкома партии И.Д.Кабаков и др. Среди исторических исследований, в которых затрагивалась тема репрессий, можно назвать монографию А.В.Бакунина "Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933-1937)", в которой говорилось о "массовых репрессиях в 1936-1937 гг." на Урале, назывались имена многих репрессированных хозяйственных, партийных и государственных деятелей Урала, была опубликована биография И.Д.Кабакова. На этой книге опубликованной в 1968 г., сказались уникальность историографической ситуации, когда решения XIX съезда о культе личности еще не были официально отменены, однако о преступлениях сталинизма открыто писать уже было нельзя. Это отразилось, в частности, на освещении проблемы спецпереселенцев, иностранных специалистов на Урале и т.п. Подобные же ограничения были характерны для работ В.В.Адамова, Н.С.Шарапова, Н.М.Цербаковой, в которых сюжеты о включении в состав рабочего класса Урала "нетрудовых" элементов приходилось описывать эвпоным языком.

Нельзя сказать, что в 70-х - первой половине 80-х гг. вообще не затрагивалась проблема репрессий на Урале. На страницах многочисленных изданий, в том числе энциклопедического характера, можно было встретить упоминание о многих деятелях большевистской партии, репрессированных в 30-е гг. Однако авторы не имели возможности сказать об их судьбах. В эти годы впервые в уральскую историческую литературу стали проникать некоторые обобщающие сведения об удельном весе элементов, "направленных на перевоспитание на новостройки Урала в начале 30-х гг." По подсчетам Н.М.Цербаковой, к концу первой пятилетки количество спецпереселенцев в Уральской области превысило 550 тыс. человек, из них 155 618 "влились в состав рабочего класса и использовались на строительстве Магнитки, Синарского и других заводов". А.В.Бакунин подсчитал, что в 1935 г. среди рабочих Свердловской области спецпереселенцев было около 17%, а среди строителей - 13,7%.

Во второй половине 80-х гг. начинается подлинное научное исследование темы репрессий на Урале. Буквально за несколько лет оно прошло ряд этапов. Сначала "гласность" в исторической науке была воспринята историками как возможность завершить де-

ло полной реабилитации репрессированных, начатое XII съездом КПСС. При участии общественных объединений типа "Коммунар", "Мемориал" историки на страницах уральских периодических изданий опубликовали материалы не только о "большевиках-ленинцах", незаслуженно репрессированных в 30-е гг., но и о тех руководителях Урала, которые в период сталинизма получили ярлык "троцкистов": Н.Н.Крестинском, С.В.Мрачковском, Л.С.Сосновском, Е.А.Преображенском и др. Характерной для публикаций тех лет была статья Н.Н.Попова "Белые и черные пятна прошлого", в которой не только упоминались имена этих людей, но и делалась попытка оценить тот урон, который был нанесен свердловской партийной организации в середине 30-х гг. Благодаря усилиям этого исследователя в 1989 г. в Свердловске была проведена научная конференция "Вклад большевиков-ленинцев в революционное движение и социалистическое строительство на Урале", где наряду с биографическими эскизами были подняты некоторые важные методические проблемы изучения репрессий, а в 1990 г. была опубликована уникальная книга "37-й на Урале".

На следующем этапе уральские исследователи расширили круг лиц, на которых обрушились репрессии в период сталинизма. В 1992 г. в Свердловске прошла научная конференция "Политические партии и течения на Урале: история сотрудничества и борьбы", в ходе которой была поднята проблема о методах борьбы большевиков со своими политическими противниками. Был опубликован сборник материалов "Дела и судьбы" о представителях научно-технической интеллигенции Урала в 20-30-е гг. В автономных республиках Урала активно изучалась проблема о судьбе представителей национальных движений. В монографии К.И.Куликова были проанализированы репрессии в отношении финно-угорских народов, населявших Урал. Башкирские исследователи опубликовали материалы о политических лидерах национального движения за самоопределение башкир и татар.

Третий этап изучения проблемы репрессий сопровождается публикацией источников по этой теме и появлением первых обобщающих работ. Вышли из печати сборники документов о судьбе спецпереселенцев на Урале, опубликованы материалы об иностранных рабочих и специалистах, помогавших возводить гиганты уральской индустрии в 30-е гг. Среди последних заслуживают особого

Внимания воспоминания американского рабочего Д. Скотта, работавшего на Магнитке и выделившего в своих мемуарах главу "Административный аппарат и чистка". Новые источники позволили исследователям расширить хронологические рамки изучения проблемы. В монографиях Г. Е. Корнилова и А. А. Антудьева имеется материал о судьбе репрессированных в годы Великой Отечественной войны. А. В. Бакунина проанализировал складывание механизма сталинских репрессий на Урале в 20-е гг.

В последнее время тема репрессий из самостоятельной постепенно превращается во вспомогательный частный сюжет проблемы советского тоталитаризма. В работе А. В. Бакунина "Советский тоталитаризм: генезис, эволюция и крушение" выделены этапы складывания этой системы, подчеркивается, что ее апогей приходится на 30-е гг., когда, по мнению автора, было репрессировано 800 тыс. жителей края. Кроме того, Урал всегда рассматривался как место осмысли заключенных. В литературе можно встретить различные точки зрения о месте Урала в системе ГУЛАГа. По мнению Г. Е. Корнилова, "на Урал, особенно в Пермской, Свердловской областях и Удмуртии, еще в 30-е гг. была создана мощная сеть ГУЛАГа". Р. А. Мекведев, имевший несчастье быть высланным на Урал в начале 50-х гг., напротив, считает, что по причине большой заселенности "Урал не был скоплением сталинских "мест перевоспитания", а служил местом пересыльных лагерей и тюрем".

С. Ф. Касимов
Уфа

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ БАШКОРТОСТАНА (1918 - 1938)

Одними из первых жертвами репрессий в национальных регионах страны следует считать активных участников башкирского национального движения, начатого в 1917 г. С 15 ноября того же года Башкирское областное шуро объявляет Башкортостан автономной республикой в составе демократической России. А. Валидов возглавлял первое башкирское правительство. В феврале 1918 г. он вместе с другими членами шуро и правительства был арестован

постановлением Оренбургского ревкома, но через 2 месяца их освободили из тюрьмы во время налета казаков.

Репрессиям были подвергнуты и другие члены правительства Башкортостана. Так, по приговору судебной коллегии Баймакского Совета были расстреляны военный министр Т.Магазов, член Учредительного собрания Г.Ицельбаев и 15 офицеров. Весной 1919 г. массовому расстрелу были подвергнуты солдаты и командиры башкирского войска и члены правительства.

После 3-месячных переговоров между представителями башкирского и советского правительств 20 марта 1919 г. было заключено соглашение об образовании Башкирской советской автономии.

Декретом советского правительства от 19 мая 1920 г. правительственной автономии были сведены на нет. Неоднократные встречи и беседы А.Валидова с В.И.Лениным, И.В.Сталиным и другими руководителями РСФСР о судьбе Башкирской автономии положительных результатов не дали, что вынудило его и некоторых сподвижников уехать в Среднюю Азию, а в феврале 1923 г. эмигрировать за границу.

Вторично погром национальных кадров в Башкортостане был проведен в связи с так называемым делом М.Султангалиева, лица реабилитированного. В протоколе закрытого заседания президиума Башкирского обкома РКП(б) от 28 мая 1923 г. читаем: "III. Признавая нелегальную организацию Султангалиева антипартийной и антисоветской и политически вредной для Башкирии, вопрос в отношении тов.Адигамова Абдуллы, изобличенного в сношении с Султангалиевым и выполнявшего директивы последнего, передать на решение ЦК РКП. IV. Установив точно связь со стороны Мурзабулатова и Бикбаева с Султангалиевым, дискредитацию ими ответственных советских башкирских работников среди татаро-башкирских масс, признать необходимым снятие Мурзабулатова и Бикбаева с ответственных постов, не допуская в дальнейшем использования ни на какой работе в Башкирии, совершенно удалив их из пределов БССР, как ярых и вредных националистов". В то время А.К.Адигамов занимал пост народного комиссара просвещения, А.И.Бикбаев — председателя правления Банторга, а С.Г.Мурзабулатов — нарком земледелия. Все они были сняты с занимаемых постов и в принудительном порядке высланы из Башкортостана, а в 1930 г. вновь

привлечены по "делу Султангалеева" и вместе с 74 другими осужденными (21 из них триговорен и расстрелу).

Машина репрессий 30-х гг. затронула немалое число банкирских национальных кадров. В октябре 1937 г. прошел пленум Башкирского обкома ВКП(б) с участием секретаря ЦК партии А.А. Хданова. На нем против многих честных партийных и советских работников были выдвинуты необоснованные обвинения в участии их в антисоветском буржуазно-националистическом и правотроцкистском заговоре. Как враги народа были арестованы 274 человека, среди них председатель Президиума ЦИК БАСОР А.М. Тагирова, председатель Совнаркома З.Г. Вулаев, секретари обкома партии Я.В. Бикин и А.Р. Исантурин, заведующий отделом обкома ВКП(б) А.И. Хадиров, заместитель председателя СНК и председатель Госплана БАСОР Ш.М. Даутов, секретарь ЦК ВКП(б) Ш.Т. Тимиргалдина, деятели литературы и искусства - Г. Давлетшин, И. Назир, Д. Дитий и многие другие.

Многие из репрессированных заявляли о своей преданности советской Родине. Их письма и заявления поступали в партийные органы, но оставались без внимания. Более того, репрессиям подвергались все новые кадры работников.

Л.А. Кошелева
Екатеринбург

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ В СОВЕТЫ И ДИСКРИМИНАЦИЯ ПРАВ НАСЕЛЕНИЯ

Период перехода от гражданской войны к миру и последовавшие за ним изменения в социально-политическом состоянии общества характеризуются в литературе как период глубокого политического кризиса. С начала 20-х гг. актуальным становится вопрос о осуществлении советской власти в России, и, следовательно, о формах российской государственности.

Логика восприятия событий данного периода позволяет говорить о кризисе Советов как формы организации государственной власти, установленной в стране в октябре 1917 г. и продекларированной политическим руководством как народновластной структуры.

Анализ различных документальных источников, знакомство архивными материалами, критическое переосмысление историографии Советов свидетельствуют, что кризис Советов как представительных органов государственной власти сохранялся на протяжении всего периода 20-х гг. Он проявлялся не только в absenteeism населения по отношению к местным органам власти, но и в характере проводимых избирательных кампаний.

В литературе данная проблема является менее изученной, над исследователями продолжают давить стереотипы, сложившиеся под влиянием классово-идеологизированных представлений. Но уже в 20-е гг. политические лидеры страны отмечали, что основные причины absenteeism с классовых позиций - это очень легкое

Опыт организации выборов кампаний на Урале показывает, что в первой половине 20-х гг. предпринимались попытки демократизации избирательной системы. Однако многочисленные данные говорят об узости демократических преобразований избирательной системы. Практика советского строительства свидетельствует, что в 20-е гг. существовала система, дискриминирующая избирательные возможности населения. В ряде телефонограмм в губернские Советы Урала за 1920-1921 гг. есть указания о недопущении к выборам в Советы кулаков, бывших белогвардейцев, всех поддерживающих чкаровский режим. В 1923-1927 гг. происходит увеличение процента лишенных избирательных прав. Так, если при выборах в сельсоветы в 1923 г. было устранено от выборов 1,9% населения, то по 1927 г. называются цифры от 7,7% до 16% по сельским Советам, и по городским - до 3,3%. В документах содержится указание на то, что лишению избирательных прав подвергались именно непролетарские слои населения.

Необходимо отметить, что на разных этапах 20-х гг. дискриминационная политика в отношении непролетарских слоев претерпевала ряд изменений, но эти перемены не затрагивали сути дискриминационных мероприятий. Основная причина этого заключалась в снижении процента избирательной активности всех слоев населения на местах. Пролетарские же слои были пассивны вообще, и в 1923-1925 гг. и позднее потребовалось проводить дополнительные выборы и даже перевыборы в местные органы власти. Это происходило при смирении режима избирательных прав категорий населения, которые не допускались к участию в выборах мероприятиях.

Причины несостоявшейся демократизации Советов надо искать не в сохранявшихся свое влияние "военно-демократических" методах организации выборных кампаний, а в проводимой политике пролетаризации всего государственного аппарата.

В. В. Латыпова
Уфа

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ С КОНТРЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 20-х гг.

В результате великой трагедии нашей страны - гражданской войны, разделившей все российское общество на два непримиримых лагеря, было разгромлено и поругано наше Отечество. Ликвидированы не только "классовые враги" - буржуазия, дворяне, священнослужители, но существу отечественная интеллигенция, но и уничтожена культура нашей Родины, ее интеллектуальные силы.

Жертвами террора стали многие выдающиеся люди.

Трагична судьба одной польской семьи, волею случая оказавшейся в это тяжелое время в Уфимской губернии.

Глава семьи Иллинич Иосиф Владиславович - потомственный дворянин Могилевской губернии, около 1868 г. рожд., по специальности инженер, специалист по сельскохозяйственному машиностроению - был назначен на службу в Уфимскую губернию около 1915 г. Вскоре к нему в Уфу прибыли двое его детей: сын Мечислав, окончивший высшее учебное заведение и дочь Ядвига, 19 лет, окончившая 7 классов женской гимназии.

Октябрьская революция и разразившаяся вслед за ней гражданская война круто изменили уклад жизни многих уфимцев, коснулось это и семьи Иллиничей. Вскоре после революции Иосиф Владиславович был назначен уполномоченным администрации по ликвидации имений уфимской купчихи И. А. Чиваевой, затем переехал на Циндельский завод, где работал инженером.

Мечислав Иосифович Иллинич стал легионером, вступив, как и многие другие его соотечественники, в польский легион, входивший в состав армии Колчака.

Ядвига Иосифовна вместе с матерью Иосифовной переехала в начале 1918 г. в Алаутоус Уфимской губернии. Вскоре к до-

чери прибыл и отец, поступивший на службу в районное правление заводоъ Юного Урала.

Сразу после приезда Я.И.Иллинич и ее отца в Златоуст за последним была установлена тотальная слежка сотрудниками политбюро (орган, объединявший милицию и ЧК) и уголовного розыска. В качестве агента использовалась хорошая знакомая Ядвиги. Подруга подробно докладывала обо всем, что происходило в квартире Иллиничей, кто бывал в гостях, о чем велись разговоры, у кого и по какому поводу бывала Ядвига, с кем дружила. В донесениях говорилось, что Иллинич и ее знакомые часто вместе музицируют, обсуждают проблемы искусства, иногда обсуждают политические вопросы, причем "вся публика настроена антисоветски". Кроме того, в качестве агентов использовались квартиранты Иллиничей - красноармейцы, к которым Ядвига испытывала расположение. От новых друзей в уголовный розыск Златоуста регулярно поступали донесения о каждом слове и каждом шаге квартирохозяйки. Помимо этого применялось внешнее наблюдение за Иллиничами, фиксировались все их передвижения по городу. Было произведено несколько обысков в их доме. Однако ни наблюдения, ни обыски, как видно из дела политбюро, никаких результатов не давали. Наблюдение за Ядвигой Иосифовной велось так навязчиво, что она вынуждена была обратиться к заведующему Златоустовским отделом управления тов.Елагину с просьбой прекратить наблюдение и оградить ее от преследований.

Несмотря на отсутствие доказательств контрреволюционной деятельности, 62-летний Иосиф Владиславович по распоряжению Уфимского губчека 6 февраля 1920 г. был арестован. Не доверив местным властям и не желая пускать дело на самотек, Ядвига Иосифовна 13 февраля 1920 г. пишет заявление на имя народного комиссара Л.Д.Троцкого с просьбой оказать содействие в беспристрастном рассмотрении дела ее отца. Иосиф Владиславович вскоре был отпущен. Опасаясь пропажи вещей во время обысков, Ядвига прячет наиболее ценные из них - драгоценности (золото, бриллианты), печать с фамильным гербом и другие в различных местах. Об этом тотчас же узнают в политбюро. 4 апреля 1920 г. следует новый арест Иллиничей (на этот раз была арестована и Ядвига) на основании заявления "квартирантов" в уголовный розыск Златоуста от 3 апреля 1920 г.

7 апреля 1920 г. Иллинич были отпущены за недоказанность вины, а ночью этого же дня — убиты агентом уголовного розыска.

В. А. Мазур
Екатеринбург

АРЕСТЫ 1941 г. В СВЕРДЛОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

В 1941 г. лагеря НКВД пополнились 840712 новыми заключенными. Среди них оказалось пять студентов Свердловского государственного университета: Н. П. Индукаев, В. Г. Козлов, Н. П. Менгель, И. И. Райхер, В. А. Пилькевич. Были они сверстники (1918 г. рожд.) отличники и, хотя учились на разных факультетах, едины в интересе к гуманитарным наукам, склонности к нетривиальному мышлению и неумению скрывать свои мысли.

Однокурсники вспоминают об Индукаеве: "Николай очень чутко реагировал на притворство и фальшь". В 1939 г. студенты исторического факультета пытались выдвинуть этого прямого и честного человека альтернативным кандидатом на выборах в местные Советы.

О Пилькевиче его друг И. И. Райхер писал: "Я всегда с большим интересом слушал его глубокие суждения по вопросам истории, литературы, искусства и особенно — общественной жизни, в которой он видел многое куда дальше других! И в то же время казалось, что он слишком погружен в себя, как будто в душе шла беспрерывная тяжелая работа, поэтому он иногда "отключался" и мог сказать что-то совсем не впопад или, наоборот, выдать такой блестящий афоризм, от которого "предмет" высвечивался совсем с неожиданной стороны". Что мучило Славу Пилькевича мы поймем, если заглянем в его дневник: "У нас в стране имеется целая система провакаций... У нас не наука, а вздор, все заглушено и одурманено марксизмом... Дозунг "За Сталина" смешон и непопулярен. Это все, что раньше кричали: "За веру, царя и отечество ..."

Студентам вменялась в вину "агитация среди однокурсников, направленная против мероприятий Советской власти и на дискредитацию"

тацию руководителей партии и правительства". В частности о И.И. Райхере говорилось, что он недоверчиво отнесся к германо-советскому договору (этот пункт фигурировал в обвинении, несмотря на то, что Райхер был арестован 3 июля 1941 г., т.е. после начала войны); заявлял, что Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении платного обучения противоречит Конституции СССР допуская высказывания о династии Джугашвили.

Что же представлял из себя этот "закоренелый антисоветчик"? Внутренний мир нашего героя помогут раскрыть его воспоминания. В них - восторженное описание торжественного приема, который устроили им - школьникам-отличникам, приехавшим со всех концов страны, в Наркомпросе (1936). Удивленная констатация: во всех выступлениях А.С.Бубнова, Н.К.Крупской, Ф.Я.Кона ни разу не упоминалось имя Сталина, зато с большим уважением говорилось о старой школе и ее учителях. Докладчики подчеркивали: советская власть ожидает, что поколение погодков революции оправдает ее надежды. Их доверчивые слушатели постарались не ударить в грязь лицом. По крайней мере, Иза Райхер, став студентом Свердловского университета, делил свое время между лабораторией, зрительным залом театра оперы и балета и общественной работой. А тем временем в кабинете работника НКВД, курировавшего университет, росла куча дозосов на Райхера. Писали знакомые и незнакомые студенты, писал друг(!), сопровождая свое "заявление" резким: "А вообще-то он (Райхер) парень хороший. Прошу дать возможность понаблюдать за ним еще". Повторил эту фразу и следователь: "Парень ты хороший, бить тебя мы не будем". "На что я, голубой теленок, - пишет Исаак Иосифович, - сразу отреагировал: "А разве у Вас бьют?" Ничего не сказал следователь, только посмотрел выразительно!"

В тюрьме работали обыкновенные люди: прокурор - "загорелый здоровяк, блондинистый и очень даже симпатичный"; следователь - "рыхлый человек с нездоровым, желтым цветом лица, после окончания допроса выглядел просто благодушно". И все они были "актерами театра абсурда", декорациями которому служили лабиринты коридоров и лестниц с проволочными сетками от перил до потолка, комнаты с замазанной белой краской окнами, камеры с "ежевскими намордниками". Все эти - действующие лица "пьесы", сюжет которой заключался в выяснении того, действительно ли студенты

университета Индукаев, Козлов, Менгель, Райхер обсуждали вопрос о назначении Сталина Председателем СНК и действительно ли В.Козлов сказал, что сосредоточение власти в одних руках опасно и грозит бонапартизмом. При "изучении" этого эпизода оказалось, что следователь не знает, что такое "бонапартизм" и пишет слово "университет" с двумя орфографическими ошибками. Ничего удивительного: "служитель Фемиды" имел всего 7 классов образования.

Кульминацией этой трагикомедии стал приговор: Н.П.Индукаев, В.Г.Козлов, В.А.Пилькевич, И.И.Райхер - 10 лет лишения свободы, Н.П.Менгель - 5 лет. О судьбе Козлова, Менгеля, Пилькевича больше ничего не известно. От Индукаева последнее письмо было получено в 1943 г. Он писал, что в лагерях не исправляют, а истребляют, и что он приложит все усилия, чтобы попасть на фронт. Затем следы его затерялись.

Зимой 1942 г. И.И.Райхер, голодный и продрогший, валялся на берегу суровой Туры. А в это же время в Москве набирался XIII том "Журнала общей химии", в оглавлении которого значилась статья В.И.Есафова и студента И.И.Райхера. Здесь были описаны результаты экспериментов, которые проводил Райхер еще в 1940-1941 гг. Это была первая научная публикация Исаака Иосифовича. Появилась она благодаря мужеству доцента В.И.Есафова, научного руководителя Райхера. Следующая научная статья И.И.Райхера появилась через 16 лет. Он все-таки стал ученым! Получил звание доктора биологических наук, долгое время руководил лабораторией сывороточных препаратов Пермского НИИ вакцин и сывороток. Один из пяти арестованных. Кем бы стали остальные? Какой бы стала страна, если бы не пожирала, подобно титану Кроносу, своих детей?

Л. Н. Мазур
Екатеринбург

КРЕСТЬЯНЕ-ЛИШЕНЦЫ: РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ДЕЛ

Коллективизация, раскулачивание, уничтожение зажиточных крестьян - все это закономерное проявление сущности того строя, который формировался в стране в 20-е гг. Без полного подчинения

крестьянства победа "социализма" была невозможна. Репрессии против мелких производителей охватили все сферы жизни и реализовывались через налоговую политику, систему мер ограничения землепользования и хозяйственной деятельности, лишение избирательных прав, конфискацию имущества, высылку и прямое уничтожение крестьян. Идеологическим обоснованием подобной политики было положение о расслоении крестьянства и обострении классовой борьбы в деревне. В этих условиях "кулачество" представляло собой очередной миф, который оправдывал применение самых жестоких репрессивных мер.

Изучение социального облика лишенцев позволяет определить цели, объект и методы функционирования репрессивной системы, этапы ее формирования. В частности, углубленное исследование такой социальной категории, как крестьяне-лишенцы, которые попали под ограничение в правах главным образом по обвинению в ведении кулацкого хозяйства, развеивает миф о кулаках и отражает объективные процессы дифференциации в крестьянской среде, которые связаны прежде всего с демографическими показателями крестьянского хозяйства.

Лишение избирательных прав в качестве меры социальной защиты нового общества было введено в 1924 г., однако массовый характер данное мероприятие по отношению к крестьянству приобретает только к 1929 г. Оно тесно переплетается с системой репрессивных акций, связанных с коллективизацией и раскулачиванием. С этого времени ограничение в правах распространено на значительную часть сельскохозяйственного населения, достигая, по оценкам некоторых исследователей, 15%, причем сопровождается изъятием имущества, изменением места жительства, разрывом родственных связей, серьезными проблемами с трудоустройством.

В динамике процессов лишения выделяются два периода. Первая волна массового лишения избирательных прав крестьян, причисленных к кулакам, связана с проведением коллективизации в 1929-1931 гг. Вторая совпадает с подготовкой списков для избирательной кампании 1934 г. По обстоятельствам лишения выделяются две крупные категории крестьян: 1) раскулаченные; 2) лишенные избирательных прав в связи с неуплатой налогов.

Практически все крестьяне-лишенцы характеризуются властью как кулаки. Основанием для подобного вывода служило наличие сельскохозяйственных машин, занятие ремеслом, извозом или торговлей, привлечение наемного труда. В результате в сферу действия инструкции об ограничении в правах оказались вовлеченными самые широкие слои крестьянства. Механизм лишения отличался чрезвычайной гибкостью: если хозяйство нельзя было однозначно отнести к кулацкому, то использовались иные пути, в частности налогообложение. Хозяйство, намеченное в "жертву", облагалось заведомо невыпонимым налогом, в результате крестьяне лишались своего имущества, которое, как правило, распродавалось, и избирательных прав. Поводы для установления хозяйству твердого задания чрезвычайно разнообразны: от традиционно-хозяйственных (эксплуатация сельскохозяйственных машин, наемный труд и др.) до политико-религиозных (например, враждебное отношение к советской власти), * в том числе установление родства с раскулаченными. Это давало возможность распространить этот вид репрессий на все слои деревни, невзирая на зажиточность хозяйства. Очень часто индивидуальному налогообложению подвергались хозяйства, восстановленные после несправедливого раскулачивания. И даже вступление в колхоз не было гарантией спокойного существования: до 23% семей лишенцев, которые в 1930-1931 гг. стали колхозниками, были исключены позднее как враждебные элементы, обложены налогом с последующей конфискацией имущества и лишением прав.

Вторая волна массового лишения избирательных прав (1933-1934) имеет ряд особенностей: прежде всего наблюдается значительное сужение мотивов обвинения и начинается "охота за призраками". В категорию лишенцев все чаще попадали те, кому приписывались черты кулацкого хозяйства задолго до коллективизации и даже до революции. Анализ их хозяйственной деятельности накануне коллективизации свидетельствует о соответствии статусу середняцкого и даже бедняцкого хозяйства. Они были трудовыми и так или иначе прекратили свое самостоятельное функционирование к 1933 г.

Л. А. Максимова
Сыктывкар

УСЛОВИЯ ТРУДА СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ В 1940-е гг.

Все категории спецпоселенцев, прибывших в Коми в 1940-е гг., передавались ГУЛАГом НКВД Наркомлесу СССР для работы в лесозаготовительной промышленности и размещались в трудпоселках, которые прикреплялись к отдельным леспримхам. В 1940 г. планировалось трудоустроить 5900 семей (примерной численностью около 20 тыс.) категорий так называемых беженцев (из Западной Украины) и "осадников" (польское население). Приему и размещению беженцев и "осадников" со стороны органов власти придавалось большое значение, поскольку это была огромная армия рабочих столь необходимых лесной промышленности. Но на местах проведенных необходимых мер по бытовому устройству, жилищному обеспечению, хозяйственному обзаведению срывалось руководителями леспримхозов и лесучастков.

Депортанты 1940-х гг. в республике были в основном выходцами из интеллигенции, не имевшими навыков работы в лесу, соответствующих знаний и т.д. Как свидетельствуют документы, польское население прибывало без теплой одежды и обуви. А Комлес не имел "фондов спецодежды". Снабдить хотя бы трудоспособную часть переселенцев теплой одеждой и обувью тресты не имели возможности, во-первых, из-за неудовлетворительного снабжения поставщиками; во-вторых, из-за разбазаривания аппаратов лесопунктов. И хотя директивы руководства трестов угрожающе предупреждали, что переселенцы-поляки присланы к нам по особому постановлению партии и правительства исключительно для того, чтобы использовать их на работе, а поэтому нельзя допускать даже мысли, чтобы какая-то часть их не работала, тем не менее отсутствие теплой одежды и обуви приводило к тому, что рабочие-поселенцы выходили на работу в простых пиджаках и рваных ботинках, что в зимнее время приводило к массовым обморожениям и заболеваниям.

В постановлениях правительства республики констатируется, что не было налажено обучение техникуму спецпоселенцев, занятых на производстве, им не известны нормы выработки и рабо-

нок, они не ознакомлены с правилами техники безопасности. Нередки были несчастья типа случаи на работе. Участки, на которых работали спецпоселенцы, не были обеспечены необходимыми инструментами для работы в лесу (пилами, топорами и пр.). 10-20 пил, 30-40 топоров зачастую выдавались на 100-200 человек. Организация труда спецпоселенцев была также крайне неудовлетворительной. Кроме мужчин, на тяжелых работах в лесу трудились женщины и подростки, к которым не было никакого снисхождения. Женщины ставили на распиловку бревен, снабжая тупыми пилами, на дубку и вывозку леса.

Отсутствие опыта работы на лесозаготовках, непосильный труд и его неудовлетворительная организация, просчеты в снабжении - все приводило к тому, что спецпоселенцы не могли зарабатывать себе на пропитание. А на полученные деньги покупали продукты, за которыми вынуждены были ходить за 5-6 км в магазин, так как на лесозаготовках их не было.

Со дня организации поселков администрация лесозаготовительных предприятий полного расчета зарплаты рабочим не производила, вошла в практику выдача авансов от 1 до 3 р. Оставалась большая задолженность предприятий рабочим. Политика спецпереселения была политикой настоящего физического уничтожения людей, обреченных на непосильный, иногда бесполезный труд в тайге, полуголодное существование и постоянную борьбу за свою жизнь и жизнь своих детей.

Очевидно, что насильственная депортация не была "трудовым перевоспитанием", а являлась неприкрытой репрессивной политикой.

Г.Я. Маламуд
Челябинск

ДЕПОРТИРОВАННЫЕ НАРОДЫ КАК ИСТОЧНИК РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СИСТЕМЕ ГУЛАГА НА УРАЛЕ (1942 - 1948)

С началом Великой Отечественной войны перед НКВД были поставлены задачи по строительству оборонных объектов на Урале и в Сибири, в частности Бакальского (Челябинского) и Новотагильского металлургических комбинатов. Обеспечить эти объекты в короткие сроки новыми заключенными путем фабрикации сотен тысяч уголовных дел было невозможно.

По указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. к 15 октября в восточные районы страны были депортированы 749 613 советских немцев, а всего за годы Великой Отечественной войны - 1 209 430 человек.

Основанием для привлечения депортированных к принудительному труду послужило постановление ГКО СССР № 1123 СС от 10 января 1942 г. Оно предусматривало мобилизацию граждан немецкой национальности в рабочие колонны НКВД и НКПС с размещением их в охраняемых лагпунктах.

Среди вовлеченных подобным образом в систему ГУЛАГа можно выделить следующие категории: депортированные из западных районов СССР, мобилизованные в местах депортации; советские немцы - жители восточных районов страны, не подвергавшиеся депортации и мобилизованные по месту постоянного проживания; немцы-военнослужащие Красной Армии, "командированные" в ГУЛАГ; политэмигранты немецкой национальности из Германии и стран Восточной Европы, находившиеся в СССР по линии МОПРа. Среди мобилизованных были, наряду с немцами, советские граждане финской, румынской, болгарской, венгерской национальностей, однако в отчетных документах НКВД и приказах все они именовались "мобилизованные немцы".

Новые кадры на Урале использовались в традиционно "гулаговских" отраслях промышленности: капитальном строительстве, нефте- и угольдобычи, лесоповале.

В Челябинской области крупнейшим предприятием, использовавшим "трудоармейцев", было управление Челябинметаллургстрой (Челяблаг) НКВД СССР, включавшее, кроме основной стройплощадки на северной окраине Челябинска, ряд вспомогательных объектов в различных районах области. Каждый из объектов был организован по типу отдельного лагерного пункта и обеспечивался трудом мобилизованных под конвоем вооруженной охраны.

Кроме того, в Челябинской области мобилизованные немцы привлекались к труду в трестах Коркинуголь, Копейскуголь, Зманжелинскуголь Наркомата угольной промышленности.

В Свердловской области представители "вражеских национальностей" работали на предприятиях трестов Тагилметаллургстрой, Базстрой, Уралсвязьстрой, Карпинскшахтстрой, Карпинокуголь,

на строительстве Полуночного марганцевого рудника. Содержались "мобилизованные немцы" в отдельных лесочастках Богословлага, Севераллага, Ивдельлага, Востокурлага, лесных лагерей.

В Пермской области они использовались на строительстве магниевого завода и ТЭЦ в Березниках, Соликамского титанового комбината, шахт Кизела, в тресте Молотовнефть, на угледобыче в шахтах Губахи и Каспаша, на лесоповале; содержались в Кизеллаге, Усольлаге, Нырблага, Бубельлаге.

Кроме того, "трудоармейцы" использовались на нефтедобыче в трестах Бугурусланнефть (Оренбургская область) и Башкирнефть (нефтепромыслы Туймазы и Ишимбай).

Двойственное положение "мобилизованных немцев", оказавшихся в системе ГУЛАГа не по приговору судебного органа, а в порядке мобилизации с сохранением всех формальных прав советских граждан, сказывалось во всех областях жизни строительства. Побег из охраняемых зон в официальных документах именовался "дезертирством", в качестве наказания за которые применялась высшая мера - расстрел. Основным стимулом к труду на строительстве являлась практикуемая в ГУЛАГе "котловка" - дозировка пайка в зависимости от выработки, однако наряду с этим было распространено принятое на "гражданских" объектах поднятие красного вымпела над "ударными" отрядами и поздравительные телеграммы Верховного Главнокомандующего с перечислением фамилий ударников.

В то же время в дни государственных праздников и в лагерях вводился усиленный режим охраны с целью предупреждения предполагаемых попыток "мобилизованных" сорвать празднование очередной годовщины Октябрьской революции.

Сохранение за мобилизованными избирательного права и права объединяться в общественные организации осуществлялось путем их участия в выборах в Советы всех уровней и проведения партийных и комсомольских собраний под конвоем стрелков ВОХР.

С 1944 г. наблюдается смягчение режима содержания "трудооблизованных". С января 1946 г. ликвидированы охраняемые лагеря в нефтепромышленности и ряде других отраслей. Однако только в 1948 г. "трудоармейцы" были демобилизованы, хотя режим спецпоселений просуществовал до 1955 г.

"ЗАКОН О ПЯТИ КОЛОСКАХ"

В отечественной историографии основное внимание в изучении политики репрессий сконцентрировано на политических репрессиях конца 30-х гг. Вне исследовательского поля зрения остаются проблемы репрессий, не носивших ярко выраженного политического характера. Между тем подобные акты оказали существенное влияние на жизнь советского общества.

Ярким примером тому служит ход реализации постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., известного как "закон о пяти колосках". Данное постановление не просто усиливало уголовную ответственность за хищения и кражи: оно решало более важные стратегические задачи. Учитывая социально-экономическое положение, правящий режим превратил его в универсальное оружие против всех недоброжелателей. Тем самым практическая реализация постановления носила характер репрессивного подавления.

Политике репрессий свойственны специфические черты: идеологическое обоснование и подготовка массового сознания; социальная направленность; особые условия деятельности карательных органов.

Заданный идеологический фон играл важную роль в успешном ходе репрессий. Он создавал иллюзию необходимости применения суровых мер по отношению к определенной социальной группе, а также делал каждого человека участником событий. С момента начала уборочной кампании 1932 г. в центральной прессе стали мелькать информация о просяках классового врага, который покушается на социалистическую собственность. Постепенно поток подобных сведений усиливался. На страницах газет появились отклики с мест, требующие разобраться с расхитителями. Не последнее место занимало идеологическое обоснование суровых мер, являвшееся с самых высоких трибун, о необходимости окончательно докончить с кулачеством. Идеологическая обработка сыграла свою роль: идея жестокой борьбы вошла в массовое сознание и требовала своей реализации.

Социальная направленность карательных мер была обозначена в самом постановлении - кулачество. В начале 30-х гг. кулак уже

не был субъектом экономической жизни: мерами советской власти экономические позиции его были подорваны. Идеологи тоталитарного режима перевели эту социальную группу из экономической плоскости в политическую. 1932-1933 гг. - годы завершения коллективизации. Кулачество сопротивлялось этому процессу, который лишил целый слой крестьянства права на существование. Успех тоталитарной системы заключался в ее стабильности. Поэтому любые попытки сопротивления режиму и его политике должны были жестоко подавляться. Именно поэтому в ходе следствия по уголовным делам, связанным с "законом о пяти колосках", большое значение имели не только чисто противоправные действия, но и момент лояльности к власти и любых проявлений недовольства по отношению к последней. Этим объясняется и значительное количество колхозников среди осужденных, недовольных политикой государства в сельском хозяйстве.

Непосредственное осуществление рассматриваемого постановления было возложено на карательные органы. Дела, возбужденные по нему, занимали значительный объем в общем потоке уголовных дел. Это свидетельствует о широком масштабе акции, коснувшейся десятков тысяч людей. Такого рода уголовным делам придавалось первостепенное значение. Они находились под особым контролем, например, в отношении сроков следствия. Об уровне ведения уголовных дел можно судить по результатам рассмотрения кассационных жалоб на приговоры, вынесенные с применением "закона о пяти колосках". Так, анализ судебно-следственных дел, находящихся на хранении в Государственном архиве Свердловской области, показывает, что Судебно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР оставила в силе лишь около 1/3 из общего числа приговоров Уральского областного суда, предусматривавших расстрел осужденных.

А. Д. Меньшикова
Екатеринбург

РЕПРЕССИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В 30-е гг.

Вовлечение в научный оборот новых материалов приводят к качественному изменению оценки многих явлений и событий нашей

новой истории. Значительный интерес представляет изучение социально-экономической структуры деревни в 30-е гг. на Урале.

Коллективизация и связанное с ней раскулачивание существенно подрывали основу сельского хозяйства, привели к отчуждению собственника от средств производства, результатов его труда, повлияли на социально-демографическую ситуацию. Политика "ликвидации кулачества как класса", основанная на массовых репрессиях, не обошла стороной и Урал. Ее сущность определяется прежде всего результатами социально-экономического развития уральской деревни.

В годы первой пятилетки произошли изменения в распределении населения между городом и деревней. Сократилась численность крестьянства, причем за счет трудоспособных. Большинство кулацких хозяйств, а с ними середняцких и даже бедняцких, было экспроприровано, выслано в отдаленные северные районы области. Часть крестьян пошла по пути самоликвидации. Распродав имущество, они бежали в город, пополняя ряды рабочего класса. Некоторые ушли из деревни в поисках лучшей жизни. Увеличение населения городов Урала происходило в большей степени за счет местного сельского. В предельно сжатые сроки регион стал одним из ведущих индустриальных в стране.

План первой пятилетки по развитию сельскохозяйственного производства не был выполнен. В это время наблюдался быстрый рост посевных площадей, но урожайность оставалась низкой, особенно в 1931 г., когда почти вся территория Урала подверглась засухе и в южных районах зимой и весной 1932 г. был голод. Кроме того, большие потери оставались при уборке и хранении урожая. Высокие посевные задания приводили к затягиванию сева, ухудшению обработки земли, нехватке семян. При высокой нагрузке посевных площадей на каждого работника труд был слабо механизирован, необходимая техника отсутствовала. Валовой сбор зерна упал, но государственные заготовки выросли, так как сдавались согласно размера посевных площадей и проводились по принципу продразверстки. Так, в 1932 г. в колхозах Урала был изъят почти весь урожай, включая семена. Это означало сохранение в деревне полуголодного существования.

Особенно тяжелым было положение в животноводстве. Ухудшение дел в растениеводстве повлекло за собой сокращение кормовой

базы. Большими оставались нормы по мясозаготовкам. Вместе с насильственным объединением при создании колхозов, раскулачиванием, голодом они привели к резкому сокращению поголовья скота. Кроме того, нехватка помещений, пригодных для содержания скота, отсутствие необходимого ветеринарно-технического персонала привели к падежу скота, его забоя и распродаже, в целом к уменьшению валовой продукции животноводства.

Таким образом, ценой огромных жертв деревня обеспечила планы индустриализации рабочей силой, необходимым минимумом продовольствия. В результате проведения коллективизации был разрушен весь уклад сельской жизни. Сельскохозяйственное производство пришло в упадок в результате массовой гибели основного производителя, репрессий, голода, непосильного труда.

Г.В.Мерлякова
Ижевск

РЕПРЕССИИ В УДМУРТИИ (30 - 40-е гг.)

Развитие Удмуртии и других народов Поволжья и Приуралья до конца 20-х гг. шло в основном по ленинской концепции. Можно сказать, что это были самые плодотворные годы во всех областях жизни. Сталинская концепция усиления классовой борьбы по мере успехов в развитии социализма была перенесена и на сферу межнациональных отношений. Развернувшиеся репрессии национальных кадров, представление национального как националистического фактически приостановило развитие наций. Был заторможен процесс национально-государственного развития. Большой урон понесла национальная культура. Сделав свои первые творческие заявки, исчезли драматург и критик М.Тимашев; поэт и журналист И.Векшин (Айво Иви); ученый и публицист, автор известной библиографии по истории удмуртов "Рой книг" Я.Ильин; автор повести "Как придет настоящая жизнь", второго перевода "Интернационала" на удмуртский язык, один из любимых учеников академика Марра И. Дмитриев-Кальда; талантливый молодой писатель, в начале 30-х гг. студент Ленинградского института инженеров кино И.Курбатов; прозаик К.Иванов (К.Ошмас); представители первого поколения

удмуртских писателей И. Михеев и К. Яковлев; журналисты и критики М. Волков и П. Баграшов. Только по делу К. Герда были подвергнуты репрессиям 29 представителей национальной интеллигенции. Самого Герда в 1932 г. обвинили в буржуазном национализме и в планировании присоединить Удмуртию к Финляндии, арестовали и выслали на Соловки, где он и погиб. Долгое время, вплоть до 60-70-х гг., в удмуртском культурном обиходе существовало бранное слово и понятие "гердовщина".

В 1937-1938 гг. в Удмуртии были репрессированы самые талантливые и опытные писатели. Не миновали этой участи и руководители республики. Первый секретарь обкома партии, активный участник гражданской войны С. П. Барышников был осужден и расстрелян, а председатель облисполкома И. А. Наговицын, большевик с дореволюционным стажем, бывший политэмигрант, был вынужден уехать из Ижевска.

Обвинения в национализме и репрессии уменьшились с началом войны, но после нее вновь возросли. Теперь обвиняли уже молодых фронтовиков, которые занимались литературой. Некоторые из них были арестованы, судьбы сломаны. В 1950 г. были незаконно осуждены прошедшие Отечественную войну молодой поэт И. Зорин, М. Чайников. Если не все они погибли в лагерях, то были навсегда оторваны от литературного творчества, сломлены, унижены.

Не избежала обвинений в национализме и Ашальчи Оки (настоящее имя Л. Г. Векшина), но лагерей ей удалось миновать. Спасибо литературное молчание. По рассказам окружающих ее людей, и до, и после войны она постоянно ожидала ареста. Теперь единственная книга первой удмуртской поэтессы периодически переиздается. Выходят и книги К. Герда, и других репрессированных удмуртских писателей, ныне реабилитированных. В предисловиях к ним подчеркивается, что их авторы были осуждены безвинно, и не было никаких оснований обвинять их в национализме.

Восстановление справедливого отношения к тем, кто пострадал в годы репрессий, неразрывно связано с восстановлением живого интереса к литературе и истории. Это важно и для тех, кто стоял у истоков культуры, и для нас. Возвращаясь к тому времени, мы видим, как в судьбах людей трагически переплетаются их личное стремление доискаться до истины и жестокость тех, кому

они верили. Репрессиями в отношении многих представителей интеллигенции из сферы национального самосознания был изъят целый пласт культуры и вместо него вселен страх.

Р. Т. Москвина
Екатеринбург

РЕПРЕССИИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ СТАЛИНСКОЙ ТОТАЛИТАРНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Следует опровергнуть представление о репрессиях как об извращении, деформации политической системы социализма ради удовлетворения личного властолюбия Сталина и его окружения, так как такая точка зрения позволяет сделать вывод о приемлемости сталинского варианта "монопольно-государственной социалистической экономики, по крайней мере для периода индустриализации".

Репрессии - это не случайность, не отступление от основ социализма, а неотъемлемый элемент политической системы, получившей определение тоталитарной. Их неизбежность была обусловлена необходимостью тотального, всеобъемлющего контроля за всеми сферами жизнедеятельности как общества, так и индивида, монополий одной идеологии и одной партии на власть, что предусматривало уничтожение оппозиции и инакомыслия. А всякое уничтожение оппозиции - это прямое приглашение к террору. Сыграла свою роль и утопичность самой идеи социализма. Тоталитаризм всякой утопии вызван тем, что она не выдерживает проверки жизнью, практикой, а значит возникает необходимость подавить любое сопротивление, всякую критику в ходе ее безуспешной реализации.

Роль репрессий, или "подсистемы страха", заключается в том, чтобы: обеспечить полное слияние, идентификацию индивида с системой; способствовать индоктринации населения (вера в социализм - обратная сторона страха); обеспечить новую мотивацию труда (взамен личной выгоды и конкуренции); снабдить бесплатной рабочей силой целые отрасли промышленности.

Необходимость жесткой интеграции личности в тоталитарную систему обуславливает то обстоятельство, что "террор внутри тоталитарной системы по мере стабилизации режима усиливается

как по масштабам, так и по степени жестокости". Этот вывод был сделан Х.Арендт в исследовании "Истоки современного тоталитаризма". Отсюда следует, что "большой террор" 1936-1937 гг. был логичным проявлением уже стабилизировавшейся системы. Это подтверждает также вывод о том, что советский тоталитаризм сформировался к началу 30-х гг.

Далее можно говорить о более мягком или более жестком варианте его функционирования, что выражалось в варварском или "цивилизованном" характере репрессий. При Сталине, когда миллионы людей работали и погибали в системе ГУЛАГа, когда разрушались все связи: семейные, дружеские, профессиональные и любые другие, "подсистема страха" носила варварский характер. Позднее преследования приняли более "цивилизованный" характер, когда людей увольняли с работы, высылали за границу, отправляли в психиатрические больницы, сажали в тюрьмы, но в меньших масштабах. Полное слияние индивида с системой объясняет и феномен так называемого горизонтального террора, когда твой собственный сосед, коллега, родственник разоблачает тебя и служит системе преданнее, чем ее платные работники.

Глубинные механизмы "подсистемы страха" нашли свое выражение в работах по социальной психологии, художественной литературе и в меньшей мере - в трудах историков. Так, выдающийся политолог З.Ежезинский пишет: "Итак, чистка выполняет определенные позитивные функции, обеспечивая жизнедеятельность системы. Она обеспечивает безопасность руководства посредством постоянного и неослабного уничтожения оппозиции, действительной или мнимой. Она держит врагов режима в постоянном страхе ... ликвидирует любую потенциальную альтернативу режиму. Чистка дезинфицирует систему, очищает от проникновения в ее ряды нежелательных элементов и карьеристов. Борьба за выживание ликвидирует застой и укрепляет социальную мобильность и движение. Наконец, она выводит из общества агрессивность и неудовлетворенность".

На наш взгляд, ряд положений этого высказывания спорны. Прежде всего, уничтожается в ходе репрессий не оппозиция, а произвольно каждый пятый, восьмой или десятый из всех слоев населения, безотносительно к образу жизни, взглядам и т.д. Этим тоталитарный террор отличается от любого другого. Именно эта произвольность является пугающим фактором, причем не столь

ко для "врагов режима", сколько для основной массы населения. Но поскольку страх меняет биохимию организма, в страхе долго жить нельзя, а значит человек сам, на уровне подсознания, начинает вырабатывать защитные механизмы, изгоняя сомнения в правдивости официальных постулатов, вырабатывая веру в справедливость всего происходящего. Вера была обратной стороной страха, спасением от него.

Объективным результатом террора является дробление, атомизация общества, когда индивид оказывается один на один перед всей громадой властных структур, индивидуально подключается к системе власти. Этот фактор объясняет невозможность организованного сопротивления тоталитаризму, а также быстрый его крах после устранения угрозы репрессий.

Н.И. Музафаров
Екатеринбург

СУДЬБА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТАТАРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ М.СУЛТАН-ГАЛИЕВА

Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев (1892-1940) - один из ярких представителей национальной интеллигенции, которого постигла участь многих несправедливо репрессированных людей. Он родился в д.Елимбетово Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Окончил Казанскую учительскую семинарию, в июле 1917 г. вступил в партию большевиков. Без преувеличения можно сказать, что всю свою энергию М.Султан-Галиев отдавал делу единения татар и башкир, создания их общей государственности и на этой основе свободного развития двух близких этносов. Одновременно он уделял серьезное внимание изучению социально-политического, религиозного и общественного движения народов Урала и Поволжья.

В 1918 г. М.Султан-Галиев возглавляет мусульманский коммисариат при Казанском совете, а затем становится работником Наркомата по делам национальностей. М.Султан-Галиев совместно с другим видным политическим деятелем М.Вахитовым подготовили проект создания Татаро-Башкирской Советской Республики в составе РСФСР. Такая республика была создана и узаконена декретом СНК, но просуществовала недолго. По настоянию И.Сталина

были созданы две самостоятельные автономные республики — Татария и Башкирия.

М.Султан-Галиев принимал активное участие в борьбе с белым движением. После гибели М.Вахитова он возглавил центральную мусульманскую военную коллегию (сентябрь, 1918), стал инициатором создания мусульманских национальных частей Красной Армии и был введен в состав членов реввоенсовета ее 2-й армии.

В 1919—1921 гг. М.Султан-Галиев занимал пост председателя Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока и немало внимания уделял созданию национальных коммунистических организаций. Одержимый революционной идеей, он мечтал об экспорте революции на Восток, откуда доходили веяния пантюркизма и панисламизма. Однако уже в этот период М.Султан-Галиев стал подвергаться обвинениям в буржуазном национализме.

В 1920 г. на съезде народов Востока в Баку он был подвергнут критике за проявление "национал-уклонизма". В мае 1922 г. появился декрет СНК, ограничивающий права самостоятельных Татарской и Башкирской автономных республик. Как следствие данного декрета начались притеснения и аресты национальной интеллигенции.

В мае 1923 г. М.Султан-Галиев был арестован на рабочем месте в Наркомнаце. Ему инкриминировали тайные связи с буржуазно-националистическими элементами внутри страны и на Востоке. На специальном совещании в июне этого же года он был осужден публично, а султангалиевщина стала трактоваться как опасный буржуазно-националистический уклон, несовместимый с социалистическими идеями.

М.Султан-Галиева дважды исключали из партии и восстанавливали вновь, подвергали неоднократным арестам в 20—30-х гг. Но каждый раз после реабилитации он продолжал свою деятельность. М.Султан-Галиевым были составлены и изданы учебные пособия и книги, в частности по истории национального, религиозного и общественного движений. В них освещались политика советской власти в национальном вопросе, организация антирелигиозной пропаганды.

Некоторое время он работал в Башкирском обкоме партии, где проявил себя хорошим организатором и талантливым руководителем,

Однако с конца 20-х гг., после критики И.Сталиным султангалеевщины, преследования М.Султан-Галиева усилились, он был снят с занимаемых постов. По последним сведениям М.Х.Султан-Галиев стал жертвой сталинских репрессий и был расстрелян в 1940 г. Реабилитация его состоялась в конце 80-х гг.

Л.Ф.Муртузалиева
Екатеринбург

ШТРИХИ К ИСТОРИИ ОБЪЕДИНЕННОЙ ОПОЗИЦИИ НА УРАЛЕ В 1927 г.

В августе 1927 г. в "Правде" было опубликовано так называемое Заявление 83. Среди подписавших его оказались и уральцы. Все они представляли объединенную оппозицию, выступавшую против официального курса партии по перспективам I-го пятилетнего плана.

В октябре в центральных и местных газетах начали появляться покаянные письма тех, кто поставил "автографы" под данным "Заявлением".

Покидая, что оппозиция развалится, если не будет поддержана рядовыми членами партии и беспартийными рабочими, наиболее видные ее участники разъехались по стране с целью привлечения сторонников. А.Г.Белобородов, С.В.Мрачковский, Л.С.Сосновский, Н.И.Уфимцев прибыли на Урал, где еще в 1926 г. была создана фракционная партийная троцкистская группа. Деятельность ее проходила в условиях строгой конспирации, по принципу "пятерок", на отдельных предприятиях края. Наиболее крупной фракцией в Свердловске - около 40 человек - была организация, действовавшая при Урало-Коммунистическом университете. Существовали мелкие организации в Ревде, Первоуральске, Верхнем Уфалее. В типографии "Уральский рабочий" было налажено размножение программных документов фракционеров и самого "Заявления". Такая возможность появилась в силу того, что редактор газеты В.А.Воробьев входил во фракционную группу и был одним из лидеров оппозиции на Урале. Во главе руководства группы стояли известные в крае люди: сотрудник УПИ А.Степанов, директора заводов Н.Дерябин, И.Бобылев, которые поддерживали постоянную связь с центром. Секретарь

Уральского областного троцкистского комитета Кузовников участвовал как представитель от Свердловска в троцкистской демонстрации в Москве.

На Урале число подписавших "Заявление 83" было значительным, так как подписи собирались вначале у членов партии с 5-летним партстажем, а потом — у всех желающих.

Лидеры оппозиции прибыли на Урал в период обсуждения тезисов по I-му пятилетнему плану. Приехав в Свердловск, А.Г.Белобородов, будучи наркомом НКВД РСФСР, попытался обосновать основные положения оппозиции на собрании актива Свердловской партийной организации, проходившем 9 ноября 1927 г. в помещении детского клуба. Он предупредил, что оппозиция пойдет к беспартийным рабочим с жалобой на партию.

На другой день А.Г.Белобородов намеревался принять участие в партийном собрании рабочих ВУЗа. На встрече оказались его бывшие единомышленники во главе с красным директором Н.М.Давидовым. Но и там ему не дали говорить.

Не найдя поддержки, 10 ноября ...Г.Белобородов организовал стихийное собрание беспартийных рабочих на заводском дворе. Вместе с работником облизполкома Стопаловым с 7 утра до 10 часов вечера он вел "антипартийную агитацию".

Срочно собранное бюро Уралобкома ВКП(б) осудило действия оппозиции и вынесло решение о необходимости расследования деятельности А.Г.Белобородова с дальнейшей передачей материалов в Центральную Контрольную Комиссию.

В партийной ячейке ст.Шарташ побывали С.В.Ирачковский и Д.С.Сосновский, зачитавшие собранному завещание В.И.Ленина, предложили поставить подписи под "Заявлением 83". Для ведения фракционной работы в Первоуральск выезжал Н.И.Уфимцев, выступивший перед рабочими трубного завода. В Верхнем Уфалее побывал С.В.Ирачковский. Здесь он вырос и встал на революционную стезю, вступил в партию. Поэтому в этом регионе активно поддерживали оппозицию.

А.Г.Белобородов, оставшись один в Свердловске, провел собрание беспартийных рабочих на частной квартире. Один из участников собрания послал донос в ОГПУ. Из текста доноса видно, что этот человек не обладал политическим кругозором, ему трудно

было разобрано, к чему звала оппозиция, и потому он обвинял наркома в том, что тот обозвал К.Е.Ворошилова советским жеребцом и говорил о том, что И.В.Сталин предал учение В.И.Ленина.

В это время Контрольная Комиссия собирала компромат на оппозиционеров. Результатом ее работы явилось исключение А.Г.Белобородова из рядов партии за фракционную деятельность и антипартийные действия. 18 ноября ЦКК освободил А.Г.Белобородова от обязанностей наркома НКВД РСФСР.

Из партии, по решению ЦКК, исключили редактора "Уральского рабочего" В.А.Воробьева, председателя правления "Госспрёмашинна" С.В.Мрачковского. Им предстояла ссылка на 3 года. Участники Уральской троцкистской фракционной группы И.А.Бобылев, А.Н.Степанов, И.Дерябин, К.Черепанов и другие подали в президиум открывшегося в декабре 1927 г. XV съезда ВКП(б) заявления с отказом от идейных взглядов оппозиция.

Таким образом, была закрыта еще одна страница в истории оппозиционных течений в партии на Урале.

И.Е.Плотников
Курган

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ 30-х гг.

Урал был одним из главных районов ссылки раскулаченных крестьян. По данным ОГПУ, в 1930-1931 гг. в Уральскую область отправлены из других краев и областей 123 547 семей (571 355 человек). Собственно уральцев за это время вывезено в ссылку 25 855 семей. По данным на февраль 1932 г., на Урале числились около 500 тыс. спецпереселенцев, которые размещались более чем в 60 (преимущественно северных) районах области. Все спецпереселенцы были "закреплены за промышленными организациями, за исключением незначительного количества, оставленного для сельхозколонизации". Основная их масса находилась в ведении леспромохозов - 274,2 тыс. человек, в распоряжении треста Уралуголь - 47,7 тыс. человек, Магнитостроя - 40 тыс., Востокоруды - 26,8 тыс., Уралстройматериала - 16,1 тыс., Востокостали - 16 тыс., Селарбы - 15,2 тыс., Уралторфа - 8,5 тыс., Уралстройиндустрии 7,5 тыс.

Уралоблздравотдел в феврале 1932 г. в докладной записке в Наркомздрав сообщал, что спецпереселенцы, занятые в промышленности и на новых стройках, размещались преимущественно в бараках, а спецпереселенцы, используемые на лесоразработках, проживали большей частью в поселках, состоящих из "двухпарных изб". В докладной отмечается, что "жилища все строениях, возведенных из сырого леса, совершенно недостаточно утеплены, значительные щели, как правило, отсутствуют вторые рамы". Уралоблздравотдел указывал также на "чрезвычайную скученность в бараках и избах". Тот же источник свидетельствует, что в феврале 1932 г. количество жилой площади на одного спецпереселенца составляло от 0,5 до 1,5 м².

Спецпереселенцы жили в условиях крайней антисанитарии. В марте 1931 г. начальник Комендантского отдела Уральской области Н. Баранов докладывал Уралоблсполкому: "Профилактические мероприятия в спецпоселках почти не проводятся, не во всех из них имеются бани, вошебойки, как правило, отсутствуют". Уралоблздравотдел в вышеупомянутой докладной по этому поводу писал, что "резкая недостаточность вошебоек оставляет одежду постоянно завшивленной".

Спецпереселенцы были буквально обречены на голод и вымирание. Уралоблздравотдел сообщал в Наркомат здравоохранения: "Питание, как правило, неудовлетворительное... Особенно скверно с питанием спецпереселенцев на лесозаготовках, где оно недостаточно и по количеству и по качеству. Полное отсутствие жиров и мяса... молока для детей не имеется". Из Надеждинского леспрохоза сообщали, что из месяца в месяц установленная норма продовольствия не выдается. Во всех поселках многие спецпереселенцы употребляют в пищу гнилую древесину, траву, несъедобные грибы, в результате чего болеют и теряют трудоспособность.

Не лучше было положение с обеспечением промтоварами. Н. Баранов писал: "Особо остро... стоит вопрос о снабжении спецпереселенцев промтоварами, каковое положение усугубляется отсутствием в местах работ спецодежды. При работах в лесу одежда подвергается быстрому износу, замены же ее не производится, и она не восстанавливается и не ремонтируется вследствие отсутствия починочного материала, а главным образом ниток". По признанию того же Н. Баранова, "значительная часть спецпереселенцев

вывезена на Север Урала из местностей с более мягким климатом и вообще не имея приспособленной для нового района жительства одежды". Аналогичную картину по этому вопросу рисует и Уралоблздравотдел: "Одежда, хотя и имеется у спецпереселенцев, однако ввиду ее недостаточности, а главным образом отсутствия спецодежды и постельных принадлежностей, спецпереселенцы работают в своей одежде, подстилают ее во время сна, ео же и укрываются, что привело одежду в чрезвычайно изношенный вид и одежда значительного количества спецпереселенцев, особенно из завезенных в первое время спецсылки, имеет вид лохмотьев. Особенно тяжело с теплой обувью, вследствие чего нередки обморожения. Указанное в отношении одежды будет верно по отношению к белью". В особенно тяжелом положении оказались нетрудоспособные и дети, которые "в преобладающем большинстве обносались вовсе". В качестве верхней одежды употреблялось "все, хоть сколько-нибудь возможное к использованию старье".

— Медицинская помощь, как отмечал в докладной Н. Баранов, по существу, сводилась "к отсутствию таковой".

В результате всего этого частыми явлениями были вспышки сыпного и брюшного тифа, кори, скарлатины и цинга. Очень высокой была смертность, особенно детей. По данным Уралоблздравотдела в Ново-Дялинском районе в 1931 г. родились 87, а умерли 347 человек, в Гаринском районе за два месяца (август - сентябрь, 1931) родились 32, а умерли 73 человека. "И вся эта смертность, — как свидетельствует архивный документ, — в подавляющем большинстве за счет детей".

Спецпереселенцы, превращенные в рабов военно-коммунистической сталинской диктатуры, находились на Урала в бесчеловечных условиях, были обречены на варварскую эксплуатацию и массовую гибель.

И. А. Лашкова
Глазов

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ УРАЛА В 30-е гг.

Наметившаяся в начале 20-х гг. тенденция к более глубокому изучению истории Башкирии и Удмуртии, в том числе ряда проблем из истории советского периода, сменилась глубоким кризисом.

Наступление нового идеологического режима сопровождалось репрессиями — научными, идеологическими, нередко физическими.

В 30-е гг. появился ряд трудов, в которых многие результаты исследований по истории национального движения, национально-государственного строительства в регионе оценивались как националистические. Под флагом борьбы с буржуазным шовинизмом развернулась борьба и против башкирских и удмуртских деятелей науки. Был репрессирован наиболее интеллектуальный слой еще немногочисленной творческой интеллигенции, а их работы огульно вычеркнуты из исторической литературы. Так, в 1928 г. в Удмуртии было ликвидировано общество "Боляк". Его руководители обвинялись в национальной ограниченности, отсутствия классового подхода. Дальнейшая судьба "боляковцев" трагична. В 1932—1933 гг. органы ГПУ сфабриковали широко известное дело "СОФИН" (Союз освобождения финских народностей). Было арестовано 28 лучших представителей удмуртской интеллигенции во главе с К.Гердом и Т.К.Борисовым.

В июне 1934 г. бюро Удмуртского обкома партии приняло постановление "О положении на фронте исторической науки Удмуртии", в котором, в частности, указывалось, что в некоторых исторических трудах не показаны великая роль русского пролетариата и большевистского руководства революционной борьбой удмуртского народа. С этого момента практически начался разгром главного научно-теоретического центра республики — Научно-исследовательского института истории, экономики, литературы и языка. Он стал рассматриваться как "важнейший участок классовой борьбы", где, по определению историка Н.Н.Латышева, из-за недостаточного внимания местных партийных организаций врагам советской власти удалось небезуспешно осуществить свои стремления. В результате многие его сотрудники, в том числе В.А.Максимов и Ф.П.Макаров — одни из первых профессиональных историков Удмуртии советского периода, возглавлявшие в разные годы работу института, были обвинены в отсутствии классового подхода в исследованиях. Их труды были изъяты как "контрреволюционные" и "троцкистские".

В 1938 г. бюро обкома ВКП(б) вновь указало на серьезные недостатки в деятельности Удмуртского научно-исследовательского института. В частности, была признана слабой организация работы

по повышению идейно-теоретического уровня и квалификации научных работников. И как следствие - в работе института произошли "большие подвижки". Состав его работников был "укреплен" за счет подбора новых, молодых кадров (по партийной принадлежности). К исследовательской работе привлечены "творческие силы" из партийного и советского актива. И конечно, результаты не замедлили сказаться. Институт выпустил "труды", объем которых превышал в два раза научную продукцию, выполненную за предыдущие три года.

Так постепенно объективность исследования, научная истина были подменены конъюнктурой, стала переписываться история. По сведениям А.А.Попова, в июне 1935 г. облисполком Коми края рассмотрел вопрос "Об изъятии националистической и контрреволюционной литературы". В течение трех недель она была извлечена из всех библиотек под личную ответственность председателей райисполкомов. В июле 1935 г. областному отделу народного образования было предписано "дать обоснованные фактами и цифрами критику национализма, якобы имевшего место как в учебниках, так и в практике преподавания". Точно такие же указания давались и другим ведомствам: облплану, облздравоотделу, облархиву и др. Им предписывалось "в пятидневный срок подобрать авторов, наметить подробные темы" с последующим включением в план Коми издательства. В результате литература была упрятана в спецхраны.

Таким образом, в 30-е гг. тоталитарный режим заложил основы новой исторической "школы", в которой выросло целое поколение историков. Ее характерные черты: низкий профессиональный уровень исследователей; отход от принципа историзма в оценке прошлого; недостаточная культура ученых вообще, в том числе и методологическая, позволявшая им с легкостью менять оценочные суждения; чрезмерная регламентация исследований со стороны партийных органов; вместо монополии в исследовании - введение принципа коллективности в авторстве, обсуждении и оценке работ и т.п.

Н.Н. Попов
Екатеринбург

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ НА УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг.

На Урале массовые репрессии начались задолго до 1937 г., когда они достигли максимума. Достаточно сказать, что в ходе

так называемых чисток в партийной организации Свердловской области число исключенных из рядов ВКП(б) в 1931-1933 гг. составило 17 617 человек, а в 1934 мае 1937 г. - еще около 18 тыс.

В конце 1936-начале 1937 г. НКВД сфабриковал "дело" о так называемом уральском штабе восстания, который якобы существовал с 1929 г. и объединял троцкистов и правых уклонистов. Его главным руководителем был назван секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И.Д.Кабаков, арестованный в мае 1937 г. Еще раньше были взяты под арест председатель облисполкома В.Ф.Головин, а затем командующий Уральским военным округом комкор И.И.Гарькавий и др.

С громкого "дела Кабакова" репрессии на Урале приняли массовый характер. На состоявшемся в мае 1937 г. пленуме Свердловского обкома ВКП(б) секретарь ЦК А.А.Андреев призвал развернуть "борьбу по ликвидации вредительства не только на хозяйственном, культурном, но и партийном фронте". Это привело к тому, что из II членов бюро обкома, избранного в июне 1937 г. на II областной конференции ВКП(б), лишь один (начальник управления НКВД Д.М.Дмитриев) состоял ранее в бюро обкома, все остальные занимали свои должности с апреля-мая того же года. Их преемственники были арестованы. На первые роли выходили послушные Сталину молодые выдвиженцы. Но и новые работники аппарата в тогдашней атмосфере подозрительности не пользовались доверием. Например, руководство Свердловского обкома комсомола почти полностью обновлялось в январе, июне и октябре 1937 г.

Аналогичному разгрому подверглись руководящие органы во всех областях Урала. Так, в Оренбурге в 1937 г. было распущено бюро обкома ВКП(б), поскольку аресту подверглись все его члены, за исключением первого секретаря А.Ф.Горкина. Он оказался "бдительнее" своих товарищей, написав на них доносы в НКВД, за что был переведен на высокую должность в столицу. Из 55 секретарей райкомов и горкомов ВКП(б) Оренбургской области 28 были "разоблачены" в 1937 г. как "контрреволюционеры", из 55 редакторов районных газет были репрессированы 32.

Только для Урала было характерно то обстоятельство, что областные руководящие органы обновлялись здесь в 1937-1939 гг. по несколько раз. Так, в Свердловской и Оренбургской областях партийные, а вслед за ними и другие руководители менялись за это время трижды, и все начинали свою работу с "разоблачения

вредительской деятельности" своих предшественников. То же самое было в Уральском военном округе, где за полтора года были арестованы три командующих, два члена военного совета, многие командиры частей и начальники штабов. Не избежали этой участи и начальники областных управлений НКВД.

На Урале огромный ущерб от репрессий потерпели промышленные предприятия, на которых в 1937-1938 гг. были арестованы почти все директора и многие инженерно-технические работники до мастеров включительно. Это привело к нарушению преемственности руководства, падению производительности труда, росту аварийности (особенно на железных дорогах и в тресте "Востокосталь") что связывалось, конечно, с действиями "вредителей".

Крайне неудовлетворительными были условия содержания заключенных в местных тюрьмах. Р.Конквест пишет со ссылкой на свидетелей, что "заключенные из Челябинска и Свердловска, попадая в переполненные камеры Бутырок, были в восторге. "Здесь просто курорт, - заявляли они, - по сравнению с тем, что мы видели раньше".

Вся мощь репрессивной сталинской машины была направлена на подавление личности, превращение ее в послушного исполнителя недоброй воли диктатора. Физические и моральные страдания, нравственная деформация миллионов советских людей стали результатом этой жестокой политики, проводившейся в СССР десятки лет. К сожалению, в какой-то мере она достигла своей цели, и теперь "репрессированное сознание" части соотечественников остается серьезным препятствием на пути формирования свободного демократического общества в России.

О. Г. Попова
Екатеринбург

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ РЕПРЕССИИ НА УРАЛЕ В КОНЦЕ 1917 - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 г

Вскоре после захвата власти в Петрограде руководство партии большевиков объявило партию конституционных демократов "партией врагов народа" и начало репрессии против нее. После этого

решения резко усилился политический террор на Урале, который, по словам лидера екатеринбургских кадетов Л.А. Кроля, шел в этом отношении "вперед" столицы. В своей книге "За три года", изданной во Владивостоке в 1921 г., он свидетельствует, что уже в начале 1918 г. в Екатеринбурге большевиками был расстрелян "при попытке к бегству" председатель Верхотурского комитета конституционно-демократической партии Ардашев, в Осе и Нижнем Тагиле от их рук погибли руководители кадетских комитетов Насонов и Кларк. Еще раньше в Кунгурском уезде были убиты местный руководитель кадетов Агеев и его жена.

Репрессии начались не только против кадетов. Газета "Правда" сообщила 20 февраля 1918 г., что в середине января на Каслинском заводе были арестованы члены беспартийного Крестьянского Союза по обвинению в подготовке антибольшевистского заговора.

Наряду с усиливающимся индивидуальным террором широких рамках приобрели карательные действия большевистских отрядов против массовых крестьянских и рабочих выступлений. А.Н. Анисев в книге "Очерк истории гражданской войны, 1917-1920", выпущенной в 1925 г., сообщает, что в конце 1917 - начале 1918 г. они имели место в Ревде, Ирбите, Камышлове, Шадринске, Кушве, Белорецке, Лысьве, Нижнем Тагиле, на Михайловском, Шемахинском и других заводах края. До середины 1918 г. их общее количество превысило 40. Все они были подавлены красногвардейцами.

А.В. Бархатов в воспоминаниях, опубликованных в Свердловске в 1957 г., пишет, что в декабре 1917 г. нижнетагильские красногвардейцы быстро восстановили порядок в Кушве, где "контрреволюционные элементы" разогнали Совет и разоружили местный красногвардейский отряд. Он же свидетельствует об антицерковной политике большевиков в Нижнем Тагиле и о массовом сопротивлении ей со стороны верующих.

В начале 1918 г. центральные и местные газеты неоднократно сообщали о крестьянских восстаниях в Пермской губернии. Против них были брошены крупные формирования красногвардейцев, снабженные артиллерией. Газета "День" писала 27 марта 1918 г., что много сил направлено большевиками на подавление широкого повстанческого движения крестьян Златоустовского уезда Уфимской губернии. Поводом для него послужили аресты большевиками члена

эсеров-меньшевистского Златоустовского Совета. Другая газета - "Дело народа" с обчала 23 апреля 1918 г., что в Екатеринбургском и Оханском уездах "было уже несколько кровавых стичек крестьян с красногвардейцами на почве разных реквизиций".

После вытеснения в феврале 1918 г. из Троицка казаков Дугова все правление местного казачьего отдела во главе с атаманом было арестовано и посажено в тюрьму, а потом расстреляно. Жесточайшие репрессии обрушились тогда на многих оренбургских казаков. Их очевидец М.П. Полосин писал в воспоминаниях, опубликованных в Праге в 1930 г., что казаки "расстреливались пачками", "казалось, что конца не будет этой вакханалии смерти".

Террор большевиков был направлен и против рабочих, недовольных политикой. Так, 9 мая 1918 г. рабочие Березовского завода Екатеринбургского уезда выразили недовольство местным большевистским Советом и потребовали его переизбрания. Тогда против них был брошен отряд красногвардейцев, которые без предупреждения открыли стрельбу по невооруженным рабочим и сразу убили 15 человек. Газета "Новая жизнь" сообщала 1 июня 1918 г., что красный террор продолжался в Березовском заводе 4 дня. Были арестованы не менее 50 рабочих, расстреляны и убиты при облавах свыше 30.

Народное сопротивление большевизму на Урале достигло широчайшего размаха в июне 1918 г., когда крупные выступления против него состоялись в Екатеринбурге, Невьяноке, Белебее, Ирбите, Шадринске, на Саткинском, Бакальском, Нязе-Петровском и других заводах. Карательные действия красногвардейцев последовали незамедлительно. Например, в Кизеле Пермской губернии заводское собрание недовольных действиями большевиков рабочих было обстреляно ими из трех пулеметов. Газета "Новое дело народа" писала 22 июня 1918 г., что в Верхотурском уезде восставших крестьян "расстреливают местные большевистские отряды". Та же газета сообщала, что в Оханском уезде, где красногвардейцы собирали контрабанду, возмущенные крестьяне решили разоружить их, за что двое крестьян были расстреляны. В другом селении крестьяне оказали вооруженное сопротивление, но силы оказались неравными. Несколько крестьян были убиты, "многие арестованы и куда-то увезены".

ГУЛАГ в 1941 - 1945 гг.

Исследования ранее секретных архивных документов Главного управления лагерей - ГУЛАГ НКВД раскрывают, в частности, основные тенденции и специфические особенности его развития в условиях Великой Отечественной войны. Во-первых, значительно сократился контингент исправительно-трудовых лагерей и колоний. В 1942-1944 гг. среднегодовая численность заключенных уменьшилась по сравнению с трехлетним довоенным периодом (1938-1940) на 380141 человека (21,58 %). Сказались две причины: временная утрата в начале войны западной густонаселенной части страны и рост в 5,3 раза смертности заключенных. Во-вторых, доля политических заключенных возросла в среднем за год с 32,1 % в 1938-1940 гг. до 39,16 % в 1942-1944 гг. Увеличение произошло главным образом за счет лиц, осужденных за воинские преступления. В-третьих, были ужесточены меры наказания за совершение особо тяжких и опасных преступлений. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1943 г. были введены каторжные работы сроком до 25 лет для изменников и предателей Родины. В-четвертых, перестроена хозяйственная деятельность в целях максимального выпуска оборонной продукции на основе предельной интенсификации труда заключенных. В-пятых, осуществлена концентрация рабочей силы в районах промышленного и транспортного освоения топливно-энергетических, минерально-сырьевых и биологических ресурсов - в Сибири, Казахстане, на Севере и Дальнем Востоке.

Примером перестройки служил Север, который оставался наиболее предпочтительным местом заключения противников и жертв тоталитарного режима. Надежность и безопасность их содержания гарантировали особо строгий лагерный режим и естественные условия отдаленного, изолированного от внешнего мира, труднодоступного и малообжитого региона тайги и тундры. "Враги народа" и, уголовники-рецидивисты с длительными сроками заключения, этапированные на Север, пополняли коллективы предприятий и строек. С их участием были сформированы крупнейшие территориально-производственные объединения: Дальстрой, Воркутауголь, Ухта-

нефть, Якутзолото, Комилес, построены Норильский горно-металлургический комбинат, Северо-Печерская железная дорога, Колымская автомобильная трасса, города Воркута, Магадан и Норильск. Катормые отделения действовали на подземной добыче каменного угля и руды.

Экстремальные природно-климатические условия, изнурительный труд, примитивный быт, скудное питание, полное бесправие, произвол администрации, разгул лагерной мафии — таковы особенности бытия заключенных, которые подрывали их физическое и нравственное здоровье, влекли тяжелые заболевания и высокую смертность. При всех отмеченных лишениях и трудностях люди, находясь за колючей проволокой, проявляли самопожертвование и честно выполняли долг патриотов. Благодаря их жертвенному подвигу Север занимал к исходу войны ведущее место в общесоюзном производстве золота, платины, олова, никеля, кобальта, вольфрама, слюды, оптического кварца, увеличил добычу каменного угля, нефти и природного газа, заготовки деловой древесины. Успешно развивалась экономика новых промышленных районов Сибири и Дальнего Востока, основанная на жестокой эксплуатации принудительного труда.

Диверсионно-разведывательные службы Германии располагали данными о бедственном положении заключенных и намеревались использовать их в качестве ударной силы, способной ослабить и подорвать изнутри советский тыл. Инициаторы этого плана предлагали с помощью вооруженных десантов, сброшенных самолетами в окрестности Норильска и Воркуты, поднять восстание в местных лагерях. Расчеты на успех не оправдались. Подобная высадка диверсионных на территорию Коми АССР завершилась бесславным провалом и вынудила цервать дальнейшие приготовления. Заключенные, как правило, испытывали глубокое недоверие к официальной политике властей, а в то же время отвергали измышления и посулы нацистской пропаганды, оказывали реальную помощь защитникам Родины.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НАД УРАЛЬСКИМИ ДИССИДЕНТАМИ (СЕРЕДИНА 40-х - СЕРЕДИНА 70-х гг.)

Одним из главных итогов вынужденной эволюции идеологии и практики сталинизма в годы Великой Отечественной войны явилось появление в послевоенный период молодежных оппозиционных групп. Они стали прообразом той общественной силы, которая через некоторое время получит название "движение советских диссидентов".

В августе 1946 г. Верховный Суд РСФСР рассмотрел три дела, связанных с "контрреволюционной деятельностью" молодежи Челябинска. Первое из них касалось группы молчаливых людей, составивших воззвание "Манифест идейной коммунистической молодежи". В нем они призывали своих сверстников к борьбе против существующего режима. Вторая группа называлась "Снежное вино" и выпускала альманах в духе символизма, что было расценено властями как маскировка антисоветского содержания журнала. Подрывная деятельность третьей группы заключалась в том, что ее участники размножали от руки печатными буквами листовки с призывами к свержению существующего правительства.

Челябинские молодежные группы следовали хорошо известному из истории образцу. Они складывались на той или иной идеологической основе, ставили перед собой политические цели, декларировали необходимость изменения существующего в стране режима, предлагали добиваться такого изменения с помощью более или менее радикальных средств из арсенала "профессиональных революционеров". Вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что "в сущности это была еще и не политика, а полуигра". Дежающая в основе идеологии членов челябинских групп дуалистическая модель большевизма, представление о сталинской политике как полнейшем антиподе ленинской, как об отступлении от ленинских принципов социализма дают основания отнести организации Челябинска к числу первых представителей "несленинского" направления диссидентского движения в СССР. Реакция властей на антисоветскую деятельность молодежи была вполне взрослой. Участники оппозиционных групп были приговорены к различным

сроках лишения свободы в соответствии с ст. 58 УК РСФСР.

"Неоленинистские кружки" являлись крайним проявлением общей атмосферы духовных поисков того времени. Особенно широкое распространение в стране они получили в годы "хрущевской оттепели". Вместе с тем наряду с идеей личной ответственности среди интеллигенции развивалась тенденция к деполитизации и деидеологизации общественного сознания и диссидентского движения.

Отличительной чертой диссидентских организаций на Урале являлись их ярко выраженная идеологическая направленность, радикализм политических программных требований.

В 1969 г. в Свердловске была создана молодежная организация "Свободная Россия". В нее вошли Валерий и Виктор Пестовы, Н. Шабуров, В. Берсенев и В. Узлов. К 1970 г. она насчитывала около 50 активных членов и сочувствующих. Весной этого года организация была переименована в "Российскую рабочую партию". Был выбран руководящий орган, уплачивались членские взносы. "Партия" строилась на принципах конспирации, централизма и строгой дисциплины. Члены организации были убеждены, что в условиях демократических свобод, прав на оппозицию и дискуссию "истинно" марксистско-ленинские идеи победят в СССР.

Судебный процесс над участниками "Российской рабочей партии" состоялся в ноябре 1970 г. В отличие от московских процессов этого периода, на которых речь шла главным образом не о факте свершения деяния, а о праве на это деяние, "контрреволюционная деятельность" свердловских оппозиционеров не вызвала сомнения. Это предопределило суровость наказания уральских инакомыслящих. Члены организации получили от трех до пяти лет строгого режима.

Концептуальная и географическая удаленность от правозащитного движения, речимный характер города, невозможность апеллировать к мировой общественности через иностранных корреспондентов и другие каналы сказались в значительной степени на судьбах участников другой диссидентской организации Свердловска, созданной в 1971 г., — "Революционной партии советских интеллектуалов". Процессы над ее активистами прошли в Свердловске, Красноярске, Горьком и Хабаровске. Инициатор создания "партии" и ее руководитель Г. Давиденко, бывший член КПСС, машинист из

Нижнего Тагила был приговорен к четырем годам лишения свободы. Идеолог организации, выпускник философского факультета Донецкого университета В.Спиененко стал жертвой советской психотерапии, используемой КГБ в репрессивных целях. Судьба В.Спиененко поражает особым трагизмом: он содержался в сумасшедшем доме до 1983 г.

Н. А. Родионов
Ижевск

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА УРАЛЕ (ЧИСЛЕННОСТЬ, ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ)

Уральский регион издавна стал местом пребывания и проживания иностранных граждан. Состав этих лиц периодически менялся, был достаточно разнообразным по национальной принадлежности, месту рождения; различались также их правовое-юридическое положение и условия существования. Среди них были рабочие и специалисты, путешественники, политические ссыльные и эмигранты, беженцы, члены зарубежных делегаций и групп, эвакуированные и др.

Наибольший удельный вес в составе иностранных граждан в регионе занимали военнопленные. Их численность заметно увеличилась в результате первой мировой войны. За четыре года боевых действий на русском фронте в плен попали около 2 млн иностранных воинов. Среди них были 1724 тыс. австрийцев и венгров, 167 тыс. немцев, 50 тыс. болгар и турок. Они размещались в 410 специальных лагерях. На территории Вятской, Оренбургской, Пермской, Уфимской губерний и Уральской области на 1 сентября 1917 г. находилось 285 000 военнопленных. Здесь было создано 113 лагерей.

С организацией специальных лагерей иностранные военнопленные стали использоваться в качестве рабочей силы на различных предприятиях, в рудниках и шахтах. Они были привлечены для сооружения железных и шоссейных дорог, на лесоразработки и в сельское хозяйство. Исследователи отмечают, что к середине 1917 г. в горнозаводской промышленности Урала использовались 51 659 военнопленных, в том числе на горных и лесных работах - 30 866. Заметное их количество размещалось в Камоко-Воткинском горном округе. Они стали прибывать сюда еще в апреле-мае 1915 г.

На 15 октября 1916 г. на Воткинском заводе и лесных дачах трудилось 1638 человек.

Источники раскрывают некоторые стороны условий жизни военнопленных. В отчете от 3 января 1917 г. главному начальнику Уральских горных заводов горный начальник Воткинского завода сообщал: "Военнопленные в отношении расчета за работу приравниваются к рабочим русским. Причем им выдается по 30 к. на содержание, независимо от того, работает данное лицо или нет, и, кроме того, всем вышедшим на работы уплачивается по 25 к. на улучшение пищи". Военнопленные размещались в казенных деревянных домах, банях, крестьянских домах по 2-3, 2-6 человек. Социальные гарантии, провозглашенные на отдельных предприятиях Урала накануне Октября 1917 г., недостаточно затрагивали данную категорию граждан. Так, в материалах собрания Совета рабочих Сягинского стекольного завода от 30 мая 1917 г. отмечается, что действие постановления об объявлении 8-часового рабочего дня "... на пленных не распространяется".

Боевые действия противоборствующих сил на различных фронтах стали причиной появления новой, значительной по численности группы иностранных военнопленных в годы второй мировой войны. Зарубежные и отечественные исследователи показывают, что насчитывалось 2,4 млн немецких военнопленных. Причем 36 % из них погибло на территории нашей страны. На Урале военнопленные последней мировой войны размещались в различных районах. Так, в Удмуртии имелось несколько мест их сосредоточения. Причем наиболее крупные по численности группы размещались в сельской местности, в частности на территории современного Вавожского, Кизнерского, Увинского районов. Пребывание их отмечено также в Можгинском районе и других местах.

Военнопленные второй мировой войны разделили судьбу своих предшественников. вновь получило распространение создание лагерей, использование их на тяжелых и вредных работах. Немало сил отнимала у военнопленных работа на лесо- и торфоразработках. Толика государства и местных властей в отношении лиц иностранного происхождения была достаточно противоречивой, вплоть до таких ее полярных проявлений, как репрессии и преследования. Военнопленные нередко подвергались насмешкам и издевательствам.

Вряд ли можно сказать, что у них были благоприятные условия для работы, поэтому их труд не отличался высокой производительностью.

Исследование иностранной диаспоры еще не заняло своего места в российской и региональной истории. Отвергать сегодня, не замечать историю пребывания иностранцев, в том числе и военнопленных на Урале, значит лишить его летопись многих содержательных страниц. Обобщение фактов, сведений об условиях жизни и деятельности иностранных граждан в нашей стране — одна из интересных и важных тем дальнейших исследований.

И. А. Саидпашев
Казань

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ДУХОВЕНСТВА — ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ДЕФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ

С давних времен мечеть была центром духовности и культуры мусульман, хранительницей национальных традиций, обычаев, национальной самобытности.

В каждой деревне было несколько мэхэллэ, соответственно и мечетей, а при них медресе или мектебы. Муллы, как правило, занимались просвещением народа. Они выполняли не только обязанности учителей, судей (шариатского суда), но решали множество мирских проблем: регистрация и совершение обрядов рождения, женитьбы, смерти и т. д.

К 1917 г. только в Казанской губернии было 1152 мечетей, в которых служили 2648 мулл; а в европейской части бывшего СССР и Сибири, по данным Муфти хазрат Тальгат Тазетдина, — 7,5 тыс. мечетей, к 1926—1927 гг. их стало 14,5 тыс. Этому опосредствовал ряд мероприятий Советского правительства, направленных на возрождение бывших угнетенных наций, в том числе и татарской. В частности, были возвращены священный Коран Османа, башня Суукмобеки, созданы мусульманские комитеты, полки, шариатская комиссия, Казанский горисполком принимает решение об открытии специальных больниц для мусульманского населения и т. д.

Однако с середины 20-х гг. положение резко меняется. Государственные органы все больше и больше вмешиваются в дела ве-

рущих и религиозных организаций. В основном надзор за их деятельностью возлагается на НКВД и его местные органы. В процессе регистрации обществ и молельных домов, многие из них закрывались. Духовенство осталось без средств к существованию.

Ситуация еще более усугубляется в связи с внедрением в общественное сознание "теории обострения классово-вой борьбы в процессе строительства социализма". Религиозные организации и духовенство объявляются проводниками буржуазного влияния, агентами кулацко-нашманской идеологии. В обществе процветают подозрительность, недоверие друг к другу, доносителство.

В апреле 1929 г. Президиум ВЦИК принимает постановление "О религиозных объединениях" которое поставило, по существу, религиозные организации и духовенство вне закона.

Начинается открытое преследование духовенства тремя способами: экономическим, агитационно-пропагандистским и прямыми репрессиями. В арелах Москвы, Казани, Уфы нами обнаружены многочисленные документы, свидетельствующие о том, как жестоко и целенаправленно уничтожались нравственные устои, традиции, обычай татарского народа. Разрушались молельные дома, непомерными налогами облагалось духовенство, которое также выслали на принудительные работы, конфисковывали личное имущество, у верующих изымали не только религиозные книги, но и всю литературу, набранную арабским шрифтом. Еще в феврале 1927 г. Центральный Совет Союза безбожников в Казани вынес решение. "Борьбу с религией надо начать с изменения и перевода алфавита на латинь".

Председатель духовного управления мусульман Риззатдин бине Фахретдинов, который ежедневно получал более ста писем с просьбой о помощи, обратился в высшие инстанции с требованиями прекратить бесчеловечное отношение к духовенству. В мае 1936 г. он был на приеме у председателя комиссии по культурным вопросам П.Г.Смидовича. Однако все старания Муфти хазрат оказались тщетными. Самая лучшая часть духовенства - цвет и гордость нации - была уничтожена. Среди них такие крупные специалисты по исламскому учению и философии, просветители, литераторы, журналисты и педагоги, как Кашаф Тарджемани, Мухамиса ханум Буби (опи-етвенная жещица в истории ДУМАНА), Габдулла Сулеймани, Габдул-

ла Бадретдин, Шихабутдин бине Шарафутдин, Хади Атласи и многие другие.

К сожалению, до сих пор нет полных данных о количестве репрессированных служителей культа. Работа продолжается. Есть только сведения КГБ по Башкортостану: только в 30-е гг. там был репрессирован 671 представитель духовенства (половина из них расстреляна), уничтожены 14 349 мечетей, медресе, мектебы и более 30 тыс. священнослужителей. Все это привело к деформации национальной самобытности.

А. Г. Сапожников
Екатеринбург

К ВОПРОСУ О РАЗМЕЩЕНИИ И УСЛОВИЯХ ЖИЗНИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ 30-х гг.

Количество переселяемых в начале 30-х гг. на Урал раскулаченных семей зависело, как правило, от потребностей местных предприятий в рабочей силе. В результате провала планов освоения лесных богатств Северного Урала и Тобольского Севера силами завербованных рабочих леспромхозы, промыслы и другие предприятия этих районов владели жалким существованием и десятки тысяч дешевых рабочих в лице раскулаченных были для них спасением. Архивные фонды хранят многочисленные заявки леспромхозов и других хозяйственных организаций на присылку сотен и тысяч кулацких семей, организацию трудовых лагерей на подведомственных территориях.

С начала 1930 г. эти заявки стали активно исполняться. За первый год раскулачивания в 31 районе Уральской области (в основном на Севере) была расселена 31 851 кулацкая семья (всего 134 421 человек, из них трудоспособных - 56 685, детей до 16 лет - 48 491). Понять такой контингент, разместить, обеспечить продовольствием, одеждой, обувью ни местные власти, ни хозяйственные организации были не в силах. Этот год был самым трудным для спецпереселенцев и их семей.

К февралю 1931 г. самими сильными было выстроено 115 спецпоселков (6213 изб), в которых разместились 18 639 семей.

(74 556 человек). Остальные 13 212 семей (59 865 человек) были размещены в ближайших к месту работы деревнях вместе с коренным населением (в 508 деревнях размещались от 4 до 150 семей в каждой). Совместное проживание спецпереселенцев с "вольными" совершенно не устраивало власти, которые стремились максимально изолировать кулачество.

а Рассекреченные архивные документы раскрывают трагическую картину условий жизни и труда спецпереселенцев. По данным на февраль 1931 г., в поселках на каждого приходилось 0,91 м² жилой площади. У спецпереселенческих семей практически не было и перспектив на улучшение условий быта: согласно "директивам" они изначально лишались самой возможности "хозобращения". Огражденные при раскулачивании, они подвергались всяческим притеснениям и в местах ссылки - зарплату (1/2 того, что получали "вольные" рабочие из-за увеличения норм выработки для спецпереселенцев на 50 %) выдавали не полностью (только на содержание коммандатур - поселковой, производственной) каждый поселенец отчислял 25 % заработка, были и другие поборы и повинности. Скудный, голодный продовольственный паек рабочему-спецпереселенцу выдавали только при выполнении норм выработки.

За счет кулацкой спецссылки население некоторых районов Северного Урала увеличилось более чем в 2 раза. В Тайнинском, Косинском, Кочевском районах Коми-Пермяцкого округа в 1931 г. на 43,6 тыс. человек коренного населения спецпереселенцев насчитывалось свыше 50 тыс. В Надеждинском районе Уральской области осельные составляли 50 % населения, в Тавдинском - 40 %. При этом прежней оставалась численность медицинского персонала, больниц, медпунктов, школ, учреждений культуры. Невероятная скученность спецссыльных в избах и бараках, голод и холод, моральный надлом приводили к массовым эпидемиям весьма опасных болезней, высокой смертности, особенно детской.

По данным органов ОПЧ и областного здравоотдела, только по 6 округам Уральской области с 20 февраля по 1 июня 1931 г. свыше 26,9 тыс. больных спецпереселенцев обращались за медицинской помощью в амбулатории. Следует учитывать, что "посетить" амбулаторию больной мог далеко не всегда и далеко не в каждом поселке. В спецпоселках амбулаторий и медпунктов в 1931 г. во-

обще не было. Эпидемические заболевания (сыпной тиф, скарлатина, дизентерия, грипп, малярия) распространялись среди спецпереселенцев очень широко, зачастую формируя эпидемиологическую картину целого района (75 % заболеваемости сыпным тифом в Надеждинском районе в январе-августе 1931 г. приходилось на спецссылку).

Политика в отношении кулаков, спецпереселенцев в области их "воспитания" и "перевоспитания" резко отличалась от лозунгов. К весне 1931 г. лишь 15,5 % детей спецпереселенцев были "охвачены" школьным обучением. Учились только дети из тех семей ссыльных, которые были размещены вместе с коренным населением. В спецпоселках в 1930/31 учеб.г. не было ни одной школы и ни одного учителя.

Что касается взрослых переселенцев и молодежи, которую надо было "отслоить от стариков", то им, кроме платных курсов ликбеза и "Красных уголков", в "программах развития образования и культуры" на 1930-1932 гг. не предназначалось ничего.

Массовое переселение раскулаченных семей прекраталось только с середины 1932 г., когда постановлением СНК СССР от 19 мая ОПТУ предлагалось отдельные контрреволюционные элементы в деревне изымать в порядке индивидуального воста.

Т.И.Славко
Екатеринбург

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ЛИШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В 20 - 30-е гг.

Становление и упрочение советской социалистической системы с первых дней ее существования было непосредственно связано с целым комплексом насильственных, репрессивных мер. В 20 - 30-е гг. нашего столетия значительная часть населения страны была лишена избирательных прав. К лишенцам относились монахи и духовные служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков; лица, занимающиеся торговлей в период НЭПа; крестьяне из числа раскулаченных; служащие и агенты бывшей полиции, а также особого корпуса жандармов и охранного отделения; все,

кто прямо или косвенно руководил деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов, а также участвовал в контрреволюционной деятельности против советской власти.

В отечественной историографии вопросы изучения механизма лишения трудящихся избирательных прав, социального портрета лишенцев, а также последствий насильственной политики государства в отношении огромной массы людей до недавнего времени затрагивались лишь косвенно. Исследование же идеологического обеспечения процесса лишения только начинается.

Создание специализированного банка данных о лишенцах дает возможность рассмотреть вопрос о механизме действия законодательства в процессе лишения избирательных прав, о попытках граждан оправдать себя перед обществом, об отношении населения к лицам, лишенным избирательных прав, о формировании в сознании людей образа врага.

Вопрос о лишении избирательных прав как мере социального давления на так называемых врагов новой власти был поставлен с первых лет существования Советского государства. В Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г., впервые были определены категории граждан, которые не могли избирать или быть избранными. В 1919 г. В.И. Ленин в "Проекте Программы РКП(б)" дал разъяснение и обоснование данного процесса, касающегося только эксплуататоров, пытающихся сохранить капиталистические отношения в стране.

Формирование образа врага в сознании советских людей с единственной целью — исключить любую оппозицию и не только удержаться у власти, но и существенно упрочить ее, шло в различных направлениях. В этом случае необходимо признать исключительно продуманную политику идеологического воздействия на психологию людей, когда большинство лишенцев, попавших в ряд "врагов народа", отстаивали свою невиновность и преданность советской власти, по отношению же к остальным признавали справедливость вынесенного приговора.

26 ноября 1926 г. был принят Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета "Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов", вторая и третья главы которого были отведены вопросам,

связанным с лишением избирательных прав и восстановлением в них. Вслед за этим процесс лишения приобретает наиболее массовый характер, наблюдающийся до середины 30-х гг. По отношению к каждой из категорий лишенцев он происходил с различной степенью интенсивности, активизируясь в период предвыборных кампаний. Постоянно издавались подзаконные акты, разъясняющие систему соответствующих действий на местах.

Любое невыполнение директив вышестоящих органов рассматривалось как срыв "мероприятий классовой борьбы". Поэтому "виновных" из числа организаторов было крайне мало, а в нередки случаи спускаемую сверху численность "врагов" советской власти попадали невинные люди не только с точки зрения политической оценки, но и экономического, и социального положения в обществе, не говоря уже о моральной стороне.

В результате лишенец и его семья фактически исключались из общества как полноправные граждане и лишались даже тех минимальных прав и благ, которые оно ему предоставляло.

Согласно Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г., репрессивный акт в виде лишения избирательных прав был упразднен по отношению ко всем гражданам, независимо от их социальных различий, в том числе имущественного положения и прошлой деятельности.

Е. А. Смирнова
Екатеринбург

СОСТАВ ДОКУМЕНТОВ ФОНДА АРХИВНО-СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Хранящиеся в ГААО СО дела, составляющие фонд архивно-следственных дел, разнообразны по содержанию и составу документов. Вместе с тем есть и общие черты, присущие если не всем делам, то большинству из них. Исходя из этого, все дела архивно-следственного фонда можно классифицировать по нескольким признакам:

1. По предъявленному обвинению: контрреволюционная агитация; вредительская деятельность; член семьи врага народа или "знал, но не донес"; шпионаж в пользу какой-либо страны.

(При предъявлении обвинения в шпионаже обычно основывались на фактах из биографии арестованного: место рождения, работы, пребывание за границей).

2. По социальному происхождению: бывшие зажиточные крестьяне, впоследствии раскулаченные и высланные на Урал; бывшие белые офицеры; инженерно-технические работники; творческая и научная интеллигенция.
3. По национальной принадлежности: евреи, польские перебежчики, жители Прибалтийских республик.
4. По вероисповеданию (в ГААО СО хранятся следственные дела на лиц мусульманского вероисповедания).
5. По профессиональному признаку.
6. По месту работы.
7. По родственному признаку.

Из дел видно, что люди, объединенные следователями НКВД в контрреволюционную организацию по одному из вышеперечисленных признаков, не были даже знакомы друг с другом.

Такова примерная классификация архивно-следственных дел, хранящихся в ГААО СО.

Остав документов в делах в основном типичен: ордер на обыск и арест; протокол обыска; анкета арестованного; протокол допроса обвиняемого; протоколы допроса свидетелей; заключение по делу; приговор, вынесенный тройкой при НКВД; если обвиняемый был приговорен к расстрелу, в деле имеется извещение о приведении приговора в исполнение.

Часто встречаются заявления обвиняемого с "чистосердечным" признанием.

Отдельную группу составляют материалы по реабилитации: документы проверки дела; заключение по делу; протест по делу; определение военного трибунала Уральского военного округа или постановление Верховного областного суда о прекращении производства дела из-за отсутствия состава преступления.

Кроме вышеперечисленных документов, в следственных делах имеются письма родственников с просьбой сообщить о судьбе своих близких. В официальных ответах на такие письма-запросы давалась ложная информация о дате и причине смерти. Например, осужденный был расстрелян в 1937-1938 гг., а семье сообщали,

что умер в лагере от какой-либо болезни (был даже официаль^{но} описок заболеваний) и указывалась другая дата, как правило начало 40-х гг.

Попадают в дела и уникальные документы, например, объяснение бывшего сотрудника УМГБ в 1956 г. о методах ведения следствия. В некоторых из них встречаются вещественные доказательства и личные документы, изъятые при аресте: письма, листовки, результаты графологической экспертизы и т.д. В качестве личных документов при аресте изымались паспорта, различные удостоверения, фотографии, карточки на продовольственные и промышленные товары.

Такова общая характеристика архивно-следственных дел. Она показывает, насколько разнообразен состав документов и широки возможности их использования в исследовательской работе.

А. Б. Суслев
Пермь

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ РКП(б) ПО ОТНОШЕНИЮ К ЭСЕРАМ НА УРАЛЕ В 20-е гг.

После захвата власти в 1917 г. большевики начали широко-масштабную репрессивную кампанию против политических противников. К 1920 г. оппозиционные большевикам партии были в основном разгромлены, а остатки меньшевистских и эсеровских организаций были способны лишь на крайне разрозненное и эпизодическое сопротивление. К применению насильственных мер в политической борьбе социалистическая оппозиция относилась отрицательно. Тем не менее репрессии продолжались.

На Урале, как и по всей стране, местные комитеты РКП(б) развернули борьбу с эсерами, реализуя установки центральных органов. Устраивались многочисленные лекции и доклады, митинги и агитсуды, а также закрытые и открытые партийные собрания, на которых рудялись ся разъяснялась контрреволюционная направленность деятельности эсеров. При праздновании знаменательных дат, по возможности, обращалось внимание на роль эсеров в тех или иных событиях. Весомый вклад был внесен в это и уральской

печать, регулярно публиковавшей разоблачительные материалы.

Наиболее ярким примером дискредитации эсеров следует считать агиткампанию по поводу судебного процесса над лидерами правых эсеров. Еще до начала суда редакциям уральских газет было поручено ежедневно публиковать материалы, разоблачающие их. По подсчетам автора, только за май-июнь 1922 г. "Советская правда" поместила более 30, "Звезда" - более 100, "Уральский рабочий" - около 220 статей, заметок и откликов в связи с процессом. Рабочие и крестьяне Урала на организованных коммунистами митингах и собраниях вынесли сотни резолюций, осуждающих социалистов-революционеров, в подавляющем большинстве которых содержалось требование о вынесении смертного приговора вождям ПСР. В Перми состоялась 12-тысячная демонстрация, требовавшая смертной казни подсудимым. Опыт организации давления на правосудие снизу и оболванивания населения массовыми агиткампаниями, безусловно, пригодился при проведении многотысячных митингов в 30-е гг., на которых также говорилось о вынесении смертных приговоров "врагам народа".

После окончания суда над эсеровскими лидерами директивы коммунистических партийных органов по-прежнему настраивали коммунистов на борьбу с ПСР. "Суметь уже в ходе подготовки беспартийных конференций сорвать маску с эсеров и меньшевиков, рядящихся под беспартийных", - инструктировал ячейки Пермский губком РКП(б) в сентябре 1922 г. В циркуляре агитпропотдела Пермского губкома РКП(б) перед всеми уками ставилась задача окончательной дискредитации эсеров и, в частности, обращалось внимание на то, что "рабочее правительство должно руководствоваться революционной целесообразностью" в борьбе с ними.

Идейной дискредитацией социалистов-революционеров была посвящена и кампания по "самоликвидации" эсеров, организованная комитетами РКП(б) и ГПУ в 1922-1923 гг. В связи со съездом по ликвидации партии эсеров (март, 1923) "Уральский рабочий", "Звезда", "Советская правда" систематически публиковали статьи и заметки, посвященные развалу партии эсеров, а также письма бывших членов этой партии с заявлениями о разрыве с ней. Этому поводу были посвящены многочисленные митинги и собрания.

Поводом для последней крупной агиткампании, дискредитирующей данную партию, стал судебный процесс над одним из ее лидеров Б.Савинковым осенью 1924 г.

В результате агиткампаний партия эсеров потеряла остатки популярности в глазах масс, что позволило провести целый ряд мероприятий по организационному вытеснению социалистов-революционеров из Советов, кооперативов, профсоюзов, а также арестовать, выслать или уволить с работы тех, кто проводил какую-либо оппозиционную деятельность или хотя бы подозревался в ней.

Н.Н. Тагильцева
Екатеринбург

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ЧЛЕНОВ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ УРАЛА В КОНЦЕ 20-х - 30-е гг.

Один из первых ударов тоталитарного государства был направлен по краеведам, представлявшим к концу 1920-х гг. значительный отряд российской интеллигенции. Краеведческие общества по всей стране с конца 20-х гг. подверглись идеологическим, политическим и административным методам давления.

Краеведы обвинялись в идеализации буржуазно-помещичьего строя, "идеалистическом мракобесии, пропаганде религии", "явно контрреволюционной трактовке исторического материала". Общеполитическая ситуация в стране оказала влияние и на краеведческое движение Урала, традиционно игравшее значительную роль в общественной, культурной и научной жизни региона.

Нам не удалось обнаружить на Урале массовых репрессий против краеведов, подобных "делу краеведов" Центрального Черноземья, сфальсифицированному по указу свыше воронежскими чекистами (свыше 100 членов краеведческих обществ были приговорены к высшей мере наказания и различным срокам заключения и ссылки). Но и здесь отдельные краеведы, происходившие из среды старой интеллигенции, духовенства и купечества, подверглись в конце 20-х - начале 30-х гг. арестам, были отлучены от любого дела и вынуждены заняться поисками нового места работы. Из уральцев по "делу" академика С.Ф. Платонова арестовали крупного ученого и краеведа М.О. Клера.

Ничем не мотивированному аресту подвергся еще в июне 1927 г. крупнейший уральский краевед В.П. Биряков, прозванный А.Е.

Ферсманом "героем краеведения". Хотя его, арестованного, вероятно, как выходящего из ореды духовенства, скоро выпустили, это событие надолго выбило ученого из привычной трудовой колеи.

Одним из сигналов гонений на краеведов по всей стране послужила опубликованная в апреле 1929 г. в "Комсомольской правде" статья начальника Главнауки М. Лядова, в которой он заявил, что "почти вся сеть краеведческих музеев, почти вся сеть краеведческих обществ находится в чуждых, враждебных руках".

Но еще за неделю до публикации в "Комсомольской правде" в областной газете "Уральский рабочий" появилась статья "О несправедливых историках и служебной роли краеведения", громившая приверженцев гуманитарного краеведения на Урале. Мишенью для нападок был избран Кружок по изучению Северного края при Пермском университете во главе с выдающимся исследователем уральского фольклора профессором П. С. Богословским. Автор заметки требовал от краеведческого центра региона - Уральского областного бюро краеведения "превратить краеведение в оружие классово-борьбы пролетариата", "очистить общества и музеи от жес-специалистов", но руководство Уральского областного бюро не приняло участия в травле краеведов. Возможно, именно благодаря такой позиции уральские краеведы в начале 30-х гг. пострадали меньше, чем члены краеведческих организаций других регионов.

С начала 30-х гг. Центральное бюро краеведения вело борьбу как с правооппортунистическими установками в краеведческой работе, выражавшимися в так называемом академическом уклоне, с "левацкими загибами", полностью отрицавшими гуманитарное краеведение. Правый уклон, конечно, считался наиболее опасным.

Характерным для первой половины 30-х гг. является "дело" одного из ведущих краеведов Урала А. Н. Словова - руководителя Тагильского общества изучения местного края, директора краеведческого музея, открывшего знаменитую "Тагильскую мадонну", приписываемую кисти Рафаэля. После ряда критических статей в прессе А. Н. Словова был арестован и приговорен к восьми годам лишения свободы как создатель и руководитель антисоветской группировки в музее.

В 1937 г. указом Совнаркома краеведческие организации были ликвидированы по всей стране. После ликвидации краеведчес-

ких обществ на Урале были репрессированы и погибли бессменный председатель Уральского областного бюро краеведения Я.А.Истомин; активный член бюро Б.В.Дидковский; первый директор Свердловского ботанического сада Академии наук А.С.Лебедев; известный фольклорист Н.Е.Ончуков; представитель краеведческой династии этнограф и археолог А.Ф.Теплоухов; многие члены краеведческого кружка при Челябинском музее. Два года провел в тюрьме руководитель Березниковского музея И.Ф.Коновалов, на пять лет был сослан в Колымские лагеря выдающийся уральский фенолог В.А.Батманов.

Аресты и гибель краеведов, носителей традиций, на долгие годы подорвали отечественное краеведение, нанесли непоправимый удар науке и культуре Урала.

И.В.Темникова
Екатеринбург

ДОКУМЕНТЫ ГАСО ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ НА УРАЛЕ

В Госархиве Свердловской области имеется значительный комплекс документов по истории политических репрессий на Урале. Это документы за 1917-1936 гг. Фонды, содержащие сведения по данной теме, можно разделить на следующие группы.

1. Фонды "Екатеринбургский губернский военно-революционный трибунал" и "Екатеринбургская следственная комиссия ревтрибунала".² Документы за 1917-1924 гг. Военно-революционные трибуналы были созданы для борьбы с контрреволюцией. Поэтому в фондах сконцентрированы документы, связанные с осуждением граждан за преступления против советской власти, т.е. за политические преступления.

2. Фонды органов исполнительной власти содержат сведения о массовых политических репрессиях 20-30-х гг. К этой группе относятся несколько категорий документов.

2.1. Решения областной избирательной комиссии о восстановлении в избирательных правах, Переписки, жалобы лишенцев. Списки лишенных избирательных прав (1928-1936). Эти документы сохранились в оп. 9,13,21 фонда "Исполком Свердловского областного совета народных депутатов" и в оп.3 фонда "Свердловский горисполком".

2.2. Самую многочисленную группу документов составляют личные дела лишенных избирательных прав. Такие документы имеются в фондах "Свердловский облисполком", оп. 6,7,8. При изучении личных дел лишенцев выделены следующие категории: крестьяне и члены их семей; торговцы, кустари, владельцы домов и т.п.; лица, связанные с религией; участники контрреволюционных и белогвардейских организаций; служащие государственных учреждений, органов правопорядка до и после Октябрьской революции; другие категории лишенцев.

2.3. Личные дела раскулаченных и "твердозаданцев" имеются в фонде "Свердловский облисполком", оп. 10,11,12,13,22, "Асбестовский горисполком", "Шалинский райисполком", "Нижнесергинский райисполком".

3. Особую группу документов составляет фонд "Екатеринбургский отдел управления губернией". Здесь находятся инструкции, отчеты, доклады о работе подотдела прилюдительных работ, сведения о состоянии и деятельности концентрационных лагерей, списки заключенных концлагеря № 2.

Интересны списки "чуждых" элементов: контрреволюционеров, бежавших с Колчаком, бывших полицейских, жандармов, городских Камышловского, Шадринского, Верхотурского уездов, анкеты лиц, вернувшихся из районов, занятых армией Колчака.

4. В фондах судебных органов имеются судебные дела по обвинению граждан в антисоветской агитации, неподчинении советской власти, саботаже, оскорблении коммунистов, срыве посевной кампании, дискредитации советской власти, контрреволюции, агитации против РКП.

5. Инструкции, постановления НК РКП по проверке и чистке советского аппарата отложились в фонде "Уральская областная контрольная комиссия ВКП(б) - областной отдел рабоче-крестьянской инспекции". Кроме того, интересны следующие документы этого фонда: докладная записка председателя областной комиссии по чистке аппарата о результатах чистки по Уральской области за апрель-август 1931 г.; сводка Свердловского окружного отдела РКП о работе по чистке аппарата по Свердловску за апрель-декабрь 1928 г., протоколы окружных комиссий по чистке и рассмотрению апелляции "вычищенных", сведения о количестве подтвержденных чистке по округам.

Все перечисленные фонды были рассекречены в последние годы.

В. И. Хаустов
Москва

РЕПРЕССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х гг.

Массовые репрессии 1937-1938 гг. явились закономерным продолжением предшествующей практики использования насильственных методов для решения политических и экономических задач в ходе коренного переустройства советского общества. Эти методы были успешно апробированы партийными, советскими, карательными органами и армией в процессе коллективизации. В 1929 г. принимается секретное постановление СНК СССР об использовании труда заключенных как для освоения природных богатств Сибири и Дальнего Востока, так и для промышленного строительства в указанных регионах страны. Реализация этого решения возлагается на ОГПУ. В советской системе государственного управления во второй половине 30-х гг. одно из ключевых мест принадлежит карательным органам. Значительные преобразования, направленные на создание мощного независимого государства, постоянно сопровождались то мягкими, но чаще жесткими методами государственного принуждения, которое превратилось в 1937-1938 гг. в политику геноцида по отношению к своему народу.

Причины этого явления видятся в том, что идеологи. и практика деятельности правящей большевистской партии во времена гражданской войны не претерпела существенных изменений в условиях гражданского мира. Преследования по классовым, партийным и социальным признакам в стране стали обычным явлением. Бывшие помещики и промышленники, офицеры царской армии и участники белого движения, купцы, торговцы, по отношению к которым утвердился термин "бывшие люди", подвергались необоснованным репрессиям на протяжении 20-30-х гг. Бывшие члены различных партий, участники оппозиционных внутрипартийных группировок преследовались вплоть до начала 50-х гг. Эти слои общества объявлялись "врагами, агентурой иностранных разведок".

Высшее руководство партии, отвергая демократический принцип разделения властей, постепенно установило полный контроль над всеми органами государственной власти и управления. Например, в феврале 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о том, что ни один вопрос, касающийся деятельности ГПУ, не должен поступать на разрешение Президиума ВЦИКа без предварительного согласования с Политбюро.

Укрепление в середине 30-х гг. тоталитарного режима правления после нескольких стадий борьбы за власть, когда узкий круг ближайших соратников Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина определял внешнюю и внутреннюю политику страны, обусловил и массовые репрессии.

Нельзя отрицать, что в это время усилилась реальная угроза безопасности государства. Происходил дальнейший рост военной мощи фашистской Германии, которая заключила соглашение с Польшей. Не прекращались агрессивные военные действия Японии в Китае у самых границ СССР. Антикоминтерновский пакт, заключенный между Германией и Японией, был также направлен против нашей страны.

Подготовка к вероятной войне определяла форсированные темпы развития как всей промышленности, так и оборонной. Завышенные планы не выполнялись. Мощным "стимулятором" стали репрессии. Одновременно на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), где принимались все решения о репрессировании бывших кулаков, лиц польской, немецкой национальностей, харбинцев и других, подчеркивалась задача "очистки" страны от так называемых контрреволюционных элементов. Из общего количества арестованных НКВД СССР за 1937-1938 гг. - 1 574 000 человек (расстреляны 681 000 человек) - социально-чуждые - бывшие кулаки, "бывшие люди", служители религиозного культа и лица без определенных занятий составляли 979 793 человека, служащие - более 270 000, рабочие и колхозники - более 195 000 человек. Установки Политбюро ЦК ВКП(б) воплощались в конкретные оперативные приказы НКВД СССР, которые также утверждались в высшем органе партии, включая так называемые лимиты на репрессирование и сроки проведения массовых операций. Исполнителями этих чудовищных приказов на местах являлись областные управления НКВД, тесно взаимодействовавшие с руководством областных парторганизаций и прокурорами.

Для проведения подобных операций необходимы были соответствующие кадры. В течение 1934-1937 гг. Сталин дает наркомам внутренних дел конкретные установки об ужесточении деятельности управлений государственной безопасности. В 1934 г. после проверки была признана неудовлетворительной работа начальника Свердловского областного управления НКВД И.Ф. Решетова (арестован 8 июня 1937 г., расстрелян 30 октября 1937 г., реабилитирован посмертно 10 августа 1957 г.). Новый начальник управления Дмитриев послушно исполнял все установки центра. Из-за карьеры таких побуждений давал конкретные указания о фальсификации дел, был переведен на другую работу в центральный аппарат, затем также арестован и расстрелян.

О том, что политика массовых репрессий была результатом преступных действий Политбюро ЦК ВКП(б) убедительно свидетельствует статистика: если в 1936 г. в Свердловской области были арестованы 2 428 человек (часть дел, безусловно, сфальсифицирована), то в 1937 г. - 28 724 человека, а в 1938 г. - 17 016. Для сравнения в 1939 г. органами государственной безопасности в Свердловске и области арестованы 392 человека.

В ноябре 1938 г. так называемые массовые операции были прекращены.

И. Л. Шакина
Екатеринбург

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ИЗ КРЫМА В ПОСЕЛКЕ БУЛАНАН СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В начале Великой Отечественной войны была ликвидирована республика немцев Поволжья, затем в конце войны - несколько северо-кавказских республик и республика Крым. Население высылается в районы Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии.

При этом репрессиям подверглись не только жители коренных национальностей этих республик, но и все население, проживавшее на их территории, в том числе и русские.

До войны город Артемовский, как и весь Егоршинский район, не ощущал дефицита рабочих кадров. Промышленность района: три небольшие каменно-угольные шахты, маленький радиозавод и же-

лезнодорожный узел были обеспечены рабочей силой за счет населения района. Многие крестьяне (в том числе и члены колхозов), работали летом в сельском хозяйстве, а зимой трудились на шахтах. Угледобыча поэтому шла неравномерно, увеличиваясь зимой, когда была выше потребность в угле.

В 1941-1942 гг. в город прибыли эшелоны эвакуированными предприятиями из западных районов страны. Часть трудящихся приехала вместе с заводами. Дефицит рабочей силы ликвидировался за счет массового применения женского труда (в том числе на тяжелых работах и в шахтах), трудармейцев. В конце 1944 г. прибывший вместе с заводами персонал в большинстве был направлен обратно, а заводы укомплектовывались мобилизованной из колхозов молодежью и выпускниками школ Госпрофобра (часть контингента направлялась через военкоматы).

В это же время в урочище Буланаш, близ города, разворачивалось на вновь открытом угольном месторождении строительство шахт. Туда и был направлен эшелон со спецпереселенцами, выселенными из Крыма.

Прибывшие работали на строительстве трех угольных шахт и добыче угля на первой буланашской шахте № 1-2, сданной в 1943 г., а также на строительстве жилого поселка городского типа.

Среди прибывших не было крымских татар, которые направлялись в среднеазиатские республики. По национальному составу подавляющее большинство составляли греки и болгары, по социальному положению - рабочие, служащие, крестьяне. Был даже бывший секретарь райкома комсомола. Все они использовались сначала только в качестве рабочих.

Для контроля за соблюдением административного режима создается комендатура. Размещались люди в основном в бараках, по мере строительства поселка многие получали квартиры в новых домах. К 1946 г. комендатура была ликвидирована.

Значительная часть прибывших (почти все) не возвратилась в Крым, а продолжали жить на Буланаше или поселились в Артемовском.

Н. П. Шмакова
Челябинск

К ВОПРОСУ О СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦАХ НА УРАЛЕ В 30-е гг.

В фонде Челябинского государственного архива "Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний УНКВД СССР по Уралу Челябинской области" содержатся материалы, раскрывающие одну из страниц Уральского ГУЛАГа: "Отчет о работе отдела по спецпереселенцам по Уралу за 1933 г.", "Доклад о состоянии работы по освоению трудпоселенцев в Челябинской области за 1934 г." "Стенограмма IV слета стахановцев-трудпоселенцев Копейского угольного бассейна от 30 октября 1935 г." и др.

Документы дают представление о количестве и географии спецпереселенцев. Так, в 1933 г. их было на Урале 305 952 человека (86 622 семьи), в Челябинской области на 1 января 1935 г. - 52 256 человек (14 532 семьи). На Южном Урале среди спецпереселенцев оказались жители Ивановской области, Центрально-промышленного района, Украины и Урала. Они были расселены в 9 районах и 34 трудпоселках: Магнитогорский (ММК) - 24 104 человека, Мишьярский (Востокосталь) - 1 121, Саткинский (Магнезит, Бакальские руды, Востокруда) - 1 373, Копейский (Челябуголь) 10 776, Карабашский - 2 790, Камышловский - 1 421, остальные - Златоустовский, Каменский и Кыштымский районы.

В отчетах на имя начальника Главного управления лагерями ОГПУ М. Бермана есть сведения о быте спецпереселенцев. Средняя обеспеченность жилплощадью составляла по области 1,8 - 1,03 м² на человека, по Челябинуглю - до 0,76, на ММК - до 0,6 м². В основном жили в бараках и землянках. "Кулака выселяли не для того, чтобы строить бельэтажи", - обобщалось в записке одного из руководителей.

Крайне тяжелым было положение и со снабжением. Существовало три продовольственных списка: особый, № 2 и № 3. По особому списку рабочий получал в месяц 16 кг муки, 2 кг крупы и 1 кг сахара (иждивенец соответственно - 8; 0,5; 0,8 кг); по списку № 3 - 8 кг муки, 0,4 кг крупы (иждивенец - 4 и 0,2 кг); сахар здесь не предусматривался. Только по особому списку и только работающему полагалось еще 0,4 кг животного масла; 1,2 кг мар-

Гарина; 1 кг мяса; 0,8 селедки. В лесной промышленности паек нередко составлял всего лишь 5 кг хлеба в месяц, в то время как вольнонаемный рабочий получал 24 кг муки. Если же спецпереселенец не выполнял норму, ему выдавалось только 70 граммов хлеба в сутки.

Тяжелые жилищные условия, плохое питание, истощение, отсутствие обуви, эпидемии тифа, оспы, цинга приводили к массовым побегам и высокой смертности. В 1932 г. по Уралу числились в бегах более 20 % переселенцев, смертность составляла 59,7 % на расчете на 1 тыс. человек, а за 10 месяцев 1933 г. она возросла в 2 раза.

Главная цель спецпоселений, как отмечалось в отчетах, — трудовое перевоспитание переселенцев и создание из них основных кадров рабочей силы для промышленности. Принудительный труд широко использовался на Урале, в 1933 г. "спецработила" составляла здесь 60 %. Переселенцы работали, как правило, отдельно от вольнонаемных. Для их труда были характерны увеличенные нормы выработки, необеспеченность инструментами, отсутствие сплodeжды, обшчеты и перебои в снабжении и т.д. Несмотря на это, именно они стали основным источником дешевой рабочей силы, обеспечивая высокие темпы индустриального развития Урала.

Так, по Челябингу в 1934 г. было 6 165 трудоспособных переселенцев. В 1931 г. программа по добыче угля была выполнена ими на 74,3 %, а в 1934 г. — на 110 %, при этом более 1/2 бригад перевыполнили норму в 1,5 — 2 раза. Здесь же трудился один из первых стахановцев на Урале — Башляев. На ММК в 1934 г. на 42 объектах работало 640 бригад из поселенцев (11 551 человек, ударники среди них составляли 63 %, а план 1934 г. выполнен на 113 %).

В рапорте по Челябинской области отмечалось, что задача подготовки квалифицированных кадров на 1 января 1935 г. успешно решена: 24 486 человек получили специальности, в том числе в горнорудной промышленности — 2 696 человек, угольной — 4 284, строительной — 16 821, лесозаготовительной — 685.

Материалы дают представление о политико-массовой работе со спецпереселенцами. В 1934 г. в Челябинской области было 29 клубов, 60 библиотек, 47 красных уголков, 60 стенгазет, 28 куль-

турно-молодежных общежитий. Проводились политбеседы, работали драмкружки, велась ликвидация неграмотности. Школы спецчасти занимались коммунистическим воспитанием детей трудпоселенцев, вели борьбу за "отрыв этих детей из-под влияния родителей".

О результатах этой работы ярче всего говорят письма самих спецпереселенцев. "Если наши отцы - враги Советской власти, и поэтому нас не принимают в пионеры - мы уйдем от отцов, дайте нам общежития!" (образцовая магнитогорская школа № 48). "Нужды мы не видим, часто говорим: спасибо, что нас сослали - живем без заботы" (Магнитогорск, Далев, трудпоселенец). "Я работаю забойщиком, теперь уже прикип к шахте, так что мне ехать некуда, да и лучше не найдешь" (А.В.Катаев, Кшигымская ссылка, Первомайский рудник).

Документы ГУЛАГа наглядно свидетельствуют о трагическом противоречии 30-х гг.: подлинный энтузиазм строителей Магнитки, Уралмаша, ЧТЗ и - труд подневольных переселенцев и заключенных; искренняя восторженность новой жизнью, породившей иллюзорное чувство хозяина страны, и - слепое поклонение мнимым идеалам.

С.В.Яров
Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РАБОЧИХ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1921 - 1923 гг.: МЕХАНИЗМ УНИФИКАЦИИ

Унификация политических представлений рабочих в Советской России в 1921-1923 гг. - сложный и многогранный процесс. Он едва ли может быть объяснен только административными факторами. Лишь рассмотрев совокупность множества причин - экономических, психологических и идеологических, мы можем приблизиться к пониманию этого примечательного явления.

Разумеется, нет оснований отвергать значимость административного насилия как элемента насаждения идеологического единства в стране. Ликвидация оппозиционных партийных структур, в первую очередь ПСР и РСДРП(л), в тесной связи с объединением цензурных ведомств и введением Главлита в 1922 г. резко ограничили проникновение в рабочую среду неофициальной альтернативной инфор-

мации. Изгнание инакомыслящих с фабрик и заводов, облегченное "неповской" безработицей, их аресты и высылка непосредственно связаны с установлением "низового" контроля за политическим поведением рабочих. Если ранее, в 1918-1920 гг., из-за различных мобилизаций большевиков низовые партийные ячейки на многих предприятиях распались, то после прекращения войны была начата шумная кампания по "перевоске коммунистов к станкам". "Верхний" контроль за рабочими, осуществляемый органами ВЧК, "красной" администрацией и профсоюзной верхушкой, совпал, таким образом, с "низовым" контролем коммунистов у станков. Это способствовало более быстрому выявлению и устранению рабочих-оппозиционеров.

Экономическая стабилизация первых лет НЭПа также заметно поубавила число несогласных с новыми властями. При этом следует особо подчеркнуть, что антиправительственные настроения пролетариев имели в то время по преимуществу не политико-культурные, а "материальные" причины. Сказалась и начавшаяся консолидация рабочего класса, упрочение производственных групп, чей распад был очевидным в конце войны. Определяемые политическими структурами государства способы идеологического функционирования трудовых коллективов оказывали немалое влияние на сознание их отдельных членов.

Резко сократилось и число забастовок - отчасти ввиду усиления репрессий, а также вследствие относительного улучшения благосостояния рабочих. Тем самым были существенно ограничены возможности политизации массового недовольства, которая обнаруживалась во время длительных стачек.

Важным условием идеологической унификации 1921-1923 гг. было создание целостной системы аргументов, объясняющих неповские политико-экономические новации. Неповская практика, весьма отличная от того, что предлагалось коммунистическими доктринами, потребовала модификации ряда основополагающих идеологических постулатов. Следует, однако, заметить, что в данном случае не затрагивалось ядро ортодоксальных догм, им просто придавалось новое обличье.

Здесь отмечены только некоторые элементы унификации политических представлений рабочих в начале 20-х гг. Выявить среди

них главные и второстепенные крайне сложно — лишь в своей совокупности и неразрывности они обеспечивали достижение конечного результата.

С. А. Жакишева
Алматы

ЭКСПРОПРИАЦИЯ БАЙСКИХ ХОЗЯЙСТВ КАК ПРОЛОГ "КАЗАХСТАНСКОЙ ТРАГЕДИИ"

Проведение в жизнь новой экономической политики в Казахстане, как по всей стране, придало значительный импульс росту и экономическому усилению так называемых кулацких и байских хозяйств, что стимулировало восстановление экономики аула и деревни в целом. В казахском ауле наметился процесс осереднячивания, резкого сокращения числа хозяйств, не имеющих скота, существенно видоизменился традиционный статус родовых и вульных лидеров. "Белая кость" (представители родовой аристократии) стала уступать инициативу более предприимчивым и трудолюбивым членам казахской общины вне зависимости от происхождения. Удельный вес зажиточных хозяйств, имевших более 50 голов скота, возрос с 0,2 до 1,3 % от всех крестьянских хозяйств, что, с точки зрения воспроизводства, предполагало возрождение в Степи после падежа скота от жухта в 1920/21 г. и голодных 1921-1922 гг. скотопромышленной отрасли, восстановление в полном объеме животноводческого сектора края, причем по более передовой технологии фуражного откорма. В этой связи НЭП в республике следует рассматривать не столько как отступление от "социалистического курса", который еще не затронул экономику аула, сколько в плане высвобождения хозяйственного предпринимательства и начала рыночных отношений.

Безусловно, рост экономически самостоятельной группы крестьянства придал чрезвычайную актуальность проблемам социального расслоения в ауле и деревне, так как НЭП не решил быстрыми темпами проблемы социальной защиты сельского населения республики. Вместо поисков конструктивных выходов в развитии рыночных, товарно-денежных отношений, различных форм собственности, интенсивного скотоводства, практического материально-технического обеспече-

печения батрацко-середняцких хозяйств, регулирования финансово-кредитной политики, земельного и трудового законодательства выбор был остановлен на опробованном ранее насильственным перераспределении земли и скота. Эта идея достаточно откровенно была выражена в одной из сакраментальных фраз первого секретаря Казкрайкома Ф. Голощекина: "Положение бай сейчас неплохое, надо сделать, чтобы он чувствовал себя хуже; когда бай почувствует себя хуже, это значит бедняцкая масса почувствует себя хорошо".

Политика коллективизации представлялась как средство получения дополнительного урожая и увеличения валютных средств для финансирования скорейшей индустриализации за счет экспорта хлеба. Для достижения этой задачи руководство страны наметило два пути: 1) изъятие зажиточных хозяйств из аграрного сектора; 2) экстенсивное расширение посевных площадей. Первое становилось возможным по мере уничтожения частной собственности и перевода индивидуальных хозяйств в колхозы и совхозы, а второе — за счет обращения к земельным просторам Сибири и Казахстана.

В процессе применения чрезвычайных мер в отношении к богатым и зажиточным хозяйствам были осуществлены в 1928 г. принудительное изъятие средств и орудий производства у 696 "особо опасных", "особо крупных", так называемых баев-полудеядалов, и выселение их с мест постоянного проживания из пределов округов и вне республики, в том числе и бывших волостных управителей, потомков ханских и султанских родов, религиозных священнослужителей; обладавших огромным авторитетом у казахского аульного населения. Следует отметить, что практический отбор хозяйств, подлежащих этой мере, осуществлялся в большей степени по качественным, социальным критериям, нежели по количественным, имущественным.

С проведением широкомасштабной репрессивной акции в отношении байства и атакманства была достигнута цель подрыва политического влияния самой образованной верхушки традиционного казахского общества, а сами объекты этой волюнтаристской кампании были обречены на физическое вымирание в ходе высылки в осенне-зимний период года. Вместе с тем не была решена проблема обеспечения скотом бедняцко-батрацких хозяйств, которого не хватало на всех. Наряду с байскими конфискации подверглись и середняц-

кие хозяйства, накопившие скот в период нэпа. Нарушенное равновесие в традиционной структуре казахского общества, где зажиточные, средние и мелкие хозяйства занимали отведенную им в ходе кочевнической эволюции производственную нишу, положило начало коренной ломке устоявшегося уклада народа, вконец коллективизацией привело к массовому голоду и откочевкам за границу.

В.А. Дуравлева
Златоуст

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ УРАЛА В 30-е гг.

Для более полного понимания феномена тоталитаризма необходимо выявить закономерности и специфику народонаселения в условиях административно-командной системы, определить демографические последствия сталинизма, обесценившего человеческую жизнь и приведшего к многочисленным жертвам. На Урале данная проблема не получила достаточно полного освещения.

Форсированная индустриализация Уральского региона, развернувшаяся в 20-30-е гг. в связи с созданием на Востоке страны второй угольно-металлургической базы, строительство новых предприятий вызвали огромный рост численности городского населения: за первую пятилетку число жителей городов Урала увеличилось в 2 раза, тогда как в среднем по стране — в 1,5. Темпы роста численности горожан были значительно выше, чем всего населения, что привело к увеличению доли первых с 20,8 до 40,0 %. Цифры по Уралу значительно превышали общесоюзные показатели: удельный вес горожан СССР за 1928-1932 гг. вырос с 17,9 до 24,0 %.

Увеличение численности населения края происходило за счет естественного и механического прироста. Для региона в 20-е гг. был характерен поиндустриальный тип естественного движения населения: высокая рождаемость и высокая смертность. Но глубочайшие социально-экономические процессы, происходившие в стране в период индустриализации, оказали негативное влияние на естественное движение горожан. Нехватка продовольствия, нормированное распределение продуктов, слабое развитие здравоохранения, тяже-

дые бытовые условия привели к резкому снижению рождаемости и повышению смертности. Особенно тяжелое положение с естественным ростом населения сложилось в 1933 г. Вследствие голода 1932-1933 гг. впервые в 20-30-е гг. количество умерших в регионе было выше, чем родившихся. Если в 1928 г. прирост населения по городам Урала составил 24,4 человека на тысячу населения, то в 1933 г. убыль горожан - 6,9 человека на тысячу населения. Наиболее сложной демографической ситуацией была на новостройках края. В основном умирали мужчины трудоспособного возраста. В структуре причин смертности особое место занимали факторы экзогенной этиологии: туберкулез, острые инфекции, болезни органов дыхания. Увеличился и удельный вес заболеваний эндогенного происхождения: злокачественных опухолей, сердечно-сосудистых заболеваний.

Крайняя напряженность демографической сферы вынудила партийно-хозяйственные органы принять решительные меры для увеличения естественного прироста горожан: улучшилось снабжение населения продовольствием, более быстрыми темпами стало осуществляться жилищно-коммунальное строительство, увеличились средства на развитие медицины. Важным фактором увеличения интенсивности деторождения стало принятие в 1936 г. постановления ЦИК и СНК СССР "О запрещении абортов, материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усиления уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах". В 1937 г. в уральских городах родилось в 1,5 раза больше младенцев, чем в 1935 г.

Во второй половине 30-х гг. на уровень смертности населения повлияли развернувшиеся в стране и в регионе репрессии. Даже в 1940 г., когда пик репрессий миновал, на 1 тысячу населения умерли в Пермской области 32,1 человека, в Челябинской - до 23 человек, тогда как в целом по Уральской области в неблагоприятном демографическом отношении 1933 г. умерли 18,5 человека.

Вследствие принятых мер естественный прирост горожан во второй половине 30-х гг. вновь стал положительным, составив в Свердловской области в 1936 г. 11,1 человека на 1 тысячу населения, в Челябинской области в 1939 г. - 19,6.

Наиболее значительным механический прирост горожан был в первой пятилетке. Основным источником роста городского населения Урала была деревня. Из нее в 1932 г. прибыло 66 % населения, в то время как из городов страны - 22,9 %. Бурному оттоку крестьян на промышленные предприятия способствовала раздвигавшаяся в стране насильственная коллективизация. Подобное положение сохранилось и во второй пятилетке. Быстрое увеличение горожан обострило до предела жилищную проблему. В целях ограничения роста городов, особенно крупных, при отсутствии эффективного экономического механизма авторитарный режим прибегнул к административным мерам: в 1932 г. в городах была введена паспортная система, а в марте 1933 г. постановлением ЦИК и СНК СССР "О порядке отходничества из колхозов" была резко ограничена возможность стихийной миграции из села в город. К концу 30-х гг. вновь увеличивается завоз рабочей силы извне, что связано с массовыми репрессиями 1936-1938 гг.

В целом к началу 40-х гг. значительно увеличилась доля городского населения в общем числе жителей Урала - в среднем удельный вес горожан в 1939 г. составил 40,9 %, что было больше общесоюзного показателя (32,8 %).

В. М. Кириллов
Нижний Тагил

СПЕЦОТРЯД № 18-74 (СУДЬБА НЕМЦЕВ-ТАГИЛЬЧАН)

Судьба многих советских немцев связана с Уралом и Нижним Тагилом. По переписи 1920 г. во всей Екатеринбургской губернии насчитывалось 866 немцев, а в 1970 г. только в Нижнем Тагиле проживали 4832 немца. По переписи 1989 г. их было здесь 4100, из них примерно 940 - бывшие трудармейцы. По своему происхождению тагильские немцы - это в основном трудармейцы из отряда № 18-74, спецпереселенцы, их родственники и дети. Появление их в городе связано с трагедией этого народа в годы войны.

В лагерь Спецпромстроя НКВД попала почти половина "мобилизованных" военкоматами немцев-трудармейцев. Выделялось четыре крупных концлагеря: в Челябинске (Челябметаллургстрой НКВД),

Краснотурьинские (Базстрой НКВД), Нижнем Тагиле (Тагилстрой-Тагиллаг НКВД) и Ивдельлаг. Немцы в Тагиле попадали в так называемые спецотряды - немецкие части, сформированные военкоматами на территории Алтая, Сибири и Казахстана в начале 1942 г. и позже.

Все спецотряды содержались отдельно от заключенных других национальностей как самостоятельные лагерные единицы. Система охраны, содержания и обращения была такая же, как и в любом другом лагучастке. В районе Нижнего Тагила зимой-весной 1942 г. создали два спецотряда из советских немцев: № 18-74 в городе, № 18-75 в Каменке (в 17 кв от Салки). К осени 1942 - весне 1943 г. спецотряд № 18-75 дотел до грани развала из-за почти поголовной гибели личного состава, поэтому он был слит с отрядом № 18-74. На 15 мая 1943 г. в обоих отрядах насчитывалось 3312 человек. Лагерь, в котором находился отряд № 18-74 имел целый ряд лагучастков, как постоянных, так и сезонных, что было связано с производством треста Тагилстрой, использовавшего немцев как рабочую силу. Немцы выполняли основную работу на ряде подсобных предприятий (кирпичный завод, щебеночный и песчаный карьеры), на лесоповале в Каменке, Винновке, Серебрянке, на авторемонтном заводе, заготовке фурежа и сельхозпродуктов, ряде монтажных работ. Кроме общих работ, на которых было занято большинство советских немцев, они использовались как конструкторы, инженеры-монтажники, трудились в управлении Тагилстроя, в лабораториях. Последнее объясняется тем, что в отряд № 18-74 попало много высококвалифицированных специалистов. Например, при кирпичном заводе и других участках трудились: О.Н. Бадер - палеонтолог, профессор МГУ; П.Э.Рикерт - немец-антифашист, бежавший еще в 1934 г. от Гитлера, химик-минералог, кандидат наук; Б.В.Раушенбах - кандидат математических наук, вице-академик; кандидат физико-математических наук А.Г.Стромберг; известные медики - хирург Т.А.Грасмик, рентгенолог Г.Я.Гейрихсдорф, В.Э.Рунг, В.Р.Зоммер, О.В.Михельсон и др. Не случайно в эти годы по инициативе В.Э.Рунга в лагере возникла "малая академия", где своими знаниями делились выдающиеся ученые.

Хотя первый эшелон советских немцев прибыл 17 февраля 1942 г., приказ начальника Тагиллага об образовании самостоя-

тального лагучастка на кирпичном заводе появился только 7 апреля 1942 г. Весной этого же года из Свердловска, Каменска Уральского в спецотряд № 18-74 прибыло большое число снятых с фронта советских немцев, служивших до этого в Красной Армии и принимавших активное участие в войне. Так, в отряде появилось большое число представителей младшего, среднего и частично высшего командного состава, а также рядовых Красной Армии.

Всего через Тагиллаг прошли 6 - 9 тыс. советских немцев (более точный подсчет пока невозможен) и большая их часть погибла от истощения и непосильного труда. Работа была тяжелейшей, условия - лагерными, питание - скудным.

В 1946 г. немцев переводят из Нижнего Тагила на спецпоселение. Трудовые книжки на них заводят только с 1947 г. До 1956 г. они живут без паспортов и должны все время отмечаться в спецкомендатурах. Никаких наград за каторжный труд во имя Победы им не полагалось. А ведь трудармейцы своими руками возвели многие объекты НТМК, Вагнзавода и других предприятий, причем строили с таким качеством, что они работают и сегодня.

Немцы-тагильчане с середины 1950-х гг. принимают участие в движении за возрождение своего народа. В 1988 г. в Н.Тагиле был основан "Клуб друзей Нойес Лебен". 19 октября 1989 г. преподаватель пединститута - тагильчанин И.И.Кроневальд открыл собрание, на котором был создан нижнетагильский филиал союза "Возрождение". В настоящее время в городе под руководством И.И. Брауна действует культурно-просветительный центр советских немцев. В сентябре 1990 г. в Нижнем Тагиле открыт первый в стране памятник советским немцам - жертвам Тагиллага, а 16 февраля 1992 г. в большом зале городского Дворца культуры 612 ветеранам отряда № 18-74 были вручены награды за доблестный труд в годы войны.

В судьбе немцев-тагильчан отражается судьба всего народа. Трагедия этого честного, трудолюбивого и мужественного народа - часть трагедии России.

Г.Е.Корнилов, О.В.Оболенский
Екатеринбург

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КАДРОВ СРЕДНЕГО УРАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг.

Первая мощная волна репрессий связана с раскулачиванием. В 1929-1933 гг. было сломлено сопротивление крестьянства преобразованиям сельского хозяйства. Крестьянские массы покатылись голодом и террором. Они смирились с новой системой, восприняли ее как неизбежное, приспосабливались к ней. Во второй половине 30-х гг. удар наносится по более образованным, профессионально подготовленным слоям деревни. Репрессии обрушились на партийных, комсомольских, советских работников деревни, сельскую интеллигенцию, руководителей и специалистов МТС, колхозов и совхозов.

К середине 30-х гг. в уральской деревне утвердился колхозно-совхозный строй. Толчком к проведению репрессивных кампаний, в их было три, послужила смена руководящего состава Свердловского обкома ВКП(б). За 1937-1939 гг. пост первого секретаря обкома занимали И.Д.Кабаков, А.Я.Столяр, К.Н.Валухин. После снятия их сразу же следовала смена руководителей земельных органов - областных и районных, менялся руководящий аппарат, а затем - директора МТС, совхозов и руководители колхозов, специалисты сельского хозяйства.

В июне 1938 г. секретарь обкома Валухин на партконференции поставил вопрос: "Почему, разгромив при непосредственной помощи ЦК партии банду Кабакова, вторично допустили крупнейшую политическую ошибку, допустили проникновение в партийное и советское областное руководство вновь врагов народа в лице Стояра и его сподручных?" Объяснение этому находили только одно - слишком много врагов, они многолики, они проникли повсюду.

Для их выявления постоянно проводились проверки "засоренности" аппарата классово-враждебными элементами. В июне 1937 г., после ареста И.Д.Кабакова, в областном земельном управлении были сняты с работы 9 руководителей и 19 районных руководителей сельского хозяйства.

Как показывали результаты проверок, "основной формой контрреволюции была диверсия. А раз так, то врагов следовало выявлять

повсеместно и постоянно. Они – враги организовали антисоветские выступления в Ачитском, Манчажском, Ординском, Березовском, Кишертском районах в 1937 г., которые проходили из-за хлебных затруднений в связи с недородом и вредительской деятельностью торгующих организаций.

Директор Тагильской МТС Т.Н. Долгоруков был объявлен контрреволюционером за высказывание: "Если бы был жив Ленин, то эта свора – Троцкий, Зиновьев, Каменев не смогли бы выступить против партии. Ленин бы всех прибрал к рукам". Разъясняя это высказывание на бюро райкома партии, он подтверждал, что "... хотел этим объяснить, что Троцкий, Зиновьев, Каменев и Сталин – все ученики Ленина и после его смерти делили между собой портфели, то есть боролись за власть".

Комсомолец Вагин, счетовод из колхоза им. Блюхера Первоуральского района, бригадир тракторного отряда Сопачевской МТС Верещагинского района Федосеев были объявлены троцкистами, занимающимися вредительством. В целом неоднократно отмечалось, что среди трактористов области много кулацких и белогвардейских элементов, поскольку большое число поломок тракторов связано с варварским к ним отношением.

Одной из целей репрессий было укрепление культа Сталина, хотя, как показывают документы, верность вождю не служила гарантией от репрессий.

Смена руководящих кадров в районах – заведующих райзо, директоров МТС, председателей колхозов – была постоянной. За 1936 г. – первую половину 1937 г. в районе из работу в село были посланы из городов области 714 человек вместо уволенных, а за июнь – декабрь 1937 г. – еще 260 коммунистов. По нашим подсчетам, аппарат областного и районных земельных органов был за 1937-1939 гг. обновлен на 60%. По данным годовых отчетов, в 1940 42% специалистов МТС имели стаж работы не более 3 лет.

А.Ф. Кузнецов
Екатеринбург

РЕПРЕССИИ НА УРАЛЕ В 20 – 30-е гг. В ЛЕСНЫХ ОТРАСЛЯХ

Сталинизм как одна из разновидностей тоталитарного политического режима явился результатом сложных и закономерных про-

цессов, происходивших в первой половине XX в. как в мировом, так и в отечественной истории. Насилие при этом режиме играло существенную, но не абсолютную роль. Сталинизм отразил объективные черты социальной психологии эпохи, оумел опереться на некоторые свойства общественного сознания.

Хозяйственное освоение лесов Урала с применением насилия в виде принудительного труда имеет давние исторические корни. Что касается исследуемого периода, то в 1920 г. по просьбе главы правительства В.И.Ленина для нормализации работы топливной промышленности Урала сюда была направлена для постоянной работы "по углю и лесу" большая партия пленных белогвардейцев. Поэтому покажется внешне алогичной акция ЦК ВКП(б), потребовавшего в 1933 г. "очистить аппараты лесотрестов Урала от классово чуждых элементов". Только по одному (из 6) тресту "Востоколес" системы Наркомлеса было выявлено 125 таких людей, или более 1/3 всех административно-хозяйственных работников. Их социальный облик выглядел следующим образом: торговцев - 51, священнослужителей - 4, купцов - 2, бывших белых офицеров - 13, раскулаченных - 21, ссыльных - 14; прочих - 20 человек. "Охота за ведьмами" проводилась в то время, когда только по системе Наркомлеса на Урале не хватало в 1933 г. около 300 руководящих хозяйственных работников.

Решение XVI съезда партии о создании на Востоке страны второй основной угольно-металлургической базы предполагало формирование здесь (благодаря ускоренным темпам роста) мощной лесной индустрии. По богатству ресурсов лесного сырья Урал был вторым по значению районом европейской части СССР. Важно отметить, что более 50 % всех лесов Урала находилось в малообжитых, труднодоступных для лесозаготовки северных районах.

Огромные масштабы новостроек, в том числе в лесной промышленности, превратили Урал в главный район кулацкой ссылки. Территории главным образом северных районов края покрылись сотнями спецтрудопоселков. Это были своеобразные концлагеря с нечеловеческими условиями содержания, без права свободного передвижения по территории и каторжным трудом. Все административно-организационное управление по обслуживанию спецпереселенцев возлагалось на Управление лагерей ОПУ (ГУЛаг).

К концу первой пятилетки в крае функционировало 98 леспромов, 19 сплавконтор, построено в основном силами спецпересе-

ленцев свыше 30 крупных лесоперерабатывающих предприятий. По данным И.Е.Плотникова, на сентябрь 1931 г. в леспромхозах Урала находились 272 230 спецпереселенцев. Документы свидетельствуют, что в предвоенные сталинские пятилетки рабочие из спецпереселенцев составляли от 30 до 90 % от общего числа занятых в лесном производстве края.

Были необоснованно репрессированы десятки способных организаторов производства, все управляющие 11 лесотрестов Урала: Г.И.Кислицын, В.Ф.Одиноких, И.М.Хлытин, П.М.Шабайов, П.М.Чернусов, Г.И.Ярцев и др., директора крупнейших лесных и лесоперерабатывающих предприятий: Н.А.Белавин, Л.А.Бутыкин, М.А.Зуйков, М.Г.Кирюшев, В.И.Копылов, Н.В.Костоусов, Н.А.Усов и многие другие крупные специалисты, инженерно-технические и научные работники: Я.И.Горячев, И.И.Дульский, Н.М.Жуляков, И.Н.Кузнецов, В.В.Марцинкевич и др.

Документальные материалы по лесной промышленности опровергают миф о том, что репрессии были направлены против "начальства", интеллигенции вообще. В значительной степени "врагами народа" был сам народ: коновозчики, лесорубы, углегоги, трактористы, бригадиры, десятники, мастера. Социальный состав репрессированных свидетельствует о том, что атмосфера страха планомерно насаждалась во всех слоях профессиональных коллективов отрасли.

Полученный результат неадекватен затраченной цене. Время массовых репрессий сопровождалось явным спадом в развитии лесных отраслей края. Социально-экономический эксперимент по форсированному подъему лесной промышленности Урала на экстенсивной основе с применением антигуманного малопродуктивного принудительного труда обернулся для отрасли современными трудноразрешимыми проблемами.

Т.Л.Меркулова
Екатеринбург

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ БЫВШИХ УЧАСТНИКОВ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ НА УРАЛЕ

В своем исследовании о возникновении, истории существования "архипелага ГУЛАГ" А.И.Солженицын писал, что все 20-е гг.

продолжалось начатое во время гражданской войны "лиматывание" еще уцеловших бывших офицеров и белогвардейцев, которые в военные годы не заслужили расстрела, в том числе и бело-красных, повоевавших и там и здесь, и царско-красных, которые не все время служили в Красной Армии или имели перерывы в службе, не удостоверенные бумагами.

На Урале в ходе избирательных кампаний середины и конца 20-х гг. был осуществлен очередной ход этого процесса. Советская власть и "классово чуждые" этой власти "элементы", в число которых входили и бывшие белогвардейцы, подводили итоги гражданской войны. Победители не жалели побежденных и не забывали о них. К 1926 г., по данным Уральской областной избирательной комиссии, число лишенных избирательного права составило 63 753 человек, из них участников белого движения - 3676. В январе - мае 1927 г. Президиумом Уральской областной избирательной комиссии было рассмотрено 525 ходатайств о восстановлении в избирательных правах, авторами 147 из них были бывшие офицеры и рядовые белогвардейцы. Органы Советской власти, вынося решение о судьбе лишенца, в первую очередь руководствовались классовым подходом, учитывая социальное происхождение и партийную принадлежность лишенца, его участие в междоусобной войне на стороне частей Красной Армии, существенную деятельность и политическое настроение ко времени лишения избирательных прав.

В этом отношении показательно дело В.П.Аргентовского. В декабре 1928 г. он получил извещение о лишении его избирательных прав как бывшего офицера армии Колчака. Ему вменялось в вину, что в июле 1918 г. он был мобилизован в I-ю Сибирскую армию как бывший боевой офицер царской армии. Воевал под Вяткой, был повышен в чине до подпоручика. Перед тем, как попасть в плен красноармейцам, служил преподавателем телеграфной школы при штабе армии. Под Томском был пленен вместе со всей гарнизоном школы. После допроса в Томском городском ОГПУ около полугода провел в местном лагере для военнопленных. После отбытия наказания Аргентовский продолжил военную карьеру в частях Красной Армии, дослужился до помощника командующего ротой связи полевой телеграфной военной команды. После демобилизации он вернулся домой, в Шадринск, где ко времени лишения его избирательных прав служил в окружном земельном управлении в должности район-

ного землеустроителя. В 1926 г. вступил в члены профсоюза земельных работников. При решении вопроса о восстановлении Аргентовского в избирательных правах, кроме членства в профсоюзе и службе в рядах Красной Армии, оказал влияние и отзыв с места работы, где он характеризуется как общественник и активный работник, "проводивший классовую линию в интересах бедняцко-буржаской части населения и его кооперирования". В результате рассмотрения дела Аргентовский решением Малого Президиума Уральской областной избирательной комиссии от 21 марта 1929 г. был восстановлен в избирательных правах.

Иначе сложилась судьба С.М. Бирькова, лишённого избирательных прав в апреле 1929 г. как участник белого движения. Он был мобилизован в Колчаковскую армию в июне 1918 г. Служил в управлении заведования перемещениями войск Самарского района в чине прапорщика. В середине декабря 1919 г. под Новониколаевском перешёл через фронт к красноармейцам. В Красной Армии служил до осени 1921 г., в железнодорожных войсках. После мобилизации вернулся в Челябинск, где до времени лишения его избирательных прав служил в окружном земельном управлении в должности агронома. Президиум Уральской областной избирательной комиссии отказался восстановить С.М. Бирькова в избирательных правах. Это, как правило, означало увольнение с работы и, как следствие, нищету, голод.

Н.В. Подпрятков
Пермь

ОРГАНИЗАЦИЯ КАРАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В НАЧАЛЕ 20-х гг. В ПРИКАМЬЕ

Со времен гражданской войны на Урале создавались так называемые рабочие полки и подразделения, куда направлялись "нетрудовые слои" населения - буржуазия, интеллигенция, служащие и т.д., т.е. те, кому Советская власть боялась доверить оружие. В трудовые армии направлялись и военнопленные, дезертиры, перебежчики. Так, в конце 1919 г. в Перми формируется Рабочий полк при Управлении военных сообщений в количестве 5 тыс. человек. Он состоял из 14 рот и 2 команд - хозяйственной и командантской, был образован из пленных белогвардейцев и перебежчиков белой армии.

Позаботились власти и о том, чтобы население не вздумало помогать этой категории граждан. Окружной комиссариат по военным делам Приуральского военного округа издал 2 октября 1920 г. приказ № 1436, согласно которому у всех "пособников и укрывателей" ... отобрать имущество, скот и всю домашность". Все села несли круговую поруку и, если в результате проведения этих мер был убит советский работник или коммунист, кулаки и богачи безжалостно расстреливались, а их имущество передавалось в казну.

Попавшие в полк бойцы находились в концентрационном лагере, жизнь и деятельность которого регламентировались инструкцией начальника оперативного отдела округа Любимова. Посетители к заключенным допускались только в праздники на полчаса, в определенное время и при обязательном присутствии коммуниста из числа караула.

Охранявшие заключенных красноармейцы также могли оказаться среди своих подопечных, поскольку созданный весной 1920 г. Рабочий трибунал был уполномочен привлекать к ответственности всех, чьи деяния попадали под пункт "превышения и бездействия власти при условии, если означенные деяния сопровождались существенным вредом для Республики или если могли сопровождаться указанным последствием ..." (в то время "существенным последствием" считались и "злостный саботаж", и "умышленное понижение производительности труда", и "неоднократное нарушение трудовой дисциплины" и т.д.).

Осужденного красноармейца могли отправить и в штрафное подразделение, где условия быта и труда были еще хуже. Как докладывал комиссар 18-го запасного полка, инспектировавший штрафные роты этого полка в Усолье летом 1920 г., штрафники "работают ежедневно по 12 часов, дней отдыха и других часов, как-то банных, нет ... Живут они в помещении, которое можно приравнять к месту для скотины ..."

Национальный состав рабочих частой был разнообразным. Командовали карательными органами в основном выходцы из Прибалтики. Так, возглавлял Пермский караульный батальон немец И.Е.Штрелев, а его помощником был латыш И.Я.Кишвин. Латыш Х.Г.Гинтер являлся губернским военкомом, а его земляк Р.А.Граблаус - заместителем председателя губернского комитета по борьбе с дезертирством. Главными цензорами губернии в этот период были эстонец Я.А.Орав и еврей М.Шиндлер.

Однако даже эта категория лиц испытывала жестокое давление со стороны государства. Так, они не могли свободно определить свое гражданство, хотя Советское правительство и признало независимость государств Прибалтики.

К. А. Русина
Екатеринбург

СУДЬБА СЛУЖИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ 20-30-х гг. XX в.

Лишение избирательных прав граждан СССР в 1920-1930-е гг. затронуло также лиц, связанных с религиозными культурами.

Лишая служителей церкви и лиц, так или иначе связанных с этой организацией, прав участвовать в выборах, государство одновременно проводило по отношению к ним ряд других насильственных мер. Наиболее распространенными были: индивидуальное налогообложение, ведущее к разорению крестьянских хозяйств, увольнение с работы, исключение из колхозов, мобилизация в трудовое ополчение.

Кроме того, нередко имело место нарушение инструкции о выборах и лишение избирательных прав не только тех, для кого служение в церкви было основным источником доходов, но тех, кто находился на их иждивении, вдов священников, бывших монахинь, крестьян, временно заменяющих псаломщиков, детей, живущих самостоятельно от отца-священника и др. Восстанавливали же в правах только имеющих 5-летний стаж работы на государственном предприятии или в учреждении. При этом не учитывались ни наличие собственного крестьянского хозяйства или какой-либо кустарной мастерской, ни работа в колхозе, ни преклонный возраст, ни стремление отдельных людей принимать участие в мероприятиях новой власти, ни их восприятие новых идеалов.

Возможно, причина такого положения заключалась не только в том, чтобы ликвидировать потенциальных и формальных врагов.

В 18 % исследованных личных дел лишенцев, хранящихся в Госархиве Свердловской области, указаны на повышения сельскохозяйственного налога, индивидуальное налогообложение, штрафы. 3 % лишенцев отмечают, что они исключены из колхозов либо не могут осуществлять свое желание вступить в колхоз. 4 % указы-

вают на увольнение с работы или невозможность устроиться на какую-либо государственную службу. Причем от таких притеснений страдали не только сами лишенные избирательных прав, но и их дети. Причину данного положения верно определил бывший псаломщик: "... Нет права голоса - нет доверия".

Вокруг лишенцев искусственно создавалась атмосфера враждебного отчуждения. Общество вновь делилось на своих и чужих. Люди, которым было отказано в праве участвовать в выборах, испытывали на себе не только материальные притеснения, но и острый моральный гнет.

О характере существующей власти и методах ее борьбы против потенциальных и формальных противников можно судить также по тому, что она не останавливалась и перед разрушением семей. В ряде дел имеются сведения о том, что люди преклонных лет вынуждены были расторгать брак для того, чтобы жена бывшего священника могла быть восстановлена в избирательных правах.

8 % лишенцев, исходя из рассмотренных дел, прошли через принудительное тыловое опечение. Это был один из путей создания социалистической экономики, который продолжал развиваться и в последующие годы в различных формах - использование труда спецпереселенцев, политзаключенных и т. д.

Однако следует отметить, что в определенной части дел информация о притеснениях, которыми сопровождалось лишение избирательных прав, отсутствует. В основном это касается "отказных" дел, в которых имеются лишь справки об отказе в восстановлении прав. Такие дела составляют 31 % рассмотренных. Не вызывает сомнения, что та или иная репрессивная мера применялась ко всем лишенцам.

Таким образом, анализ личных дел лиц, лишенных избирательных прав за связь с религиозными культурами, показывает, что рассматриваемое мероприятие являлось одной из мер или сторон борьбы против религии и церкви в целом, которая наиболее активно развернулась в конце 20-х гг., когда священнослужители были приравнены к "врагам народа", "вредителям", "кулакам".

ДОКУМЕНТЫ ЦДООСО О РЕПРЕССИИХ НА УРАЛЕ
В 20-е - НАЧАЛЕ 50-х гг.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (бывший партийный архив Свердловского обкома КПСС) представляет для исследователей в довольно полном объеме документы и материалы, отражающие проблемы репрессий на Урале.

Историю политических репрессий можно изучать по источникам многих фондов Центра. Наиболее ранний из них, указывающий на существование первого концлагеря в Екатеринбурге, относится к 1920 г., последние по этой тематике датируются 1988 г. Имеющиеся на хранении сведения дают возможность изучить само понятие репрессивных органов, деятельность их подразделений. Это фонды политотделов ИТЛК, МЗ, МВД и других структурных подразделений ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД. Справки, отчеты, информация раскрывают функции, формы работы репрессивных органов и результаты их деятельности. Знакомясь с документами Центра, можно изучить социальный облик различных слоев населения, подвергшихся репрессиям. Поэтапно это были: белогвардейцы, иностранные специалисты, раскулаченные, священнослужители, интеллигенция, особая категория партийных и советских работников и просто члены КПСС. Наличие на Урале спецпереселенцев и проведения переселенческой политики дают возможность исследовать документы Центра об условиях их жизни и труда, человеческих судьбах, к этой же категории лиц, подвергшихся репрессиям, необходимо причислить ссыльнопоселенцев в период раскулачивания.

За 20-30-е гг. в фондах Уралобкома, окружкомов и губкомов наиболее крупных в партийном строительстве партийных органов - сосредоточены различные материалы, например, информационные сводки за 1923 г. начальника информационно-агентурного отделения ГПУ о настроении населения. Так, в фонде Уралобкома можно изучить документы о работе облотдела ОГПУ, о перемещении работников по линии ГПУ, выписки из протоколов, письма, заявления, докладные записки, переписку по работе ОГПУ, докладные записки, письма о классовой борьбе в деревне, обвинительные заключения, приговоры, диаграммы о случаях террора по области за 1928 г.,

справки, записки, Заявления о контрреволюционных выступлениях в районах области в 1933-1934 гг.

Кроме указанных фондов, материалы которых в основном посвящены работе пенитенциарных учреждений, необходимо изучать документы горкомов и райкомов партии, в которых скопился богатый информационный материал о работе на местах, например, в фонде Никитинского горкома партии на хранении имеются докладные записки за 1938-1944 гг., справки прокуратуры и НКВД о вскрытых организациях и лицах, причастных к шпионажу и вредительской деятельности.

Наиболее полно документы и материалы Центра отражают проблему репрессий против членов партии и работников партийного аппарата. В различных фондах партийных органов и организаций за 1920-1991 гг. имеется огромное количество данных о преследовании коммунистов за инвакмыслие, исключения из партии и освобождения от работы по различным причинам, например, справки, сводки, докладные записки обкома ВКП(б) о рассмотрении апелляции, фактах разоблачения врагов, выявленных в ходе проверки документов, и списки исключенных из партии в 1937 г.

Многочисленные сведения, связанные с реабилитацией членов партии, продолжавшейся до самого последнего времени в деятельности КПСС, имеющиеся на хранении в Центре и касающиеся судеб отдельных конкретных людей - совершенно не изученный пласт.

Раскрытие проблемы репрессий невозможно без исследования документов фонда Свердловской областной контрольной комиссии, а также губернских и окружных комиссий, где особенно много материалов, освещающих историю борьбы с троцкистской оппозицией в 20-е гг. При анализе этой проблемы нельзя исключать глубокого изучения коллекции документов Уральского (Свердловского) истпарта, особенно оп.2, включающей массу воспоминаний периода революции и гражданской войны.

Специфика имеющихся на хранении в Центре документов и материалов состоит в том, что проблема репрессий освещается с позиции коммунистических партийных органов и самих органов ВЧК-ОГПУ-НКВД. Для изучения истории политических репрессий на Урале в 20-50-е гг. и вопросов реабилитации коммунистов, продолжавшейся до 1991 г., Центр представляет исследователям фонды: Уральского (Свердловского) обкома КПСС, Екатеринбургского губ-

кома, Екатеринбургского Укома, Уралбюро ЦК РКП(б), Екатеринбургского (Свердловского), Ирбитского, Нижнетагильского округов РКП(б), политеделов ИТЛК-ИТУ, МВД, Восточно-Уральского исправительно-трудового лагеря МВД РСФСР, Баженовского исправительно-трудового лагеря, Ивдельспецлеса МВД СССР, политеделы и первичные парторганизации органов и организаций МВД (НКВД) например, первичной организации ВКП(б) тюрьмы № I Молотовского района Свердловска и многих других.

Таким образом, для изучения проблемы репрессий на Урале в 20-е - начале 50-х гг. Центр документации общественных организаций может представить исследователям десятки фондов и сотни дел.

М. Н. Тайсолина
Курган

ЕДИНЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ НАЛОГ НА ЗАЖИТОЧНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО УРАЛА В 1925/26 И 1926/27 гг.: АНАЛИЗ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЙ

В зажиточном крестьянстве 1920-х гг., в том числе "кулаках", можно выделить две группы: 1-я повышала рентабельность своего хозяйства за счет интенсификации производства; 2-я - путем предпринимательских занятий. Политика Советского государства, в частности налоговая, должна была различать источники и характер получения доходов у крестьян этих групп. В 20-е гг. налоговая политика в отношении крестьянства была призвана не столько пополнять госбюджет, сколько регулировать социальные процессы в деревне. С ростом зажиточного крестьянства (по мере подъема сельского хозяйства и восстановления товарно-денежных связей) классовый характер налоговой политики усиливался.

Рост размеров налога для зажиточных хозяйств был обусловлен следующим: обложение по посеву (а не по пашне, как в РСФСР) в Уральской области с преобладанием залежной системы полеводства позволило полней учитывать более эффективное использование пашни у зажиточных; наряду с понижением норм пересчета скота, сенокосов в облагаемые единицы были увеличены ставки в зависимости от количества скота в хозяйстве; по срав-

нению с налогом на 1924/25 г. дифференциация ставок в 1925/26 г. стала значительнее.

Обложение садов, огородов, приравненное к обложению посевов зерновых и прочих полевых культур, не стимулировало развитие этих отраслей в крестьянских хозяйствах, в том числе в крупных. Льготы за расширение хозяйства (освоение новых земель и др.), за сельскохозяйственные улучшения полагались только бедняцким и середняцким хозяйствам. Правда, закон включал некоторые моменты, способствующие развитию садоводства и огородничества: исключение из обложения молодых плодовых насаждений и мелиорируемых земель в хозяйствах крестьян независимо от того, к какому слою они принадлежали.

Закон о едином сельхозналоге на 1926/27 г. был принят в условиях экономического кризиса (дефицит промтоваров в условиях большого количества денег в обращении). Расчет налога впервые проводился по совокупности доходов на хозяйство, исчисленных в денежных единицах с учетом числа едоков.

Закон усиливал обложение важиточных, так как в предметы обложения включались специальные отрасли сельского хозяйства, в том числе птицеводство, пчеловодство и неземледельческие заработки (причем сумма дохода определялась для отдельного хозяйства, что вело к переобложению таких хозяйств и уменьшению желания крестьян заниматься этими отраслями). Доход от полеводства включался по посеву уже во всей Уральской области, поэтому утверждение, что налог для важиточных был легче из-за исключения его по средним нормам доходности, односторонне.

Уже из текста закона можно предположить последствия введения сельхозналога 1926/27 г. для важиточных хозяйств: снижение товарности, разрыв хозяйств.

В. И. Тихонов
Москва

СУДЬБА ЛИШЕНЦЕВ

Лишение избирательных прав являлось составной частью карательного механизма, сложившегося в Советском государстве в 20-30-е гг. Люди, попадавшие в списки лишенцев, становились

объектами пристального внимания со стороны советских и правоохранительных органов. Для многих восстановление в правах было единственным шансом вернуться к нормальной жизни, и рада этого стоило идти на подтасовку фактов своей биографии и прямой обман. Насколько успешными были попытки "чуждых элементов" вернуть себе избирательные права и реакцию на эти попытки избиркомов, мы попытались выяснить с помощью анализа противоречивых сведений, содержащихся в личных делах лишенцев. Работа велась с базой данных, созданной на основе материалов одного из райизбиркомов Москвы.

Характерной чертой личных дел лишенцев является включение в них документов с разным авторством, материалов как личного происхождения, так и официальных, и частных лиц. Нас привлекали те дела, в которых содержание тех или иных фактов, трактовка одних и тех же событий отличались в зависимости от вида источника. Для анализа структуры противоречий были взяты следующие сведения о лишенцах: на момент рассмотрения их жалоб - общественная работа, материальное положение, занятие, все сведения о собственности. Противоречия распределились следующим образом: общественная работа - противоречий не обнаружено; материальное положение - в 3 % всех случаев (т.е. в 3 % дел, содержащих эти сведения); занятие - в 5 %; собственность - в 12 % случаев.

Как видим, наибольшие противоречия присутствуют в сведениях, которые лишенцу имело смысл скрывать или искажать: о роде деятельности, собственности и "нетрудовых доходах". С другой стороны, на эти сведения особое внимание обращали и члены избирательной комиссии. Легко заметить, что информация из документов комиссии (акты обследований, выписки из протокола, переписка, резолюции) присутствовала практически в каждом случае несоответствия сведений. Все это свидетельствует об активной роли избирательной комиссии в собирании материалов на лишенцев.

Характер несоответствий между сведениями документов серьезно влиял на дальнейшую судьбу лишенца. Так, случаи с последним родом занятия, в зависимости от характера несоответствий, были разбиты на четыре группы: 1) между личными документами и сопроводительными; 2) между разными видами сопроводительных; 3) подтверждение сопроводительными только части сведений личными; 4) подтвержденные сведения личных документов дополняются

другими сопроводительными. При анализе полученных сведений можно было заметить интересные закономерности: чем более ярко выражены несоответствия в документах, тем чаще человек проходил процедуру лишения избирательных прав, и напротив, чем мягче были противоречия, тем больше было шансов восстановиться в правах и меньше неясности в дальнейшей судьбе лишенца. Таким образом, жесткие противоречия в документах (созданные при активном участии комиссии) снижали шансом лишенцев восстановиться в избирательных правах.

В.В.Филатов
Магнитогорск

К ВОПРОСУ О РЕПРЕССИЯХ В ОТНОШЕНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ УРАЛА В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

С конца 20-х гг. и на протяжении 30-х гг. на Урале проводились репрессии как против аппаратных работников областного и районного уровня, так и против руководителей колхозов. Террор против управленцев маскировался под так называемые чистки государственных учреждений от классовых врагов, регулярными партийными чистками, наказаниями за невыполнение директив вышестоящих органов и т.д.

В конце 20-х - начале 30-х гг. в областных учреждениях Урала чистки проводились постоянно. Так, в 1929 г. из проверенных служащих в Уральском областном земельном управлении каждый третий был признан "чуждым элементом", а каждый десятый - "чуждым партией". В следующем году количество "вычищенных" увеличилось. На их места пришли малограмотные, но классово выдержанные выдвиженцы.

В начале 30-х гг. широкое распространение получили репрессии, связанные с хлебозаготовительными кампаниями. В Башкирии за 1929-1931 гг. по ст.109-III (судебные репрессии к должностным лицам) были привлечены к судебной ответственности свыше тысячи руководителей, большинство из них составили председатели и члены сельсоветов. В Троицком округе в 1930 г. 40 % председателей сельских советов было предано суду. Постановлением Уралобкома ВКП(б) в ноябре-декабре 1932 г. за так называемое

противодействие хлебозаготовкам сняты с работы, исключены из партии и осуждены партийно-советские руководители четырех районов области. В 1934-1935 гг. около 1/2 снятых с работы председателей сельсоветов Свердловской области было отдано под суд за преступления по работе.

В 1935 г. в Оренбургской области было осуждено 7,7 % председателей колхозов, причем каждый третий - за неудовлетворительную организацию посевных и уборочных работ. В 1936 г. 12,8% председателей колхозов Свердловской области имели судимость за преступления по службе.

Погоня за количеством судебных дел приводила к тому, что их признавали ошибочными (в 1935 г. в Свердловской области был признан недействительным каждый четвертый приговор).

Особого размаха репрессии достигли в 1937 г. За 1935-1936 гг. и первую половину 1937 г. в Свердловской области были сняты с работы 187 сельских секретарей РК ВКП(б). Основная причина обвинения - враг народа, пособник врага народа, за политические ошибки. В дальнейшем большинство из них были осуждены.

Происходили перемены и в составе выборных партийных органов. В 1937 г. в областях Уральского региона было исключено из партии от 1/5 до 1/3 членов пленумов, бюро обкомов и райкомов партии, многих из которых репрессировали.

В 1937 г. снят с работы и исключен из партии заведующий Свердловским областным земельным отделом, а заведующий земотделом Коми-Пермяцкого округа - расстрелян. В том же году каждый третий руководитель МТС был арестован. В Башкирии такая же участь постигла 20 ответственных работников Наркомата земледелия, 146 земельных работников и руководителей МТС. Все они обвинялись во вредительстве. По неполным данным только по ст.58 за 1937-1938 гг. в Челябинской области попали под суд 15 руководителей колхозов, одного из них расстреляли. Признания подсудимых во многом совпадали. Так, на судебном процессе 1937 г. обвиненный в контрреволюционной деятельности секретарь Курганского РК ВКП(б) Реутов говорил о якобы преднамеренных действиях по срыву колхозного строительства. Он приписывал себе вину в том, что во время сельскохозяйственной кампании снимал с работы председателей колхозов, устанавливал незаконные обязательные задания по хлебозакупу для колхозов, не имевших зерна. В

результате этого судебного разбирательства все руководители района, два председателя сельсовета, председатель одного из колхозов получили высшую меру наказания. Факты того времени свидетельствуют, что эти люди лишь добросовестно выполняли указания своего руководства.

Восстановить свое доброе имя было не просто. Анализ апелляций, рассмотренных бюро Свердловского обкома ВКП(б) в 1937 г., показывает, что по 1,7 тыс. апелляциям восстановлен в партии лишь каждый третий. Остальные признаны исключенными правомерно, причем более 1/2 — по политическим мотивам. Среди исключенных были ответственные работники партийно-государственных органов областного, городского и районного звена.

Л. А. Фофанова
Екатеринбург

ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ БЫВШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ НА УРАЛЕ В 20-30-е гг.

Власть и общество в традиционно авторитарной политической системе России. Характер их взаимодействия и сосуществования, его влияние на реальную, конкретную человеческую жизнь. В истории нашего государства эти проблемы являются принципиально значимыми и определяющими.

Механизм воздействия на личность властных структур советской эпохи, включая санкции экономического, политического, морально-психологического порядка, в том числе и репрессивно-дискриминационного содержания, наиболее отчетливо и многогранно высвечивался в периоды проведения разного рода политических кампаний, особенно выборов.

В этом плане несомненный интерес представляют 20-30-е гг., когда существовали категории лиц, лишенных избирательного права. К ним относились и бывшие государственные служащие. Их социальный портрет, реальный статус, нравственное самочувствие, восприятие и оценка своего положения, персональных судеб, отношения к ним советских организаций как нельзя лучше характеризуют состояние власти и общества тех лет.

Изучить и проанализировать это состояние на примере Уральского региона до некоторой степени позволяют дела лишенцев, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области.

Бывшие государственные служащие как царского, так и колчаковского правительств к 30-м гг. среди лишенцев на Урале составляли наименьшую по численности группу. С теми служащими, кто действительно представлял для советских органов, в том числе и местных, хоть какую-то опасность, к середине 30-х гг. (а большая часть дел относится именно к этому времени) все проблемы были уже решены.

Значительную часть среди лишенцев исследуемой категории составляли в основном мужчины преклонного возраста — старше 50 лет, малообразованные, юридически безграмотные, т.е. неспособные себя защитить. Исключением являлись служащие ряда уральских земств и городских дум. Преимущественно это были выходцы из крестьян, занимавшие в прошлом самые низшие должности в наружной, а не карательной полиции по причине разорения хозяйств, безземелья и безработицы, порожденных социальными катаклизмами начала XX в., особенно войнами. Причем, служившие, как правило, не более года, а то и 2-3 месяца.

М. А. Фельцман
Екатеринбург

УРАЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП(б) В 1938 — ИКНЕ 1941 г.

К 1938 г., когда сталинские репрессии достигли апогея, уральские организации ВКП(б) пришли обезглавленными и обескровленными. Их численность с 214 750 человек на 1 января 1933 г. сократилась до 72 500, или в 3 раза. Снизилась рабочая прослойка: рабочие с производства составляли к 1938 г. только 25 % вместо 41,6 % на 1 января 1933 г. Был уничтожен практически весь партийный аппарат, сформировавшийся в 20-30-е гг. Потери коммунистов Урала были более тяжелыми, чем по стране в целом (численность ВКП(б) за 1933-1937 гг. сократилась с 3,6 до 1,9 млн человек, или почти в 2 раза). Это было не случайно: одни из самых опытных и закаленных, с ядром из большевиков с дооктябрьским стажем, партийные организации Урала были серьезной помехой на пути сталинщины.

Тяжелейшие потери партийных организаций края стали одной из главных причин того спада в экономике Урала, который пришелся на 1937-1938 гг. Стоявшие во главе Свердловской областной организации ВКП(б) офицеры НКВД А.Я.Столяр, затем Валушкин показали полную неспособность исправить положение.

В этой ситуации Сталин и его окружение были вынуждены уменьшить размах репрессий и прекратить прямое давление на инженерно-техническую интеллигенцию. Для руководства партийными организациями Урала ЦК ВКП(б) направил в конце 1938 г. коммунистов, имевших высшее инженерное образование: В.М.Андрианова - в Свердловский, Н.И.Гусарова - в Пермский, Д.И.Антонова - в Челябинский областные комитеты. Эти партийные руководители сумели стабилизировать обстановку как в партийных организациях, так и в экономике края.

На фабрично-заводском Урале репрессированные кадры нередко заменялись рабочими "от станка", не имеющими опыта партийной работы. Так, 30-летний рабочий Уралмаша В.И.Недосекин за один год прошел путь от секретаря партбюро цеха до секретаря горкома ВКП(б).

К 1941 г. в партийных организациях Урала насчитывалось 126 705 человек, в том числе 24 401 рабочий. Дальнейшее снижение рабочей прослойки в рядах партии надо оценивать, на наш взгляд, неоднозначно. Отмена ограничений по приему в ВКП(б) в марте 1939 г. позволила привлечь в ряды партии значительное количество интеллигентов, главным образом молодых выпускников вузов. Это в какой-то мере повышало интеллектуальный потенциал ВКП(б). Однако отметим, что в снижении рабочей прослойки среди коммунистов Урала видно пренебрежение сталинских чиновников к тому классу, от имени которого они правили.

В.В.Дубленных
Екатеринбург

К ИСТОРИИ РЕПРЕССИРОВАННОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Студенчество всегда, на всех этапах развития общества в поисках веры и справедливости проявляло бунтарский характер. Удерживать в оковах его передовую часть не удавалось никому, в том числе репрессивной системе Советов.

Если анализировать поставленную тему в историко-хронологической плоскости применительно к Екатеринбург, то она включает в себя ряд сюжетов. Прежде всего выделяется проблема дискриминации среди студенчества первого набора УрГУ и УПИ. Определялось это тем, что первые учащиеся различных факультетов высшей школы оказались выходцами из интеллигенции. В период борьбы за власть они, будучи еще учащимися горного института, почти все ушли в белую армию, а после гражданской войны вернулись в студенческие аудитории и оказались чужаками.

Из первой проблемы вытекает вторая: из деления студентов на наших и ненаших высвечивается категория врагов и шпионов. В УПИ это, например, история с Р. Бухдингер, вышедшей замуж за Примакова, родственника известного военачальника, осужденного за шпионаж. В сводках по УрГУ 1937 г. приводится "Состав заседаемого студенчества" - дети от классово чуждых элементов 44, родившиеся за границей - 7, имеющие репрессированных родителей или родственников - 92, всего 143 "чужака".

Следующая проблема - студенты-большевики, вставшие в оппозицию официальному курсу партии. В УПИ - К. Грачев, А. Степанов и другие, занимавшие в годы гражданской войны видные посты в РККА, которые "отказались примыкать к лакированным сторонникам Сталина".

"Раствление" студенчества из-за влияния старой профессуры - еще одна проблема. В качестве примера можно считать "недостойное поведение студентов О. Лосанова и С. Грум-Гржимайло, которые в противовес траурной демонстрации 27 января 1924 г. по великому вождю проводили обычное занятие". Несколько позже "определось позорно отвратительное поведение учащихся медицинского факультета, вставших на сторону осужденного преподавателя М. О. Клера". Это не единичные случаи.

Необходимо выделить и проблему доносов в студенческой среде. Факты подобного характера были частым явлением в вузах. Тема доносов сложна и многогранна как с этической, психологической, так и с гражданской оценки.

Если говорить о гражданственности, то и эту проблему невозможно обойти при исследовании репрессий против студенчества. Молодежь всегда боролась против лжи, поэтому не могла согласиться с происходящими событиями. В 1932 г. студенты горного инсти-

туда написали письмо И. Сталину о последствиях голода. Текст письма готовили Г. Нечунаев и Д. Вольфсон. Послание обсуждалось на собрании группы, было одобрено и подписано единогласно. Результат - 14 студентов исключены из института, Г. А. Нечунаев провёл 26 лет в Воркуте, Д. И. Вольфсон погреб в Магадане.

Начавшаяся после смерти И. Сталина "оттепель" вновь взволновала студенческую массу. Наиболее ярко это проявилось в УПИ в выступлениях студента физико-технического факультета В. Немелкова. На отчетно-выборной комсомольской конференции в октябре 1956 г. он выступил с резкой критикой опартократившего государственного аппарата и перерождения комсомола.

В период гонений на академика А. Д. Сахарова на философском факультете УрГУ М. Мартыянов, Г. Погорелова, Н. Турысбекова распространяли открытое письмо А. Д. Сахарова правительству. Филологи в своих рукописных журналах "В поисках" и "Всходы" подняли проблему о "загнивании гуманитарных наук. На конференциях и собраниях студенты Д. Спок, Черкизов, Федосеев, Плотников, Карлович требовали свободы идеологических дискуссий.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрианова Г.С. Судьбы театральных деятелей Свердловска 30-х гг. (Проблемы изучения)	3
Алексеев И.И. О категории "кулак" и революционной законности	5
Бакунин А.В. Репрессивная политика советского тоталитарного режима	7
Бехтерев С.Л. Политические процессы над эсерами-максималистами как метод репрессивной политики коммунистической партии и советского государства	9
Бикметов Р.С. К вопросу об источниках по истории принудительного труда в угольной промышленности "узбасса" в 1941-1945 гг.	11
Васильева О.И. Репрессия против удмуртской интеллигенции и проблемы национального просвещения	13
Винниченко О.Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. (на материалах местных Советов Урала)	16
Воронина Г.А. Некоторые штрихи к портрету бывшего узника ГУЛАГа	18
Гассельблат Г.В. Уральская "Промпартия"	20
Гизатуллин Р.Н. К вопросу о политических репрессиях на Урале (по материалам архива Троицкого ветеринарного института)	22
Главацкий М.Е. Правозащитная деятельность В.Е.Грум-Гржимайло	25
Грановский С.А. Психология восприятия репрессий 30-х гг. их современником	28
Давлетшин Р.А. Условия жизни и судьба спецоселенцев в Башкирской АССР	30
Дулупова Р.С. Архивные документы об основных этапах политических репрессий социальных групп населения на Урале в 1920-30-е гг.	31

Еремин А.С. Проведение кампании раскулачивания в Ирбитском округе Уральской области (зима-весна, 1930)	33
Заболотская К.А. Использование труда спецпереселенцев в создании Урало-Кузбасса (по материалам угольной промышленности Кузбасса)	34
Загороднюк Н.И. Прием и размещение спецпереселенцев на Обском Севере (1929-1932)	36
Зотева М.Н., Сорокина Л.Г. Государственный архив административных органов Свердловской области и его основные фонды	38
Ивкина Т.В., Колышкина Л.А. К вопросу об эффективности труда спецпереселенцев	40
Камынин В.Д., Заболотский Е.Б. Тема репрессий 20-х - начала 30-х гг. в уральской исторической литературе	41
Касимов С.Ф. Репрессии против национальных кадров Башкортостана (1918-1938)	44
Коноплева Л.А. Избирательные кампании в Советы и дискриминация прав населения	46
Латыпова В.В. Из истории борьбы с контрреволюционерами в Уфимской губернии в начале 20-х гг.	48
Мазур В.А. Аресты 1941 г. в Свердловском университете (по материалам музея истории Уральского университета)	50
Мазур Л.Н. Крестьяне-лишенцы: Реконструкция социального облика по материалам личных дел	52
Максимова Л.А. Условия труда спецпоселенцев на территории республики Коми в 1940-е гг.	55
Маламуд Г.Я. Депортированные народы как источник рабочей силы в системе ГУЛАГа на Урале (1942-1948)	56
Метис А.В. "Закон о пяти колосках"	59
Меньшикова А.Л. Репрессии и социально-экономическая структура уральской деревни в 30-е гг.	60
Миралякова Г.В. Репрессии в Удмуртии (30-40-е гг.)	62

Москина Р.Т. Репрессии как неотъемлемый элемент сталинской тоталитарной политической системы	64
Музафарова Н.И. Судьба представителя татарской интеллигенции М.Султан-Галиева	66
Муртузалиева Л.Ф. Штрихи к истории объединенной оппозиции на Урале 1927 г.	68
Плотников И.Е. Условия жизни ссыльнопоселенцев на Урале в начале 30-х гг.	70
Пашкова И.А. Историческая наука в национальных районах Урала в 30-е гг.	72
Попов Н.Н. Сталинские репрессии на Урале во второй половине 30-х гг.	74
Попова О.Г. Большевистские репрессии на Урале в конце 1917 - первой половине 1918 гг.	76
Прибыльский Ю.П. ГУЛАГ в 1941-1945 гг.	79
Прищепа А.И. Из истории политических процессов над уральскими диссидентами (середина 40-х - середина 70-х гг.)	81
Родюнов Н.А. Иностранцы военнопленные на Урале (численность, правовое положение и условия существования)	83
Сайдашова М.А. Репрессии против духовенства - один из факторов деформации национальной самобытности	85
Сапожников А.Г. К вопросу о размещении и условиях жизни спецпереселенцев на Урале в начале 30-х гг.	87
Славко Т.И. Идеологическое обеспечение процесса лишения избирательных прав в 20-30-е гг.	89
Смирнова Е.А. Состав документов фонда архивно-следственных дел Государственного архива административных органов Свердловской области	91
Суслов А.Б. Идеологическое обеспечение репрессивной политики РКП(б) по отношению к эсерам на Урале в 20-е гг.	93
Тагильцева Н.Н. Репрессии против членов краеведческих обществ Урала в конце 20-х - 30-е гг.	95

Темникова И.В. Документы ГАСО по истории политических репрессий на Урале	97
Хаустов В.Н. Репрессия второй половины 30-х гг.	99
Шакляйна И.Л. Спецпереселенцы из Крыма в поселке Була- наш Свердловской области	101
Шмакова Н.П. К вопросу о спецпереселенцах на Урале в 30-е гг.	103
Яров С.В. Политическое сознание рабочих в Советской России в 1921-1923 гг.: Механизм унификации	105
Еакишева С.А. Экспроприация байских хозяйств как про- лог "Казахстанской трагедии"	107
Еуравлева В.А. Городское население Урала в 30-е гг.	109
Кириллов В.М. Спецотряд № 18-74 (Судьба немцев-тагиль- чан)	111
Корнилов Г.Е., Оболенская О.В. Репрессии сельскохозяй- ственных кадров Среднего Урала во второй половине 30-х гг.	114
Кузнецов А.Ф. Репрессии на Урале в 20-30-е гг. в лес- ных отраслях	115
Меркулова Т.Л. Репрессии бывших участников белого дви- жения на Урале	117
Подпряттов Н.В. Организация карательного воздействия на военнослужащих в начале 20-х гг. в Прикамье	119
Русина Ю.А. Судьба служителей церкви 20-30-х гг. XX в.	121
Степанова Г.И. Документы ЦДООСО о репрессиях на Урале в 20-е - начале 50-х гг.	123
Тайболина М.Н. Единый сельскохозяйственный налог на за- житочное крестьянство Урала в 1925/26 и 1926/27 гг.: Анализ законоположений	125
Тихонов В.И. Судьба лишенцев	126
Филатов В.В. К вопросу о репрессиях в отношении управ- ленческих кадров Урала в годы коллективизации	128

Фофанова Л.А. Политико-социальная дискриминация бывших государственных служащих на Урале в 20-30-е гг.	130
Фельдман М.А. Уральские организации ВКП(б) в 1938 - июне 1941 г.	131
Дубленных В.В. К истории репрессированного студенчества	132

История репрессий на Урале в годы
советской власти
Тезисы докладов научной конференции,
25-26 октября 1994 г.

Редактор В.И. Попова
Технический редактор Э.А. Максимова

Подписано в печать 01.09.94 г.	Формат 60 x 84 1/16
Бумага для множительных аппаратов.	Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 8. Уч.-изд.л. 8.	Тираж 100 экз.
Заказ 814	

Уральский государственный университет. Екатеринбург, пр. Ленина
51.

Типолаборатория УГУ. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

